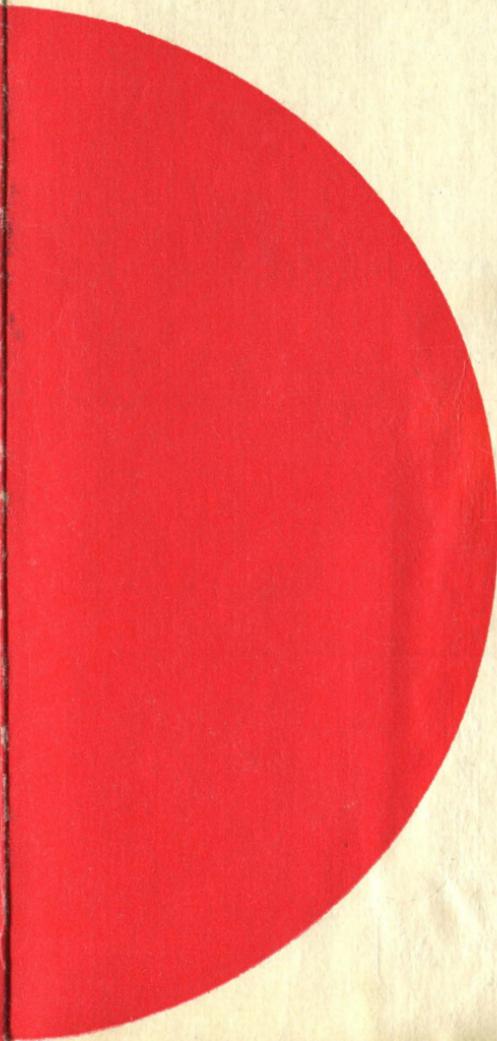

Г. Б. хромушин • современный мир и идеологическая борьба

Г. Б. хромушин

Современный мир и идеологическая борьба

Г. Б. ХРОМУШИН

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

(критика антимарксистских
концепций о влиянии НТР
на судьбы человечества)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
Москва 1974

Хромушин Г. Б.

X 94 Современный мир и идеологическая борьба (критика антимарксистских концепций о влиянии НТР на судьбы человечества), М., «Междунар. отношения», 1974.

200 с.

В книге анализируются идеологические аспекты развернувшейся в мире научно-технической революции.

Буржуазные идеологи, стремясь доказать, что научно-техническая революция делает ненужной революцию социальную, выдвинули ряд теорий, цель которых — проповедь социального пессимизма, отказ от классовой борьбы против государственно-монополистического капитализма, идеологическое сосуществование.

Книга дает развернутый критический анализ этих теорий и показывает, что разрядка напряженности и укрепление международного сотрудничества не только не ослабляют, а, напротив, делают идеологическую борьбу все более важной сферой классовой борьбы современности.

X $\frac{10506-032}{003(01)-74}$ 14-74

1 ФБ

ВВЕДЕНИЕ

Новая обстановка, складывающаяся в мире в результате претворения в жизнь выдвинутой XXIV съездом КПСС Программы мира и серии важных внешнеполитических инициатив ЦК КПСС, характеризуется глубоким поворотом к разрядке международной напряженности, широким развитием контактов между государствами противоположных общественных систем в области торговли и экономических связей, науки и техники, культуры и искусства, массового туризма и т. д.

Характеризуя эти сдвиги, апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС отметил, что результатом укрепления позиций братских стран социализма и их единства, возрастания влияния их согласованной политики на ход международных событий является поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, все более широкое признание принципов мирного сосуществования в качестве нормы отношений государств с противоположным общественным строем.

Руководители братских партий на Крымской встрече в июле 1973 года констатировали, что в осуществлении внешнеполитических целей, выдвинутых в заявлениях Политического консультативного комитета Варшавского Договора, в решениях братских партий, в Программе мира XXIV съезда КПСС, достигнуты значительные успехи. На встрече был сделан общий вывод о том, что в международной обстановке в целом произошли серьезные позитивные изменения, отражающие рост влияния миролюбивой политики стран социалистического содружества.

Все это, конечно, не означает, будто исчезла противоположность между двумя общественными системами, будто классовая борьба между социализмом и капитализмом, между рабочим классом и буржуазией отходит на второй план. Выступая в Софии 19 сентября 1973 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев под-

черкнул: «Разумеется, классовая борьба на международной арене — противоборство социализма и капитализма — продолжается. По-прежнему остаются диаметрально противоположными социальный строй государств, принадлежащих к различным общественным системам, господствующие в них идеологии. Сохраняются еще и разногласия в подходе к крупным политическим вопросам. Отнюдь не сложили оружия и силы, которые выступают против разрядки, мечтают вновь вернуть человечество к ледниковому периоду „холодной войны“»¹.

Всемирная классовая борьба разгорается с новой силой, хотя формы и методы ее неизбежно меняются. В классовом противоборстве двух мировых систем все более важное место занимает идеологическая борьба, ибо классовые, идеологические позиции социализма и капитализма непримиримы. Потерпев глобальное поражение в попытках осуществить свои неизменные классовые цели по ослаблению мирового социализма военнополитическими и экономическими средствами, империализм концентрирует ныне основные усилия в сфере идеологической борьбы. В. И. Ленин, говоря о необходимости «побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное», определил идейное сопротивление капитализма как «самое глубокое и самое мощное»². «...Надо шаг за шагом противопоставлять свое коммунистическое воздействие, — подчеркивал В. И. Ленин. — Это тоже своего рода война, военное состязание двух способов, двух формаций, двух хозяйств — коммунистического и капиталистического. Мы докажем, что мы сильнее»³.

Идеологическая борьба, в которой отражается главный классовый конфликт нашей эпохи, особенно усилилась в 60 — начале 70-х годов. Это связано с рядом факторов развития идейно-политической обстановки в мире.

Прежде всего очевидным является значительное укрепление позиций Советского Союза, социалистической системы во всех областях жизни: экономике, политике, культуре и др. Мировое коммунистическое движение серьезно усилило свои позиции и авторитет, возросло его

¹ «Правда», 20 сентября 1973 г.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 406.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, стр. 75.

политическое и идейное единство, произошло размежевание с ревизионизмом не только в идеологическом, но и в организационном плане.

С усилением могущества СССР и других стран социализма непосредственно связаны и серьезные успехи в проведении политики мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем. Вынужденные считаться с требованиями народов и идти на признание политики мирного сосуществования государств противоположных общественных систем, идеологи и политики империализма в то же время усиливают идеологическую борьбу против растущего влияния идей и практики социализма. В этих целях распространяется вымысел о том, будто мирное сосуществование государств ведет и к сосуществованию идеологий. Но подобные расчеты тщетны. Ленинский курс КПСС состоял и состоит в том, что твердый отпор агрессивным поползновениям империализма сочетается с конструктивным подходом к назревшим международным проблемам, непримиримость в идеологической борьбе — с готовностью развивать взаимовыгодные отношения с государствами противоположной общественной системы.

Другим важным фактором, выявившимся к концу 60-х годов, стало нарастание острейших экономических, валютных, социальных и национальных кризисов в капиталистических странах, обострение межимпериалистических противоречий в рамках империалистической системы. Это привело к значительному росту забастовок: экономическая борьба трудящихся все теснее переплетается с политическими выступлениями против власти монополий, их реакционной политики. В результате ряд идеологических мифов недавнего прошлого оказался обесцененным, и идеологам Запада пришлось заняться поиском новых концепций, которые помогли бы сбить накал классовых битв и социальных конфликтов.

И, наконец, на современную идеологическую обстановку в мире все большее влияние оказывает такой фактор, как развертывание научно-технической революции. Западные интеллектуалы возлагали на нее огромные надежды. Используя прогресс науки и техники, они рассчитывают избавить капитализм от глубоких антагонистических противоречий, ликвидировать его социальные конфликты, укрепить этот эксплуататорский строй. Экономический подъем середины 60-х годов создавал види-

мость решения подобных проблем, так как развитым капиталистическим странам удалось добиться значительного расширения производства и роста потребления. Но вскоре жизнь вновь подтвердила тот факт, что развитие экономики капитализма носит циклический характер, а техника сама по себе не может избавить этот общественный строй от присущих ему антагонизмов. Научно-техническая революция продолжается, но страны капитала вновь сталкиваются со спадом производства, инфляцией, ростом безработицы, падением жизненного уровня трудящихся, увеличением эксплуатации наемного труда.

Итоги 60-х годов убедительно подтвердили, что основная тенденция прогрессивного развития человечества определяется мировым социализмом, который последовательно развертывает свои коренные преимущества перед капитализмом.

Построение развитого социалистического общества в СССР, возникновение и развитие мировой социалистической системы блестяще доказали всемирно-историческую правоту марксистско-ленинского учения о неизбежности революционной замены капитализма социализмом.

Проанализировав глубочайшие революционные сдвиги, которые произошли в современном мире, коммунистические и рабочие партии на своем международном форуме в 1969 году с полным основанием охарактеризовали нашу эпоху как эпоху перехода от капитализма к социализму.

Все силы старого буржуазного мира брошены сегодня на то, чтобы продлить существование отживающей капиталистической системы и если не предотвратить, то хотя бы задержать революционный процесс перехода народов к социалистическому строю. Огромные надежды возлагаются политиками и идеологами монополий на идеологические средства борьбы против социализма, концентрирующиеся в антикоммунизме и антисоветизме.

Конец 60 — начало 70-х годов сопровождались серьезной тактической перестройкой всего арсенала антикоммунистической идеологии, переживающей глубокий кризис. Ход общественного развития и классовая борьба отправили на кладбище идей вначале откровенно апологетические теории о вечности и нетленности капитализма, антикоммунистические измышления о «недолговечности» социализма и его якобы случайном характере, затем вымыслы о «трансформации» капитализма в общество ре-

гулируемой экономики, массового потребления, народного капитализма и пр. Одна за другой терпят крах попытки буржуазных идеологов замаскировать антагонистические противоречия, внутренне присущие капитализму, и дискредитировать уверенно развивающийся социализм.

Вопиющее несоответствие мира капитализма и мира социализма идейно-теоретическим построениям буржуазных апологетов все более вынуждает их переносить борьбу с вопросов анализа существующих реальностей на вопросы тенденций общественного развития и прогнозов облика грядущего будущего. Это направление буржуазной науки, получившее название футурологии, по мере укрепления мировых позиций социализма все более заметно выдвигается в качестве ведущего направления антикоммунизма. Тяга к социальным утопиям, отличавшая начальный период капитализма, воскрешается в эпоху его заката. Но если в тот период общая направленность социальных утопий носила прогрессивный характер, ибо они, минуя капитализм, устремлялись к социалистическому будущему, то ныне социальное прогнозирование идеологов монополий откровенно реакционно, так как оно нацелено на дискредитацию существующего и развивающегося социализма, на увековечение исторически обреченного мира монополий.

Различные описания социальной структуры мира в 2000 году и далее, взаимоотношений между техникой и различными социальными группами перекочевали со страниц художественной фантастики в работы буржуазных ученых — экономистов, философов, социологов, психологов и т. д. В этих новейших «антиутопиях» предпринимаются попытки осмыслить общественные последствия научно-технической революции с противоположных марксизму-ленинизму позиций, выдвинуть новые аргументы в пользу теорий «постиндустриального общества», доказать бесперспективность классовой борьбы трудящихся масс против капитализма, за утверждение идеалов научного социализма.

Все многообразные приемы и средства буржуазной идеологии и пропаганды сосредоточены на том, чтобы опровергнуть марксистско-ленинский вывод о характере современной эпохи как эпохи революционного перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Антимарксистская трактовка социально-экономических

последствий научно-технической революции все более занимает здесь центральное место.

В связи с этим, не претендуя на анализ всего круга проблем идеологической борьбы в условиях разрядки международной напряженности, автор поставил своей целью рассмотреть ряд узловых вопросов: выявить специфические методы идеологической реакции теоретиков буржуазии на рост влияния мировой системы социализма в международных отношениях, нацеленные на то, чтобы замаскировать неразрывную связь разрядки напряженности с ростом сил мирового социализма, классовой и национально-освободительной борьбы (крайне правой формой этого идеологического подхода империализма является попытка антикоммунистов опорочить принцип мирного сосуществования, затормозить развивающиеся процессы разрядки напряженности); проанализировать буржуазные идеологические оценки социально-экономических последствий развертывания научно-технической революции, создающей в условиях мирного сосуществования необходимые материально-технические предпосылки торжества коммунизма во всемирном масштабе.

Именно эти вопросы по мере укрепления отношений разрядки международной напряженности все более явственно выдвигаются на передний край идеологической борьбы. Их трактовка со стороны идеологических представителей различных групп буржуазии не равнозначна.

Наиболее правые идейно-политические силы империализма все активнее выступают против господствовавших на протяжении 60-х годов теорий «индустриального общества» и «конвергенции» как якобы слишком либеральных и примиренческих по отношению к коммунизму. В противоположность им идеологи государственно-монополистической олигархии типа З. Бжезинского, Б. Вольфа, Ф. Ревеля выдвигают концепции «технотронной эры» и «американской постцивилизации», которые под видом учета крупных сдвигов в общественном производстве, вызванных научно-технической революцией, прямо нацелены на увековечение системы высокоразвитого монополистического капитализма и носят откровенно антикоммунистический характер. Критикуя теорию «конвергенции» за примиренчество с социализмом, категорически отрицая за социализмом в целом и за отдельными его сторонами какое бы то ни было будущее, эти идеологи

утверждают, будто научно-техническая революция уже преобразовала капитализм США в «технотронное общество», в котором решающую роль играют ЭВМ и средства связи, а социальные конфликты уступили место всеобщему процветанию и гармонии интересов. Такое общество провозглашается эталоном будущего для всего мира, социализм же предается анафеме как препятствие на этом «светлом» пути. Тем самым трудящихся уверяют в том, будто классовая борьба против капитализма стала бессмысленной, ибо техника сама по себе разрешает все общественные проблемы, и призывают усилить борьбу против мирового социализма, идеологическая и политическая система которого якобы мешает торжеству «технотронной эры» во всем мире. Связь этих «теоретических» построений с политическим курсом противников разрядки напряженности очевидна. Идеологически они обслуживают самые реакционные слои буржуазного общества, проповедующие неприкрытый антикоммунизм и безоговорочную апологетику капитализма.

Представители буржуазного либерализма и ревизионизма в современных условиях начали переоценивать свои представления о социально-экономических и политических последствиях научно-технической революции. Итоги общественного развития вынудили их признать, что рост техники сам по себе не привел к созданию индустриального рая капитализма и не заставил социализм отказаться от своей идеологии и политической системы. В качестве реакции, отразившей характерную черту мелкобуржуазности — шарахание из крайности в крайность, в их среде можно наблюдать вспышку идеологической истерии и пессимизма. Наигранная вера во всемогущество техники сменяется разочарованием в прогрессе, проповедью всеобщей деморализации и фатальной дисгармонии человеческого бытия, мрачными прогнозами о неизбежной капитуляции человечества перед непознаваемым идолом — техникой. Футурологические прогнозы Р. Арона, Д. Белла, Ж. Эллюля, Э. Фромма и других псевдолибералов о «постиндустриальном обществе», навеявая мысль о неизбежности капитуляции людей перед техническим прогрессом, по своим классовым выводам в конечном счете смыкаются с позицией откровенных антикоммунистов. На основе «социального пессимизма» трудящимся исподволь подбрасывается прежняя идея о бессмысленности классовой борьбы,

так как ни техническая, ни социальная революция якобы не в состоянии создать гармоничное общество и обновить человеческое существование. Вся ответственность за углубление антагонизмов и противоречий буржуазного общества возлагается на технику, а не на капитализм. Мрачные прогнозы будущего господства техники служат для распространения среди трудящихся настроений безысходности и бессмысленности всяких активных социальных действий. Идеологи этого буржуазно-либерального направления обращают свои пессимистические концепции к мелкой буржуазии и средним слоям, научно-технической интеллигенции и молодежи, которые, ощущая растущий гнет монополий, ищут пути модернизации и обновления капитализма, но еще верят в возможности улучшения социально-экономической структуры буржуазного общества путем механического соединения ее с некоторыми элементами социализма.

В рамках этого направления все более заметную роль начинают играть технико-экономические концепции «пределов роста», связанные с внеклассовой оценкой современных экологических проблем. Ссылаясь на расчеты, свидетельствующие об ухудшении окружающей человека среды: истощении природных ресурсов, загрязнении вод и атмосферы, эрозии почв, а также росте народонаселения и т. д., сторонники этих концепций, вроде представителей «Римского клуба» и группы ученых Массачусетского технологического института во главе с проф. Медоузом, выдвигают на первый план идею «конвергенции», преподнося ее, однако, в новом виде.

Некоторые отрицательные последствия человеческой деятельности не «признают» государственных границ — широко распространяются во времени и в пространстве. Борьба за сохранение окружающей среды и ряд межгосударственных соглашений в этой области являются важной составной частью политики мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем. Гуманная классовая миссия социализма в наше время состоит не только в освобождении людей труда от капиталистической эксплуатации, хищнического расточения физических и духовных сил трудящихся, борьбе за сохранение мира на земле, но и в рациональном использовании окружающей человека среды в интересах нынешних и грядущих поколений. Межгосударственные соглашения способствуют решению отдельных аспектов этой

проблемы, но не могут изменить сущности капитализма, целью которого является погоня за прибылью.

Ряд представителей буржуазно-либерального направления в идеологии считают себя выразителями объективного, «внеклассового» подхода к анализу общественных последствий научно-технической революции. Констатируя рост социальных противоречий и дегуманизацию человеческого бытия по мере капиталистического использования достижений науки и техники и отрицая возможность и перспективы социализма, они выдают общественные противоречия капитализма за фатальные противоречия самого технического прогресса. Но в то же время эта группа буржуазных и мелкобуржуазных идеологов видит необходимость оздоровления международной обстановки, исключения войны из жизни человечества, прекращения гонки вооружений.

Поддержка политического реализма представителей этой группы буржуазного демократизма требует вместе с тем критического анализа их идейно-теоретических позиций, вступающих фактически в противоречие с призывами к укреплению мира. Маскировка социально-экономических противоречий капиталистического использования достижений науки и техники и отрицание социалистической альтернативы разоружают трудящихся в борьбе за социализм, служат делу замаскированной апологетики капитализма, а тем самым сохранению социальных условий, порождающих гонку вооружений и угрозу миру.

Критический анализ этих буржуазных идеологических концепций составляет содержание предлагаемой вниманию читателей книги.

МИРОВОЙ СОЦИАЛИЗМ — ОПЛОТ МИРА И ПРОГРЕССА

Мирное сосуществование и идеологическая борьба

Определяющей тенденцией в развитии современного мира является рост могущества мирового социализма — мощного ускорителя исторического прогресса. На XXIV съезде КПСС отмечалось, что сегодняшний мир социализма — это еще молодой, растущий социальный организм, в котором не все устоялось, многое несет на себе отпечаток прошлых исторических эпох. Мир социализма весь в движении, он непрерывно совершенствуется, развивается. Его развитие идет через борьбу нового со старым, через разрешение противоречий. Накопленный опыт помогает правильно и своевременно разрешать противоречия и уверенно идти дорогой, указанной теорией научного коммунизма.

Укрепление мирового социализма все более усиливает материальную основу главного направления внешней политики СССР и братских стран социализма — борьбу за мир и социальный прогресс. Эта пролетарская классовая линия отвечает коренным интересам как советского народа, так и народов всех стран мира, ибо социализм, его развитие и успехи неразрывно связаны с миром на Земле. В интересах этой глобальной цели социалистическая по содержанию внешняя политика КПСС последовательно обеспечивает решение таких тесно связанных между собой задач, как укрепление и развитие мировой системы социализма, поддержка национально-освободительной борьбы народов и укрепление отношений мирного сосуществования между государствами противоположных общественных систем, углубление отношений всестороннего взаимовыгодного сотрудничества со всеми стремящимися к этому странами.

«Выражением последовательно миролюбивой политики КПСС и Советского государства на современном этапе явилась Программа мира, принятая XXIV съездом партии, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС

Л. И. Брежнев в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил.— Выдвигая эту программу, мы видели свою задачу в том, чтобы содействовать ликвидации очагов напряженности, помочь человечеству избавиться от нависшего над ним призрака термоядерной катастрофы, всемерно способствовать разрядке напряженности»¹.

Исторический опыт подтверждает, что достижения социалистического общества являются самой надежной опорой пролетарской классовой политики борьбы за мир и мирное сосуществование. Именно поэтому чем крепче единство, чем разностороннее сотрудничество стран социализма, тем эффективнее решаются задачи социалистического и коммунистического строительства, тем крепче становится дело всеобщего мира, усиливается отпор народов агрессивным проискам империализма.

В Постановлении апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС «О международной деятельности ЦК КПСС по осуществлению решений XXIV съезда партии» подчеркивается:

«Активная, инициативная международная политика КПСС, опирающаяся на могучую силу и авторитет Советского государства, на поддержку всего народа, способствует позитивным сдвигам в мировой обстановке. Значительно укрепились позиции братских стран социализма и их единство, возросло влияние их согласованной политики на ход международных событий, широкое признание получили принципы мирного сосуществования в качестве нормы отношений государств с различным социальным строем, происходит поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности»². Эта оценка нашла широкую поддержку в братских партиях.

ЦК КПСС, Политбюро ЦК и лично Л. И. Брежнев, руководствуясь во внешнеполитической деятельности заветами великого Ленина о миролюбивом и в то же время революционном по сути своей характере внешней политики социалистического государства, провели большую работу по осуществлению решений XXIV съезда КПСС. Апрельский (1973 г.) Пленум ЦК определил дальнейшие перспективы и задачи борьбы за прочный мир и международное сотрудничество. «Пленум ЦК,—говорится в Постановлении,— поручает Политбюро и впредь неуклон-

¹ «Правда», 27 октября 1973 г.

² «Правда», 28 апреля 1973 г.

но осуществлять определенный XXIV съездом КПСС внешнеполитический курс, руководствуясь положениями и выводами доклада товарища Л. И. Брежнева на настоящем Пленуме, бороться за полное претворение в жизнь Программы мира, добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер».

Общими усилиями КПСС и братских партий социалистического содружества укрепляются мощь и единство братских стран, согласованность их политики, играющей растущую роль в позитивных переменах на международной арене.

Наиболее значительное событие истекшего периода — победа народа Вьетнама.

Крупным успехом согласованной политики братских стран явилась ликвидация политической блокады Германской Демократической Республики, признание ГДР большинством государств мира, принятие ГДР в Организацию Объединенных Наций. Укрепилось международное положение Кубы — первого социалистического государства в Западном полушарии.

Исторических успехов в строительстве нового общества достигли все страны социалистического содружества. Развивается и углубляется всестороннее сотрудничество братских стран социализма, которое находится сейчас на качественно новом этапе в области экономики.

«Трудно переоценить ту роль в происходящих в наши дни позитивных сдвигах,— подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил,— которую играют силы социализма, социалистическое содружество. Свою борьбу за улучшение и упрочение мира Советский Союз ведет вместе со своими добрыми друзьями и единомышленниками — странами социалистического содружества. Во всем мире известен тот большой вклад, который вносят Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия в дело укрепления мира и развития международного сотрудничества, и в частности в дело упрочения европейской безопасности. Активным поборником мира выступает социалистическая Югославия»¹.

Империализм, вынужденный в результате укрепления могущества мировой социалистической системы, все бо-

¹ «Правда», 27 октября 1973 г.

лее осознавать бесперспективность применения военных средств борьбы, шантажа и экономического давления против социализма, связывает свои надежды с использованием идеологических средств. С их помощью он пытается разобщить социалистическое содружество, коммунистическое движение, ослабить социализм и укрепить позиции капиталистического мира.

Складывающаяся обстановка разрядки напряженности и расширения экономического, научно-технического, торгового и других видов сотрудничества между государствами противоположных общественных систем рассматривается рядом политиков и идеологов империализма как благоприятная почва для активизации попыток идеологического проникновения в социалистические страны в целях их внутренней «эрозии». Перетряхивая свой идеологический арсенал, они вновь выдвигают на первый план теории и концепции, казалось бы похороненные в конце 60-х годов. В качестве наглядного примера подобной гальванизации служит развернувшаяся с новой силой пропаганда теорий «конвергенции» и «деидеологизации». Так, швейцарский журнал «Ревю интернасьональ дю травай» развернул дискуссию по этим вопросам, открыв ее статьей «Постскрипtum к книге „Индустриализм и индустриальный человек“»¹. Эта книга была написана в 1962 году американскими социологами Керром, Данлопом и др.² Жизнь, утверждали авторы этой книги, выступившие с упомянутой статьей, подтвердила их выводы о том, что под воздействием индустриализации, как наиболее динамичного фактора во всем мире, и ныне продолжается «конвергенция», то есть автоматическое сближение противоположных социальных систем. Идея о том, будто самое развитие техники порождает повсюду одинаковые социальные результаты и ведет к сближению капитализма и социализма, лежит и в основе широко рекламируемого на Западе исследования группы проф. Медоуза «Пределы роста», опубликованного в 1972 году, и многих других работ последнего времени.

Можно напомнить, что теории «конвергенции» и «индустриального общества» возникли еще в начале 60-х годов на почве спекуляций широким развертыванием на-

¹ «Revue Internationale du Travail», 1971, № 6.

² C. Kerr, J. Dunlop, F. Harbinson, Ch. Myers, *Industrialism and Industrial Man*, L., 1962.

учно-технической революции. Заводские трубы, утверждали ее сторонники, дымят в Харькове точно так же, как в Детройте; технико-экономические процессы при капитализме и социализме одинаковы, а потому, мол, развитие индустриального общества ведет к сглаживанию классовых антагонизмов, самоликвидации капиталистов и рабочего класса, к прекращению идейно-политической борьбы между капитализмом и социализмом, их постепенному слиянию в единое так называемое «индустриальное общество».

Таким образом, главной силой общественного прогресса провозглашалось развитие техники. Акцент делался лишь на одной стороне общественного производства — на развитии производительных сил. Это и позволило изображать индустриальное общество как модель, пригодную-де для всех стран. Проповедники теории «конвергенции» пытались внушить массам, будто научно-техническая революция делает ненужными социальную революцию и классовую борьбу в международном плане.

Концепция «конвергенции» полностью извращает подлинный характер общественного развития. Она игнорирует тот непреложный факт, что производительные силы развиваются не в вакууме, а в исторически определенной общественной системе, базирующейся на той или иной системе отношений собственности. Степень развития производительных сил сама по себе не объясняет, почему в процессе исторического развития происходит переход от одного общественного строя к другому. Ответ на это дает лишь марксистское учение о способе производства как диалектическом единстве производительных сил и производственных отношений. На самом деле развертывание научно-технической революции означает подготовку материальных предпосылок социализма во всемирном масштабе, подтверждает вывод коммунистов о том, что наша эпоха — это эпоха перехода от капитализма к социализму. Именно это положение революционного марксизма и отвергается авторами теории «конвергенции».

Ее авторы и пропагандисты, маскируя свои подлинные цели, заключающиеся в попытках разрыхления социализма изнутри, пытаются представить современный общественный прогресс не как смену капитализма социализмом, а как их автоматическое слияние в едином «индустриальном мире»; поэтому, утверждают они, социалистические страны должны отказываться от стрем-

ления к социалистической интеграции и ориентироваться на «сближение», а затем «слияние» с капитализмом.

По мере того как принцип мирного сосуществования получает все более широкую международную поддержку, на Западе все чаще можно слышать голоса о том, что этот принцип подразумевает якобы отказ от всех форм классовой борьбы между социализмом и империализмом и что он должен распространяться, в частности, на сферу идеологии, то есть привести к «идеологической конвергенции» двух противоположных социальных систем.

Ряд западных политиков и идеологов прямо выступают с требованием, чтобы социалистические страны согласились якобы ради более полной реализации принципа мирного сосуществования на так называемую «деидеологизацию», то есть отказались в своей политике от следования марксистско-ленинской идеологии. Так, директор Лондонского института современной истории Уолтер Лакер утверждал в статье, опубликованной в американском журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин», что предварительным условием подлинного мирного сосуществования является «советское идеологическое охлаждение»; здесь же он выдвинул требование о том, чтобы «с течением времени идеологические факторы отражались на советской внешней политике все меньше»¹.

Аналогичные «требования» то и дело выдвигаются Западом в адрес европейских социалистических стран, которым сулят всевозможные экономические «блага» в обмен на их согласие сначала на мирное сосуществование идеологий, а затем и на «идеологическую конвергенцию».

Показательно, что сам этот термин был употреблен известным американским обозревателем Сульцбергером в ходе взятого им в октябре 1972 года интервью у Первого секретаря ЦК СЕПГ Эриха Хонеккера. Сульцбергер спросил, возможно ли возникновение в условиях мирного сосуществования «какой-нибудь формы идеологической конвергенции между социализмом ГДР и социал-демократией в ФРГ»? Э. Хонеккер категорически исключил возможность такой конвергенции как между ГДР и ФРГ, так и между социализмом и капитализмом вообще, одновременно указав на большие возможности

¹ Цит. по «Известия», 8 августа 1973 г.

межгосударственного сотрудничества между двумя германскими государствами.

Важно отметить, что слово «конвергенция» применительно к идеологии используется буржуазными теоретиками не столько для выражения, сколько для маскировки их истинных целей, так как на самом деле, конечно, имеется в виду не «сближение» или «сращивание» двух противоположных идеологий, а поглощение коммунистической идеологии буржуазной. В результате такой «конвергенции», пишут, например, Бжезинский и Хантингтон, «коммунистическая партия и ее монополия на власть окажутся жертвами исторического процесса: обе они отомрут...». Еще более откровенно эти расчеты империалистической реакции выразил лидер западногерманских реваншистов Ф. И. Штраус. «В сосуществовании и разрядке, — заявил он, — Запад должен видеть политическое оружие, с помощью которого он может... преодолеть коммунизм изнутри»¹. Таким образом, возникает своеобразная ситуация. Реалистически мыслящие политики Запада, убедившись в провале идейно-политических установок периода «холодной войны», вынуждены официально признать принцип мирного сосуществования и возможность взаимовыгодного и равноправного сотрудничества государств с противоположным общественным строем. В то же время идеологи антикоммунизма, тоже приспособившись к изменившейся обстановке, пытаются выработать новую линию идеологической борьбы против социализма, связанную с попытками добиться от социалистических стран в обмен на разрядку напряженности идеологических и политических уступок империализму. Но этот очередной раунд борьбы против социализма они начинают с явно негодными средствами.

Решительный отпор подобным диверсиям дан в речи Л. И. Брежнева в Софии 19 сентября 1973 г. «На Западе, — говорил Л. И. Брежнев, — можно иногда слышать и такие голоса: раз Советский Союз и другие социалистические страны выражают большую заинтересованность в решении вопросов европейской безопасности, в развитии политического и экономического сотрудничества, то нельзя ли на них поднажать и выторговать от них какие-то уступки?» Л. И. Брежнев охарактеризовал эту торгашескую постановку вопроса как наивную и не особенно

¹ Цит. по «Известия», 8 августа 1973 г.

благовидную, подчеркнув: «Мы считаем, что речь должна идти не о каком-то дипломатическом «товарообмене», а о совместных, многосторонних усилиях с тем, чтобы в конечном счете выработать эффективную систему, которая обеспечивала бы безопасность всех европейских стран и народов и взаимовыгодное сотрудничество между ними»¹.

Другие западные политики и идеологи, не уверенные в том, что социалистические страны согласятся на «конвергенцию» путем идеологического и политического разоружения, ищут обходные пути для идеологического проникновения в мир социализма. Они возлагают большие надежды на объективно растущие торгово-экономические, культурные, общественные, туристские и прочие связи между Востоком и Западом. Это не новая тактическая линия: она была составной частью небезызвестной политики «наведения мостов», которая находилась на вооружении Запада в отношении социалистических стран в 60-х годах.

Социалистические страны неоднократно убеждались в том, что империализм пытается использовать культурные, туристские и другие обмены в подрывных целях, для протаскивания в социалистическое общество буржуазных идей и взглядов. Сейчас, когда в условиях разрядки напряженности и расширения сотрудничества обмены и связи заметно возрастают, необходимо, чтобы они были очищены от целей и подрывных методов «психологической войны», чтобы эти связи осуществлялись при уважении суверенитета, законов и обычаев каждой страны и служили взаимному духовному обогащению народов, росту доверия между ними, утверждению идей мира и добрососедства.

Именно на это обратил особое внимание в докладе о «50-летию Союза Советских Социалистических Республик» Л. И. Брежнев.

Принципиальная позиция коммунистов в этом вопросе состоит в том, что идеологическая борьба — объективная закономерность нашей эпохи. Однако она ничего общего не имеет с «психологической войной» и идеологическими диверсиями, выступающими как проповедь вражды и ненависти между народами, распространение клеветы на международной арене, вмешательство во внутренние дела

¹ «Правда», 20 сентября 1973 г.

социалистических стран. Идеологическая борьба коммунистов за утверждение прогрессивных идей предполагает открытое сражение с идеологическими противниками, ибо коммунисты твердо уверены в правоте и непобедимости своей научной идеологии. Именно поэтому Советский Союз выступает, в частности, за обмен информацией и культурные контакты с Западом. «Мы, — сказал Л. И. Брежнев, выступая 15 августа 1973 г. в Алма-Ате, — убеждены в правоте нашего пути, нашей марксистско-ленинской идеологии и не сомневаемся, что естественные в условиях разрядки расширение контактов, обмен духовными ценностями, информацией, развитие связей между общественностью различных стран хорошо послужат распространению правды о социализме, завоеванию на сторону идей научного коммунизма новых и новых сторонников»¹. Однако Советский Союз и другие социалистические страны против навязывания чуждых идей, против пренебрежения обычаями, законами, принципами, против вмешательства в их внутренние дела.

К сожалению, далеко не все на Западе разделяют такой подход социалистических стран. Об этом свидетельствуют призывы использовать мирное сосуществование в антикоммунистических целях, добиваться «эрозии» социализма с помощью идейно-политических средств.

Показательно, что, выступая на словах за «деидеологизацию» и «конвергенцию», за прекращение «пропагандистской войны» в условиях мирного сосуществования, Запад, со своей стороны, не только не прекращает, а, напротив, расширяет масштабы идейно-пропагандистской диверсии против стран социализма. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, несмотря на широкие протесты общественности многих стран, правительство США продолжает финансирование радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» — центров «психологической войны» против социализма, созданных и существующих на средства американской разведки.

Трезвые политические деятели справедливо призывают устранить пережитки «холодной войны». Сенатор Майк Мэнсфилд, выступая в июле 1973 года в конгрессе США, говорил: «Эти пережитки очень мало способствуют удовлетворению потребностей нашего времени. Они могут

¹ Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи, М., 1973, стр. 568—569.

очень дорого обойтись. Что еще более серьезно, они препятствуют усилиям по созданию структуры отношений, отвечающих требованиям сегодняшнего и завтрашнего дня»¹. К этим пережиткам Мэнсфилд отнес НАТО и такие институты, как радиостанции «Свободная Европа» и «Свобода», а также комитет по контролю над торговлей стратегическими материалами.

В условиях разрядки напряженности значение идеологической сферы противоборства между социализмом и капитализмом не уменьшается, а возрастает, и задача решительного отпора буржуазной идеологии, идейного наступления на позиции империализма, а главное — укрепления единства социалистического содружества сохраняет свою актуальность.

Исторический опыт подтверждает, что именно благодаря всестороннему сотрудничеству и единству, верности марксистско-ленинской идеологии социалистические страны в целом и каждая в отдельности добились огромного прогресса во всех областях материальной и духовной жизни. Произошло не простое сложение, а умножение сил социалистического содружества.

Страны — участницы СЭВ становятся одним из наиболее мощных и быстро растущих экономических районов мира: при населении, составляющем $\frac{1}{10}$ человечества, на их долю уже сегодня приходится 27% мирового национального дохода и 34% мировой промышленной продукции. Промышленное производство стран — членов СЭВ в 1972 году примерно в 8 раз превысило уровень 1950 года, тогда как в развитых капиталистических государствах оно возросло за тот же срок в 3 раза.

Растущее экономическое сотрудничество стран СЭВ, развивающееся уже в течение более 25 лет, позволило перейти на качественно новую ступень в социалистическом разделении труда — к принятию Комплексной программы социалистической интеграции. Координация народнохозяйственных планов и совместная деятельность, осуществляемые в рамках Комплексной программы, помогают социалистическим странам как более рационально использовать собственные ресурсы, так и решать такие задачи, которые каждой стране в отдельности были бы не по плечу. Совместное обеспечение национальных экономик многими видами сырья, топлива, машин, транспорт-

¹ Цит. по «Правда», 15 сентября 1973 г.

ных средств, вычислительной техники и т. п., то есть решение проблем, особенно остро встающих в связи с развертыванием научно-технической революции, позволяет более полно использовать возможности, открываемые перед содружеством социалистической природой его общественного строя.

Успешное развитие социалистического содружества — вот та реальная основа, которая позволила обеспечить коренной сдвиг в развитии всей системы международных отношений.

Мир сегодняшнего дня убедительно подтверждает предвидение В. И. Ленина, что интернациональное объединение победившего пролетариата нескольких стран будет оказывать решающее влияние на мировую политику. Идеино-политическое единство социалистического содружества, основанное на общности классовых целей и марксистско-ленинской идеологии, на незыблемом принципе пролетарского интернационализма, совместной борьбе за мир и безопасность народов, обеспечивает возрастающее влияние социализма на мировой арене. Согласованный внешнеполитический курс социалистических стран принес важные положительные результаты в борьбе за укрепление международной безопасности. Единство стран социализма вынудило империализм признать политические реальности современной жизни, и в первую очередь факт победы социализма в Восточной Европе, незыблемость послевоенных границ на европейском континенте. Единый курс социалистических стран обеспечил успешную борьбу за утверждение принципа мирного сосуществования в международных отношениях, поворот от напряженности к разрядке.

Новые возможности укрепления безопасности и налаживания широкого международного сотрудничества открываются в Европе.

Коллективные усилия в борьбе с классовым врагом на международной арене привели к созданию прочного союза социалистических государств, обеспечивающего сочетание интересов каждой страны и всего содружества, укрепляющего фронт борьбы против империализма.

Вместе с тем исторический опыт подтверждает, что любой отход вправо или «влево» от единого курса социалистических стран неизбежно ведет к угрозе утраты социалистических завоеваний в стране, тормозит ее экономическое развитие, подрывает идеологические основы

нового общества, вызывает рецидивы национализма и ревизионизма. Именно поэтому империализм пытается использовать любые возможности, в том числе и складывающуюся ныне обстановку разрядки и расширения международных связей, для «эрозии» социализма изнутри и раскола социалистического содружества. Для достижения этих подрывных целей используется широкий арсенал самых различных средств. Здесь и экономические посулы, и льстивые приемы, рассчитанные на оживление националистических предрассудков, и стремление добиться бесконтрольного потока буржуазных идей и информации в социалистические страны, и пропаганда антисоветских теорий типа «конвергенции», «деидеологизации», «национальных моделей социализма» и пр.

Все это нацелено на то, чтобы попытаться увести отдельные социалистические страны с классовых позиций в идеологической деятельности и внешней политике, опровергнуть вывод коммунистов о том, что магистральный путь мирового прогресса проходит через укрепление позиций социализма, доказать, будто интересам социалистических стран отвечает не рост их единства, а так называемое «сближение» по рецептам экономической, политической и идеологической «конвергенции» двух систем.

Курсу империализма на ослабление социалистической системы объективно способствует раскольническая, шовинистическая политика нынешнего пекинского руководства. Именно пример КНР наглядно показывает, к каким последствиям ведет отход от классовых позиций, от марксистско-ленинской идеологии и согласованного политического курса социалистических стран.

В докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» Л. И. Брежнев подчеркнул: «По существу, единственный критерий, определяющий теперь подход китайских руководителей к любой крупной международной проблеме, — это стремление нанести по возможности больший ущерб СССР, ущемить интересы социалистического содружества»¹.

Таким образом, как это ни парадоксально на первый взгляд, цели империалистических стратегов, ратующих за «конвергенцию» социализма и капитализма, и пекинских раскольников, прикрывающихся ультрареволюционными

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, стр. 32.

антиимпериалистическими фразами, оказываются общими в главном: в стремлении подорвать единство мирового социализма, подменить классовый подход к международным проблемам либо «технократическим», либо националистическим, а в конечном счете — антикоммунистическим и антисоветским.

Между тем классовая борьба между социализмом и капитализмом в сфере экономики, политики и, разумеется, идеологии была и остается стержнем всей международной жизни. Как отметил Л. И. Брежнев, «иначе и быть не может, ибо мировоззрение и классовые цели социализма и капитализма противоположны и непримиримы. Но мы будем добиваться, чтобы такая исторически неизбежная борьба перешла в русло, не угрожающее войнами, опасными конфликтами, бесконтрольной гонкой вооружений»¹.

Единственный реальный путь добиться этой цели — укрепить сотрудничество социалистического содружества, значение которого в современных условиях еще более возрастает. Братская сплоченность стран социализма обеспечивает эффективное строительство социалистического и коммунистического общества, защиту мира на Земле, на благо всех народов.

Разрядка напряженности и ее противники

Время, прошедшее после XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза, свидетельствует о том, что выдвинутая на съезде Программа мира оказывает все более глубокое воздействие на развитие международных событий.

Программа мира — комплексная программа оздоровления международной обстановки, основанная на глубоком анализе мировой ситуации и тенденции ее развития, — концентрирует внешнеполитические усилия Советского государства на решении узловых международных проблем современности в интересах социализма, социального прогресса и национального освобождения, безопасности народов. Ее шесть пунктов являются ответом на самые неотложные требования нашего времени.

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, стр. 43.

Успешное выполнение советским народом задач IX пятилетнего плана, неуклонное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма создают все более благоприятные возможности для проведения внешней политики, направленной на упрочение мира и международной безопасности.

Международная политика КПСС тесно связана со всей ее многогранной деятельностью по руководству коммунистическим строительством в СССР. Для его внутренней жизни, для обеспечения дальнейших успехов на международном поприще огромное значение имеет успешное выполнение и перевыполнение IX пятилетнего плана развития народного хозяйства. Партия, весь народ, руководствуясь указаниями декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, развернули социалистическое соревнование за успешное осуществление заданий пятилетки.

Апрельский Пленум ЦК КПСС с полным единодушием подтвердил, что ленинский стратегический курс нашей партии — это правильный курс. «Принципиальные основы нашего социалистического революционного курса в международной политике заложены великим Лениным, — подчеркнул на Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Мы нерушимо храним верность его указаниям, его заветам. И в этой верности творческому духу марксизма-ленинизма, его принципиальной целеустремленности — залог новых успехов, новых побед нашего справедливого дела»¹.

Прогрессивные сдвиги в современном мире привели к тому, что в политике многих капиталистических государств все ошутимее проявляются элементы реализма. Происходит процесс расширения сферы сотрудничества народов и государств различных социальных систем на основе принципа мирного сосуществования, и вся внешнеполитическая деятельность КПСС направлена на то, чтобы сделать этот процесс необратимым.

Трудящиеся братских социалистических стран, коммунистические и рабочие партии, мировая прогрессивная общественность с глубоким удовлетворением восприняли итоги визитов Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ФРГ и США, результаты его встречи с президентом Французской Республики, состоявшейся в мае — июне 1973 года. Ряд важнейших политических, экономических, научно-технических, культурных и других

¹ «Правда», 29 апреля 1973 г.

соглашений, особенно подписанное 22 июня 1973 г. советско-американское Соглашение о предотвращении ядерной войны, серьезно оздоровил международную обстановку. «Мир в наших глазах, — говорил Л. И. Брежнев, выступая по американскому телевидению, — это высшее благо, к которому должны стремиться люди, если хотят сделать свою жизнь достойной»¹.

В ходе выполнения Программы мира создаются реальные предпосылки к тому, чтобы исторически закономерная классовая борьба двух систем — капитализма и социализма — перешла в русло, не угрожающее опасными международными конфликтами, гонкой вооружений, новой мировой войной. Вместе с тем апрельский (1973 г.) Пленум ЦК КПСС вновь обратил внимание «на необходимость постоянной бдительности и готовности давать отпор любым проискам агрессивных, реакционных кругов империализма»², последовательной борьбы против реакционной идеологии и пропаганды.

Внешняя политика социализма отвечает интересам всех народов, ее поддерживают и одобряют широкие прогрессивные силы планеты. Ярким подтверждением этого явился Всемирный конгресс миролюбивых сил, состоявшийся в Москве в октябре 1973 г. «По нашему глубокому убеждению, — говорил Л. И. Брежнев, выступая на конгрессе, — главной тенденцией в развитии современных международных отношений является происходящий поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности, от военной конфронтации к упрочению безопасности, к мирному сотрудничеству»³.

Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов того, что в мире по-прежнему существуют силы, которые, действуя в духе «холодной войны», противятся международной разрядке, выступают за наращивание военных приготовлений, раздувание военных бюджетов. «Кое-где в Западной Европе, — отмечал Л. И. Брежнев в Софии, — активизируются силы, стремящиеся поставить под сомнение те или иные звенья созданной здесь за последнее время системы договоров и соглашений. Имеют место и надуманные, пропагандистские кампании, направленные на то, чтобы

¹ Л. И. Брежнев, О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи, стр. 532.

² «Правда», 28 апреля 1973 г.

³ «Правда», 27 октября 1973 г.

посеять недоверие к политике СССР и других социалистических стран»¹.

Растущий авторитет советской внешней политики в глазах широких народных масс заставляет буржуазную реакционную пропаганду резко активизировать свою подрывную деятельность. Она всячески маневрирует, пытаясь скомпрометировать Программу мира и конкретные шаги Советского Союза, направленные на ее осуществление. Эти попытки представляют собой один из основных аспектов современного антикоммунизма и антисоветизма.

При всем кажущемся многообразии антисоветских теорий и концепций, авторы которых пытаются затормозить процесс разрядки напряженности, эти теории сводятся в конечном итоге к определенному набору клеветнических штампов и стереотипов. Центральной среди них является выдумка о «коммунистической угрозе», якобы исходящей от Советского Союза. Другая ложь состоит в том, что Советский Союз якобы проводит «традиционную экспансионистскую политику сильной державы», маскируемую «идеологическими призывами». Широко используются вымыслы насчет «империалистических устремлений» СССР в Восточной Европе, в Азии и на Ближнем Востоке. Советские предложения по защите мира и укреплению международной безопасности автоматически объявляются «пропагандой». К этому добавляются измышления о «национализме», якобы определяющем характер советской внешней политики, рассчитанные, в частности, на то, чтобы вбить клин в отношения между социалистическими странами, ослабить социалистическое содружество.

Все эти постоянные мотивы варьируются в том или ином сочетании в зависимости от обстановки и аудитории. Открытый антикоммунизм выдвигается на первый план тем активнее, чем более широкое распространение получают идеи разрядки и мирного сосуществования. Профессор Торонтского университета в Канаде А. Рапорт в книге «Большая двойка» пишет: «Капиталистическая идеология, делающая упор на частную инициативу, не способна сама по себе дать обществу высокие, объединяющие всех идеалы. Отсюда потребность в жупеле „коммунистической угрозы“»².

¹ «Правда», 20 сентября 1973 г.

² А. Рапорт, *The Big Two. Soviet-American Perceptions of Foreign Policy*, N. Y., 1971, p. 219.

Старый тезис о «коммунистической угрозе» активно муллируется всеми противниками разрядки напряженности. Он особенно широко используется в пропаганде, рассчитанной на пресловутое «молчаливое большинство» в США, на массы обывателей во всех капиталистических странах. Реакционные идеологи настойчиво разжигают антикоммунистические настроения и проявляют беспокойство каждый раз, когда обнаруживают, что эти настроения ослабевают. Так, английский буржуазный журналист Б. Крозиер в книжке «Будущее власти коммунистов» обрушивается на западных «либералов», которые считают, что эра «холодной войны» окончилась и что пора отбросить свойственные ей мифы. «Антикоммунизм, — провозглашает он, — действительно необходим, хотя, быть может, не всегда следует наклеивать ему этот ярлык»¹.

Последняя оговорка многозначительна. Это признание того, что прямая, грубая пропаганда антикоммунизма уже не оказывает такого влияния, какое было бы желательным для его проповедников. Однако суть империалистической пропаганды от этого не меняется. С «ярлыком» или без него антикоммунизм остается самым ходовым товаром на рынке буржуазной общественной мысли.

Реакционные теоретики в области международных отношений продолжают выступать с грубо клеветнической версией об «агрессивных замыслах» коммунистов, которые, мол, маскируют их разговорами о мире, чтобы усыпить бдительность Запада и в подходящий момент напасть на него для насаждения своей общественной системы, для «экспорта революции».

Главными идейно-политическими силами, выступающими с проповедью подобных вымыслов, являются военно-промышленный комплекс, деятели агрессивного блока НАТО, западногерманские реваншисты, английские консерваторы и пр. Сеть исследовательских институтов, финансируемых магнатами бизнеса, наживающимися на гонке вооружений, вроде Гуверовского института войны, революции и мира или Мюнхенского исследовательского института по вопросам безопасности и международных отношений, реакционная пресса, радио и телевидение предпринимают широкие усилия, пытаясь помочь ультраправым империалистическим кругам затормозить процесс разрядки напряженности.

¹ В. Crozier, *The Future of Communist Power*, L., 1970, p. 47.

«Нужно ясно видеть, — подчеркнул Л. И. Брежнев в речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил, — что угрозу миру создают вполне конкретные социальные группы, организации и люди. Например, даже по свидетельству самых высокопоставленных деятелей крупнейших стран Запада, тот зловеший союз милитаристов-профессионалов с монополиями, богатеющими от изготовления орудий войны, который принято именовать военно-промышленным комплексом, стал там как бы «государством в государстве», приобрел самодовлеющую силу. Милитаризм уродует не только общество, которое его породило. Выхлопные газы машины подготовки войны отравляют политическую атмосферу планеты испарениями ненависти, страха, насилия. Для оправдания ее существования создаются мифы о «советской угрозе», о необходимости защиты так называемых западных демократий. Но милитаристский робот лелеет как любимое детище самые реакционные, тиранические, фашистские режимы и пожирает демократические свободы»¹.

Империалистическая реакция всегда выступала против разрядки напряженности. Как только новые веяния времени начали прокладывать дорогу, идеологи военно-промышленного комплекса поспешили откровенно выступить против них. Так, например, в 1970 году бывший военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин опубликовал очередной труд «Стратегия для будущего», написанный по заказу Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете в Вашингтоне, известном крайне антикоммунистическими позициями. «Никакая подлинная разрядка напряженности с нынешними или будущими коммунистическими руководителями невозможна»², — таков лейтмотив сочинения Болдуина.

Обращаясь к актуальным проблемам международной жизни, Болдуин и другие реакционеры выступили против переговоров между США и СССР об ограничении стратегических вооружений, против проведения совещания по вопросам европейской безопасности, против внешнеполитических инициатив СССР, запугивая американцев все той же «коммунистической угрозой» и «ослаблением Западного союза».

¹ «Правда», 27 октября 1973 г.

² H. Baldwin, *Strategy for Tomorrow*, N. Y., 1970, p. 47.

Эта позиция реакционеров остается неизменной. В ряде статей о советской внешней политике в 70-х годах, опубликованных английским журналом «Сарвей», данный подход прослеживается достаточно ясно. Профессор Мичиганского университета в США У. Зоммерман отмечает, что «крайнее крыло детерминистов» типа У. Уэлча, Ар. Шлезингера и др. по-прежнему выводит цели внешней политики Советского Союза из самой сущности Советского государства, объявляя эту сущность агрессивной¹. Другой автор этой серии — директор управления по делам Советского Союза госдепартамента США Дж. Мэтлок, признавая позитивное значение нового развития советско-американских отношений, тут же ставит этот процесс под сомнение, заявляя о несовместимости разрядки с одновременной интенсификацией идеологической борьбы. На этом основании он призывает к сохранению как стратегических, так и обычных вооружений².

Один из наиболее реакционных идеологов США Г. Кан выступил в соавторстве с Брюс-Бриггсом с новой книгой «Грядущее. Размышление о 70-х и 80-х годах». «Люди забывают о том, — утверждают авторы этой книги, — что предотвратить новую мировую войну может только твердый отпор агрессии»³, причем угрозу агрессии они видят со стороны Советского Союза и мирового коммунизма.

Подобные тезисы активно используются и боннскими реваншистами. Заместитель директора Исследовательского института по вопросам безопасности и международных отношений в Мюнхене Г. Рюле в статье «Проблемы политики безопасности на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе» прямо солидаризировался с теми, кто считает, что СССР не отказался от наступательной стратегии и хочет под предлогом разрядки напряженности «установить свое господство в Европе». И снова аргументом в пользу тезиса об «агрессивности Советского Союза» для Рюле послужила ссылка на то, что разрядка не означает прекращения идеологической борьбы⁴.

¹ «Survey», L., 1973, vol. 19, No 2, p. 189.

² Ibid., p. 137.

³ H. Kahn, B. Bruce-Briggs, Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties, N. Y., 1972, p. 144.

⁴ «Politische Studien», München, 1973, H. 209, SS. 251—254.

Яростный сторонник агрессивного блока НАТО Й. Лунс призывает к гонке вооружений, а в качестве ее необходимости ссылается на то, что усиление военного потенциала Советского Союза имеет целью «достижение политического преимущества»¹.

Противники разрядки всячески раздувают клеветническую кампанию против СССР, настойчиво повторяя в разных вариациях тезис о том, что от разрядки выиграет «советский блок», преследующий якобы агрессивные цели. Китайская пропаганда полностью солидаризировалась с позицией самых реакционных сил империализма, выступающих против разрядки напряженности.

Однако сама жизнь убедительно опровергает обветшалые догмы «холодной войны» об «агрессивности» Советского Союза. Мировая общественность, широкие массы трудящихся во всех странах наглядно убеждаются в том, что эти догмы не имеют ничего общего с реальным внешнеполитическим курсом СССР и других социалистических стран, строящих самое передовое, гуманное и миролюбивое общество на Земле. Все большее число людей видит, что ленинская внешняя политика Советского Союза отражает коренные интересы не только советского народа и народов стран, строящих социализм, но всего прогрессивного человечества.

Этим интересам полностью отвечает политика СССР и социалистических стран по упрочению европейской безопасности. Советская программа мира дает ключ к решению таких проблем, волнующих все человечество, как ослабление напряженности в Азии, ликвидация последствий агрессии Израиля и его империалистических покровителей на Ближнем Востоке и др. Борьба СССР за коллективную безопасность в Азии служит интересам всех азиатских народов и народов других стран, которые заинтересованы в ликвидации существующих и возможных очагов войны на азиатском континенте. Последовательная и настойчивая борьба Советского Союза за сокращение вооружений, запрещение оружия массового уничтожения непосредственно касается всех жителей нашей планеты. Именно поэтому она вызывает самую широкую поддержку мировой общественности.

¹ «Chronique de politique étrangère», Bruxelles, 1972, vol. 25, No. 5, p. 99.

В наше время борьба за мир и международное сотрудничество неразрывно связана с борьбой за свободу и независимость народов. Эта связь была отчетливо выражена в решениях XXIV съезда КПСС, который подтвердил основные цели внешней политики СССР: обеспечить вместе с другими социалистическими странами благоприятные международные условия для построения социализма и коммунизма; крепить единство и сплоченность социалистических стран, их дружбу и братство; поддерживать национально-освободительное движение и осуществлять всестороннее сотрудничество с молодыми развивающимися государствами; последовательно отстаивать принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, давать решительный отпор агрессивным силам империализма, избавить человечество от новой мировой войны.

После XXIV съезда КПСС общая линия империалистической пропаганды состояла в том, чтобы доказать «нереальность», «пропагандистский характер» Программы мира, выдвинутой съездом. Пропагандисты Запада поспешили развернуть против нее широкую кампанию, заявляя, что вообще, мол, «русским верить нельзя». Английская газета «Таймс» писала, будто советская внешняя политика следует двум различным курсам: она стремится убедить общественное мнение, что Советское правительство хочет разрядки напряженности, но одновременно ею предпринимаются попытки сохранить напряженность в некоторых «чувствительных» районах мира¹.

Однако подобные методы искажения действительности не могли ослабить впечатления, произведенного Программой мира и конкретными действиями Советского правительства, направленными на ее осуществление. Поэтому наряду с вымыслами о «коммунистической угрозе» идеологи империализма прибегают к иным тактическим маневрам. Они пускают в обращение версию, будто Советский Союз как великая держава проводит «традиционную для России политику экспансии». Эта версия широко представлена в трудах американских специалистов по международным отношениям Моргентау, Готлиба и др.

Так, в статье Моргентау «Американо-советские отношения»² утверждается, что противником Соединенных

¹ «The Times», July 5, 1971.

² «Foreign Affairs», Apr. 1971.

Штатов по-прежнему остается Советский Союз, но не столько в качестве носителя идеологии коммунизма, сколько в качестве мощного государства, добивающегося «великодержавных целей». Являясь сильным государством, Советский Союз, мол, «естественно», по традиции стремится установить свое господство в Европе, на Ближнем Востоке и т. д.

Но и этот тезис в наше время мало кого может ввести в заблуждение. Сразу после победы Октябрьской революции Советская власть безоговорочно порвала с внешнеполитическим курсом царской России, провозгласив и последовательно проводя в жизнь принцип самоопределения народов вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Наглядный пример тому — образование и существование самостоятельной Финляндии. Социализм, как подчеркивал Ленин, означает «беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами и во внутренней и во внешней политике...»¹. Хорошо известно, что Советский Союз не имел и не имеет территориальных претензий ни на Западе, ни на Востоке, что он последовательно отстаивает принцип суверенитета всех государств.

Нетрудно видеть, что и разговоры о «коммунистической угрозе», исходящей якобы от Советского Союза, и домыслы относительно «великодержавного» характера советской внешней политики преследуют одну и ту же цель: посеять недоверие к конкретным внешнеполитическим шагам Советской страны, помешать осуществлению мер, направленных на ослабление международной напряженности и укрепление безопасности народов.

Этим же целям служит тезис империалистической пропаганды о несовместимости разрядки с усилением или продолжением идеологической борьбы. Но противники разрядки намеренно смешивают здесь совершенно различные вещи. Процесс разрядки как раз и строится на основе признания того факта, что социально-экономические, политические и идеологические различия между капитализмом и социализмом не должны служить препятствием к оздоровлению межгосударственных отношений на базе принципа мирного сосуществования. Трезвые политические деятели Запада подходят к этому вопросу именно с таких позиций. В интервью американским телевизионным компаниям 13 ноября 1973 г. государственный се-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 197.

кретарь США Г. Киссинджер отметил, что существует мнение, будто разрядка напряженности отражает «схожие внутренние структуры. Мы, однако, всегда считали, — подчеркнул он, — что разрядка напряженности необходима потому, что у нас противоположные интересы во многих районах земного шара и совершенно разные социальные системы. Разрядка необходима из-за опасности, создающейся в результате накопления ядерного оружия обеих сторон»¹.

Если уж говорить об идеологических препятствиях к разрядке напряженности, то в качестве такого препятствия выступает подрывная деятельность, проповедь экспорта контрреволюции, вмешательство во внутренние дела других народов, осуществляемые империалистической пропагандой в рамках «психологической войны» и несовместимые с принципами мирного сосуществования. Поэтому перестраивать свою идеологию применительно к условиям разрядки надо не Советскому Союзу и социалистическим странам, а тем реакционным кругам Запада, которые цепляются за отброшенные жизнью догмы «холодной войны». Идеологическая же борьба между непримиримыми мировоззрениями — коммунистическим и буржуазным является объективным фактором общественной жизни и классовой борьбы на мировой арене, на который принцип мирного сосуществования никогда не распространялся и распространиться не может.

Противники разрядки напряженности заявляют, будто СССР не готов к проведению конкретных внешнеполитических акций, которые «доказали бы искренность и серьезность» его намерений. Они утверждали, например, что подлинной проверкой искренности Советского Союза явится достижение соглашения по Западному Берлину, причем одновременно реакционные круги делали все, чтобы такое соглашение сорвать. Но вот, несмотря на их происки, четырехстороннее соглашение по Западному Берлину было подписано! Еще одна уловка антисоветских пропагандистов оказалась несостоятельной.

Для развития мирного сотрудничества между государствами Европы складываются все более благоприятные условия. Советский Союз и братские страны социализма прорвали фронт «холодной войны», положили начало раз-

¹ Цит. по «Правда», 14 ноября 1973 г.

рядке в отношениях между государствами Востока и Запада европейского континента.

Большую роль в этом сыграла та работа, которую проводило Политбюро ЦК КПСС в связи с заключением и ратификацией договора с ФРГ, беседы Л. И. Брежнева с В. Брандтом в Моекве и Ореанде, визит Л. И. Брежнева в ФРГ. Подписание договоров СССР и ПНР с ФРГ, четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, заключение Договора об основах отношений между ГДР и ФРГ создали реальные предпосылки для дальнейшего развития взаимовыгодных отношений Советского Союза и других социалистических стран с ФРГ в области экономики, науки и техники, культурных связей.

На оздоровлении европейской обстановки положительно сказывается устойчивое развитие советско-французских отношений, опирающихся на давние традиции дружбы народов СССР и Франции. Визит Л. И. Брежнева в Париж подтвердил взаимную заинтересованность в дальнейшем развитии отношений между двумя государствами.

Советский Союз развивает добрососедские отношения и с другими странами Европы. Это находит свое выражение не только в торгово-экономической сфере, но и в расширении государственных контактов, в налаживании политических консультаций по международным вопросам.

КПСС исходит из исторической необходимости осуществить коренной поворот к разрядке и миру на европейском континенте, создать такую систему межгосударственных отношений, которая стала бы живым и притягательным примером мирного сосуществования. Прочного мира жаждут все европейские народы. Они все активнее солидаризируются с борьбой Советского Союза за европейскую безопасность.

Ныне на первый план европейской политики выдвинулась задача проведения третьего этапа общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. Советский Союз совместно с другими социалистическими странами выступает за то, чтобы общеевропейское совещание послужило обеспечению надежной безопасности и мирного сотрудничества всех стран Европы. СССР придает также важное значение вопросу о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

Противники разрядки предпринимают отчаянные усилия, чтобы помешать превращению Европы в зону под-

линного мира и сотрудничества. Наиболее реакционные из них откровенно твердят, будто в результате европейской разрядки Западная Европа окажется в подчинении у Советского Союза, так как американское влияние уменьшится. Политолог Дж. Суонсон в статье «Супердержавы и многополярность: от мира по-американски к миру по-советски?» заявляет, будто укрепление связей Советского Союза с Западной Европой способствует усилению его влияния¹.

Редактор западногерманской газеты «Рейнишер Меркур» П. Венгер, в свое время тесно связанный с Аденауэром, критикует восточную политику Брандта, заявляя, что Московский договор усилил опасность (?) для ФРГ². Английская «Дейли телеграф» призвала даже западноевропейские страны отказаться от участия в заключительном туре общеевропейского совещания, «если только Москва и ее восточноевропейские союзники не пойдут на какие-то уступки...»³.

О каких же уступках идет речь? Оказывается, снова о том, чтобы социалистические страны изменили свой политический строй, отказались от своей идеологии и позволили империализму вести подрывную деятельность на территории СССР и других социалистических государств. В книге Д. Корбела (псевдоним профессора кафедры международных отношений Денверского университета в США Э. У. Меллона) «Разрядка напряженности в Европе: реальная или воображаемая?» говорится о том, что, хотя политическая разрядка в Европе достигла успехов, ее перспективы связаны с изменением коммунистической идеологии. Межгосударственные и иные контакты, заявляет автор, «должны приоткрыть... идеологические завесы восточноевропейских лидеров».

Правда, с огорчением замечает он, эти тенденции имеют предел, ибо тогда «правящие партии перестали бы быть коммунистическими»⁴.

Итак, с одной стороны, мечта о перерождении коммунизма, что лишь и откроет якобы дорогу к подлинной

¹ «Orbis», 1972, No 4, p. 1051.

² P. W. Wenger, Die Falle. Deutsche Ost-russische Westpolitik, Stuttgart, 1972, S. 1.

³ «The Daily Telegraph», Sept. 20, 1973.

⁴ J. Korbel, Detente in Europe: Real or Imaginary? Princeton, 1972, p. 26.

разрядке напряженности в Европе, с другой — вынужденное признание неосуществимости этих замыслов и наигранные сетования по поводу неполноты разрядки.

Подрывной характер требований об «уступках» настолько очевиден, что даже их инициаторы не верят в возможность осуществления своих претензий, отравляя, тем не менее, международную атмосферу. Последовательная и ясная позиция Советского Союза убедительно разоблачает вымыслы реакционной пропаганды.

В июне 1973 года советская делегация внесла на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, проходившем в Хельсинки, проект Генеральной декларации об основах европейской безопасности и принципах отношений между государствами в Европе. В этом документе содержатся основополагающие начала, на базе которых могут и должны развиваться отношения европейских стран в интересах упрочения мира и безопасности. Важнейшие принципы, провозглашенные в декларации, — это безусловное признание нерушимости сложившихся на континенте границ, уважение суверенитета и независимости, невмешательство во внутренние дела других государств, неприменение силы или угрозы ее применения, мирное урегулирование международных споров, территориальная целостность, уважение прав человека и основных свобод, равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, сотрудничество между государствами в целях поддержания международного мира и безопасности, осуществление связей между ними в экономической, культурной и иных областях на основе суверенного равенства и невмешательства, добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Ставка приверженцев обветшалых догм периода «холодной войны» оказалась битой.

Благодаря усилиям Советского Союза и других социалистических стран, а также конструктивному подходу реалистически мыслящих кругов Запада к нормализации и развитию отношений с социалистическими государствами на смену напряженности на европейском континенте приходят совместные усилия, целью которых является укрепление мира и развитие взаимовыгодных отношений. «Мы убеждены, — говорил Л. И. Брежнев в Софии, — что было бы непростительной ошибкой не использовать историческую возможность, которая предоставляется самим фактом созыва и работы общеевропейского совеща-

ния. Народы ждут от него крупных и авторитетных решений в пользу дальнейшего укрепления мира»¹.

Дальновидные политические деятели Запада в противоположность реакционной пропаганде подчеркивают необходимость считаться с политическими реальностями в мире. Примером может служить книга сенатора У. Фулбрайта «Искалеченный гигант», вышедшая в США в 1972 году. По мнению автора, именно на европейском континенте наиболее заметно благоприятное изменение политической обстановки. Отмечая, что «в Европе произошло ослабление напряженности холодной войны», Фулбрайт подчеркивает, что одной из главных причин разрядки являются «обдуманые политические акции Советского Союза». По мнению Фулбрайта, советско-американские соглашения знаменуют собой запоздалое принятие Соединенными Штатами послевоенного баланса сил в Европе и в советско-американских отношениях. В связи с этим он приходит к выводу, что спорные международные проблемы должны решаться путем переговоров, а не конфронтации. «В XX веке все конфликты серьезны вследствие неограниченной разрушительной силы новых методов ведения войны... Если бы человечеству удалось каким-то образом избавиться от бича войны и бессмысленной погони за властью, страны могли бы обратить свою энергию и ресурсы на удовлетворение человеческих нужд своих обществ и даже в известной степени на помощь другим»², — отмечает Фулбрайт. Такого рода трезвых суждений по мере реализации советской Программы мира становится все больше.

Борьба СССР за укрепление безопасности в Европе связана с решением не только политических, но и экономических проблем. Противники безопасности и разрядки напряженности в качестве «аргумента» против советских внешнеполитических инициатив выдвигали фальшивый тезис о том, будто предлагаемая СССР политика общеевропейского сотрудничества нацелена на подрыв и ликвидацию «общего рынка». Однако и этот аргумент тех сил, которые хотели бы воспрепятствовать такому сотрудничеству, оказался несостоятельным. Л. И. Брежнев заявил на XV съезде профсоюзов, что Советский Союз отнюдь не игнорирует реально сложившееся положение в Западной

¹ «Правда», 20 сентября 1973 г.

² Цит. по «Правда», 21 апреля 1973 г.

Европе, в том числе и существование такой экономической группировки капиталистических стран, как «общий рынок». «Наши отношения с участниками этой группировки, — сказал он, — будут, разумеется, зависеть от того, в какой мере они признают со своей стороны реальности, сложившиеся в социалистической части Европы, в частности интересы стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Мы за равноправие в экономических отношениях и против дискриминации».

Один из избитых тезисов современной антисоветской пропаганды состоит в том, что советские мирные предложения носят, дескать, конъюнктурный характер. Однако любому беспристрастному наблюдателю ясно, что курс на мирное сосуществование, разрядку международной напряженности, создание наиболее благоприятных условий для строительства социализма, сплочение братских социалистических стран, поддержку национально-освободительной борьбы народов, всех антиимпериалистических сил — это постоянное содержание всей внешнеполитической деятельности СССР. Программа мира, выдвинутая XXIV съездом КПСС, исходит из фундаментальных ленинских внешнеполитических принципов, продолжает неизменный генеральный курс Советского государства.

Ее воплощение в жизнь заметно оздоравливает обстановку не только в Европе, но и во всем мире. В этом отношении серьезную роль сыграли московская встреча на высшем уровне советских руководителей с президентом США в 1972 году и визит Л. И. Брежнева в США в июне 1973 года.

В известном документе «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», подписанном в Москве 29 мая 1972 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Р. Никсоном, сформулированы принципиальные исходные позиции для развития советско-американских отношений в новых условиях. Между СССР и США заключен ряд соглашений, достигнуты определенные результаты в области политических, экономических отношений, научно-технических и культурных связей. КПСС, Советское государство исходят из целесообразности обеспечения прочных мирных отношений СССР с США на принципах мирного сосуществования. Их дальнейшим развитием явились важные соглашения, в том числе и соглашение о

предотвращении ядерной войны, подписанные во время визита Л. И. Брежнева в США в 1973 году.

За последнее время обозначилось улучшение советско-японских отношений. В интересах обеих стран — развертывание крупномасштабного долговременного и взаимовыгодного сотрудничества СССР с Японией, а в политическом плане — полная нормализация отношений путем заключения соответствующего договора.

Важным составным элементом внешнеполитического курса КПСС является систематическое развитие отношений СССР со странами Азии, Африки и Латинской Америки. Советский Союз последовательно проводит линию на поддержку законных прав арабских народов в борьбе против израильской агрессии, за урегулирование конфликта на Ближнем Востоке в соответствии с известной резолюцией Совета Безопасности ООН. Опираясь на советско-индийский Договор о дружбе и сотрудничестве, СССР развивает дружественные взаимовыгодные отношения с Индией, активно содействует ослаблению напряженности в Южной Азии, что особенно ярко проявилось во время визита Л. И. Брежнева в Индию в ноябре 1973 года, все более широко развивает отношения со странами Латинской Америки. Факты последнего времени подтверждают, что в этом районе мира растет тенденция к освобождению от гнета монополий, к свободе и демократическому развитию.

Неизменной линией Советского Союза по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки, борющимся за свободу, за утверждение своей независимости, за экономический и социальный прогресс, является активная поддержка этой справедливой борьбы.

В глубоком противоречии с интересами трудящихся всего мира выступает политика руководителей КНР, которая направлена на раскол социалистического содружества, мирового коммунистического, освободительного движения. Пекинские лидеры проводят великодержавно-шовинистическую политику, фактически смыкаясь с агрессивными империалистическими силами в действиях, направленных против разрядки международной напряженности, против коренных интересов народов, включая и жизненные интересы китайского народа. Антисоциалистическую, антисоветскую направленность политики нынешнего руководства КНР не могут прикрыть клеветнические выдумки о мнимой «угрозе с Севера».

Следует отметить, что спекуляции империалистической пропаганды охотно поддерживаются в Пекине. Антисоветизм маоистов зашел так далеко, что они практически подхватили «блоковую» концепцию натовцев, измышления реакционных кругов Запада о том, что советская Программа мира «имеет лишь пропагандистский характер» и скрывает «агрессивные намерения Кремля». Маоисты упорно пытаются воспрепятствовать действиям СССР и других социалистических стран, направленным к разрядке международной напряженности, сокращению вооружений, созыву конференции пяти держав по запрещению атомного оружия и т. д. Известно, например, что прием КНР в ООН был результатом постоянных усилий СССР, государств социалистического содружества и всех антиимпериалистических сил. Однако пекинский представитель незамедлительно использовал трибуну ООН для клеветнических нападок на Советский Союз, выступил против советского предложения о созыве Всемирной конференции по разоружению. Вся деятельность Пекина на международной арене свидетельствует о том, что в борьбе против миролюбивой политики СССР и социалистических стран маоисты готовы блокироваться с любыми силами империалистической реакции. Как подчеркнул Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, «нельзя отличить маоистскую внешнюю политику в отношении СССР от политики империалистов»..., «нельзя отличить политику маоизма в Европе от политики империализма»¹.

Показательно, что маоисты ведут яростную кампанию против разрядки в Европе, повторяя почти дословно вымыслы самой махровой антисоветской пропаганды.

Маоисты пытаются истолковать конкретные шаги советской внешней политики какими-то «антикитайскими» мотивами. Но эта ложь, как и другие подобные вымыслы, может ввести в заблуждение лишь самых легковверных людей. Советский Союз последовательно проводит линию на улучшение межгосударственных отношений с КНР. Вместе с тем наша партия и впредь будет разоблачать антисоветскую политику маоистов, их антиленинскую, националистическую идеологию, давать должный отпор посягательствам Пекина на национальные интересы

¹ «Правда», 30 апреля 1973 г.

СССР, на единство и сплоченность социалистического содружества и мирового коммунистического движения.

Позиция Советского Союза по отношению к КНР была и остается неизменной, она полностью сохраняет свою силу и сегодня.

В Постановлении апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, «что упорная борьба руководства КНР против сплоченности социалистических стран и мирового коммунистического движения, против усилий миролюбивых государств и народов, стремящихся к разрядке международной напряженности, антисоветский курс Пекина наносят вред делу мира и международного социализма. Пленум подтверждает решимость нашей партии и дальше проводить в отношениях с Китаем линию XXIV съезда КПСС»¹.

Ясный и последовательный курс, выработанный XXIV съездом КПСС в отношениях с КНР, убедительно опровергает измышления империалистической и пекинской пропаганды. Его последовательное осуществление отвечает общим интересам социалистического содружества и мирового революционного движения, коренным долгосрочным интересам народов СССР и Китая.

Советские внешнеполитические инициативы вновь и вновь ставят в тупик организаторов и вдохновителей империалистической пропаганды, несмотря на все их ухищрения и маневры.

Наша партия сочетает активную миролюбивую внешнюю политику с величайшей бдительностью в отношении врагов мира и социализма, ни на минуту не ослабляет заботы об укреплении экономического и оборонного могущества СССР.

Боевая солидарность социалистических стран, их твердая и непримиримая позиция в отношении империалистической агрессии и всех форм международного разбоя, сплочение всех миролюбивых сил — залог мира, безопасности и свободы народов.

¹ «Правда», 28 апреля 1973 г.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ИЛЛЮЗИИ БУРЖУАЗНОГО ТЕХНОКРАТИЗМА

Социальные аспекты научно-технической революции современности

Рост мировой системы социализма, ее экономические, политические, идейные и культурные достижения выступают решающим фактором современного развития. В наше время мировая ситуация коренным образом изменилась в том отношении, что империализм навсегда утратил свое былое господство, его международные позиции подрываются под напором социализма, рабочего и национально-освободительного движения. Современный перелом в международных отношениях в сторону разрядки и политики мирного сосуществования связан не с изменением социальной сущности империализма, а с его вынужденной необходимостью приспособляться к международным реальностям, к условиям борьбы двух систем.

В этих условиях как экономического соревнования между социализмом и капитализмом, так и идеологической борьбы на мировой арене вопрос о социальных последствиях научно-технической революции приобретает все более важное значение.

Монополистический капитал, приспособляясь к новой обстановке, стремится использовать открытия в науке и технике для сохранения своего господства, а его идеологи всеми способами утверждают мысль о якобы независимости сдвигов, происходящих в науке и технике, от существующей системы общественных отношений, о «равнозначности» их социальных последствий для капитализма и социализма.

Природа подобного «технологического детерминизма» может быть раскрыта лишь с помощью марксистско-ленинской методологии анализа закономерностей развития исторически определенной системы общественного производства.

Марксистско-ленинская теория исторического и диалектического материализма исследует два вида отноше-

ний: отношение людей к природе — область развития производительных сил и отношение людей друг к другу — система производственных отношений. Но эти виды отношений исследуются марксизмом не изолированно и параллельно, а в их диалектической взаимосвязи, как развитие исторически определенных способов производства. Маркс подчеркивал: «С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства»¹.

Внутренняя логика развертывания современной научно-технической революции ведет к крупному, качественному скачку в развитии производительных сил. Закономерность самой научно-технической революции современности состоит в превращении науки в непосредственную производительную силу общества.

Характерной чертой научно-технической революции является неразрывная связь коренных преобразований в науке, технике и производстве, возникновение единой развивающейся системы «наука — техника — производство». Техника (технические изобретения, решения, воплощаемые в совокупность машин, орудий труда) выступает здесь как первый этап практического освоения и реализации открытий науки. Производство (массовое изготовление соответствующей продукции) предстает в виде второй ступени практического воплощения в жизнь результатов науки и техники, взятых вместе.

Развитие «науки — техники — производства», с одной стороны, и производственных отношений — с другой, выступает как сложная причинно-следственная система с механизмом обратных связей.

Несомненно, что в этой системе развитие «науки — техники — производства» в известной степени автономно и обладает своей внутренней логикой. Технический прогресс, в частности, означает прежде всего прогресс в познании и практическом использовании законов естествознания. Например, открытия в области атомной и молекулярной структуры вещества дали возможность создания новых веществ и материалов; достижения химии позволили обеспечить переработку нефти и газа в пластики и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 403.

волокна, а изучение электрических явлений в твердых телах и газах привело к созданию электроники. Достижения математики повлияли на создание средств автоматизации производства и управления. Все эти примеры подтверждают то положение, что в системе «наука — техника — производство» наука выступает как первичный «ускоритель» производства путем радикального преобразования его техники и технологии. Связь между процессом познания и использования законов естествознания и развитием производства усиливается в невиданной ранее степени.

Тенденция научно-технической революции заключается в том, что она во все возрастающих размерах затрагивает все сферы экономики: появляются новые и увеличивается удельный вес прогрессивных отраслей и производств, внедряются новые принципы управления производством, резко возрастают расходы на научно-исследовательские работы, сокращаются сроки внедрения достижений науки и техники в производство и т. д. В процессе конкурентной борьбы между монополиями научно-технический прогресс действует как принудительная сила, вынуждающая корпорации изменять структуру производства, внедрять новые принципы управления, ускорять обновление основного капитала и повышать производительность труда. В результате в огромной степени возрастает общественный характер производства и труда.

Однако ограничение анализа качественными сдвигами, происходящими в области отношений «человек—природа», то есть в сфере производительных сил, не только не исчерпывает сущности современной научно-технической революции, но и исключает возможность научной характеристики ее социально-экономических последствий. Революция, происходящая в науке и технике, непосредственно влияет на социальную структуру общества, а вместе с тем дальнейшее развитие научно-технической революции зависит от общественного строя.

Сам по себе прогресс в познании природы не вскрывает причин принципиально различных социально-экономических последствий использования системы «наука — техника — производство» в условиях того или иного общественного строя. В основе развития этой системы в конечном счете лежит общественная потребность, имеющая исторически определенную социально-классовую направленность.

Историческая особенность связи научно-технического и социального прогресса зависит от характера взаимодействия производительных сил и производственных отношений на достигнутой ими ступени развития.

Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии», а затем К. Маркс в «Капитале» тщательно исследовали сдвиги в технике конца XVIII — начала XIX века не сами по себе, а в тесном диалектическом единстве со становлением капиталистических производственных отношений. При этом они доказали, что технические сдвиги, будучи обусловленными возникающими капиталистическими отношениями, в свою очередь, по мере развития привели к «промышленной революции», обеспечившей капитализму адекватную ему материальную базу в виде крупного машинного производства. «Промышленная революция» характеризовалась Энгельсом и Марксом не просто как технический переворот, а как переворот, соединенный с переворотом в производственных отношениях, что обеспечило окончательное торжество капитализма над феодализмом. Ленинский анализ империализма неразрывно связан с изучением новых общественных последствий дальнейшего технического прогресса и роста обобществления капиталистического производства, заключающихся в смене свободной конкуренции монополиями. Точно так же современная научно-техническая революция разворачивается отнюдь не в социальном вакууме и не изолированно от конкретных социально-экономических и политических условий. Современная научно-техническая революция еще в большей степени, чем предшествующие ей сдвиги в науке и технике, зависит от социальных факторов, ибо неизмеримо возросли мобилизуемые под ее воздействием материальные и финансовые ресурсы, их влияние на жизнь миллионов людей. Характер взаимодействия производительных сил и производственных отношений в процессе разворачивания научно-технической революции проявляется в принципиально различных социальных последствиях прогресса системы «наука—техника—производство» в капиталистических и социалистических странах. В прошлом перевороты в науке и технике выступали как этапы развития производительных сил капиталистического способа производства. В современных условиях социально-классовый характер всемирной научно-технической революции изменился коренным образом, ибо она выступает как важнейшая об-

ласть борьбы противоположных общественных систем — социализма и капитализма.

Научно-техническая революция современности, развернувшаяся как в капиталистических, так и в социалистических странах, в огромной степени увеличила производительность общественного процесса производства. Однако ее социально-экономические, общественные последствия принципиально различны в условиях противоположных общественно-экономических формаций — социализма и капитализма. Маркс в I томе «Капитала» подчеркнул мысль о том, что «...необходимо проводить различие между увеличением производительности, вытекающим из развития общественного процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого процесса»¹. Капиталистическая эксплуатация общественного процесса производства, производительность которого возрастает под влиянием научно-технической революции в невиданной ранее степени, направлена на то, чтобы еще более подстегнуть этот рост, однако лишь в тех направлениях, которые отвечают главной цели капиталистического производства вообще — максимизации прибыли. Подчинение научно-технической революции цели максимизации капиталистической прибыли проявляется в том, что развертывание научно-технической революции при капитализме неизбежно несет на себе печать антагонистических противоречий буржуазного строя и служит базой их углубления в будущем. Рост общественного характера производительных сил все более обостряет главное противоречие капитализма — между общественным характером производства и труда и частной формой присвоения его результатов, в огромной степени усиливает всю систему капиталистических противоречий, антагонизмов.

Капиталистическое использование системы «наука — техника — производство» все очевиднее выступает как сила, враждебная человеку, трудящимся массам, несовместимая с прогрессом человеческого общества, задачей удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей людей.

Вместе с тем капиталистическая эксплуатация этой системы выявляет ее разрушительное воздействие на саму природу, порождает новые опасные противоречия

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 433.

между границами и возможностями капиталистического использования науки, техники, производства и границами и возможностями, имеющимися в самой природе между развитием производства и биосферой.

Развитие связи науки с материальным производством в конечном счете определяется целевой ориентацией самой науки. Такой высшей целью, обеспечивающей безграничный простор научных исследований, является сам человек.

Производственные отношения капитализма с их антигуманной движущей целью — максимизацией прибыли не только исключают возможность реализации в интересах человека результатов развития такого важнейшего элемента современной научно-технической революции, как наука, но и порождают глубочайшее противоречие между объективной тенденцией развития науки и стремлением использовать ее достижения исключительно в частнокорыстных интересах монополистического капитала.

Действительность современного капитализма наглядно свидетельствует о том, что монополистический капитал не может выдвинуть перед наукой и техникой соответствующих их уровню и природе социальных задач и придает развитию системы «наука — техника — производство» уродливый, однобокий характер, делает ее враждебной коренным интересам трудящихся масс, интересам развития человеческой личности.

Это находит отражение в системе противоречий, выступающих как неизбежные социально-экономические последствия развертывания научно-технической революции при капитализме в условиях новой международной обстановки, борьбы двух систем, наступления социализма, нарастания борьбы рабочего класса капиталистических стран.

Империализм делает ставку на то, чтобы с помощью мер государственно-монополистического регулирования использовать научно-техническую революцию в интересах крупного капитала и ослабить вызываемые ею экономические и социальные потрясения.

Важная роль здесь отводится прежде всего государственному стимулированию экономического роста и научно-технического прогресса, интеграции империалистических стран для обеспечения глобальных целей международного капитала, неокOLONиалистской политике

сохранения империалистической эксплуатации и мерам социального маневрирования внутри развитых капиталистических стран. Но эти меры не в состоянии ликвидировать нарастающие противоречия капиталистической системы.

Возникающие в результате этого уродливые диспропорции в организации общественного производства и резко обостряющаяся противоположность интересов основной массы населения — трудящихся и узкой группы государственно-монополистической олигархии все более полно выявляют несоответствие узких рамок капиталистических производственных отношений развивающейся системе производительных сил. С этой точки зрения научно-техническая революция усиливает революционный характер современных производительных сил, выступающих ныне как материальная основа социалистического способа производства в мировом масштабе. На базе современной науки и техники созданы и создаются такие производительные силы, которые уже сейчас властно требуют перехода к научной организации человеческого общества, дают возможность освободить людей от капиталистической эксплуатации, обеспечить удовлетворение основных потребностей человека и всестороннее развитие его личности. Поэтому современная научно-техническая революция выступает не просто как переворот в науке и технике, а как новый общественный процесс периода заката капитализма и торжества социализма. Этот процесс подготовлен глубочайшими революционными сдвигами, изменившими всю социально-политическую структуру мира. Он связан с коренными социальными преобразованиями нашей эпохи не просто под влиянием роста производительных сил, а прежде всего под влиянием победы социализма, развития мировой социалистической системы и успехов в построении материально-технической базы коммунизма в СССР. Несовместимость нового общественного процесса научно-технической революции современности с капиталистической оболочкой ясно раскрыта в выводе Совещания коммунистических и рабочих партий в 1969 году: «Научно-техническая революция открывает перед человечеством беспрецедентные возможности преобразования природы, создания огромных материальных богатств, умножения творческих способностей человека. В то время как эти возможности должны были бы служить благу всех, капитализм использует научно-тех-

ническую революцию для увеличения прибылей и усиления эксплуатации трудящихся»¹.

Исторический опыт убедительно доказывает, что система производства, подчиненная мотиву извлечения максимальной прибыли в интересах капиталистических собственников, объективно исключает возможность использования достижений науки и техники в интересах большинства человечества. Лишь установление общественной собственности на орудия и средства производства, то есть социалистический общественный строй, создает условия, необходимые для развертывания научно-технической революции в интересах трудящихся масс, подавляющего большинства человечества.

К. Маркс подчеркивал, что «производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся...»².

Действительность современного мира убедительно подтверждает ленинское предвидение: «Только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия»³. О преимуществах социалистической общественной системы в создании наиболее благоприятных условий для роста производительных сил свидетельствуют, в частности, такие факты. По расчетам статистической службы ООН, производство валового продукта социалистических стран за послевоенное двадцатилетие (1951—1970 гг.) увеличилось почти в 4,7 раза, а в государствах несоциалистического мира — в 2,4 раза. Еще более существенные различия наблюдаются в основной сфере материального производства — в промышленности. Выпуск промышленной продукции за то же время в странах социализма увеличился в 6,8 раза, а в несоциалистических странах — в 2,9 раза⁴.

Процесс интенсификации социалистического производства неразрывно связан с его техническим перевооружением на базе новейшей техники. Эта задача, поставленная XXIV съездом КПСС, решается быстрыми темпами. Толь-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», М., 1969, стр. 297.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 381.

⁴ См. «Statistical Yearbook 1970», p. 30; «Statistical Yearbook 1971», p. 10.

ко за 1972 год в СССР создано около 4 тыс. наименований новых образцов машин, оборудования, аппаратов и приборов; освоен и начат серийный выпуск 3,7 тыс. наименований новых видов промышленной продукции, снято с производства 1,3 тыс. наименований устаревших машин, оборудования, аппаратов, приборов и изделий¹. Решение социальных проблем перерастания развитого социализма в коммунизм непосредственно связано не просто с заменой устаревшей техники новой, а с созданием качественно новой техники, с качественными сдвигами в системе производства. Научно-техническая революция все более вызывается к жизни потребностями создания материально-технической базы коммунизма и с точки зрения социального прогресса выступает прежде всего как материальная основа развитого социализма, процесса его перерастания в коммунизм. Определяя задачу технического развития социалистического производства, XXIV съезд КПСС наметил его основные пути — завершение комплексной механизации производственных процессов, автоматизацию тех процессов, которые будут подготовлены с технической и экономической сторон, отработку системы автоматических машин и создание предпосылок перехода к комплексной автоматизации, а в будущем — перехода к системе машин, служащих основой автоматизации всего производственного цикла.

Достигнутый уровень развития производительных сил в СССР позволил XXIV съезду КПСС поставить историческую задачу: органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. От успешного решения этой задачи в СССР, ГДР, Чехословакии и других социалистических странах в решающей степени зависит укрепление мирового социализма, дальнейшие революционные преобразования современного мира. Именно вокруг этих проблем развертывается острая идеологическая борьба двух миров.

Из того факта, что подстегиваемый борьбой двух систем капитализм сумел в определенный период ускорить темп своего научно-технического развития, вовсе не следует, будто научно-технический переворот работает на капитализм и способствует укреплению его исторических позиций, ибо в исторической перспективе развитие науч-

¹ См. «Коммунист», 1973 г., № 5, стр. 65.

но-технической революции в условиях капитализма под- рывает в конечном счете его глубинные устои; обостряет его антагонистические противоречия¹. Капиталистическая действительность современного мира, характеризующаяся нарастанием социального недовольства широких трудя- щихся масс и развитием политического кризиса в ряде империалистических стран, опровергает утверждения буржуазных идеологов о том, будто научно-техническая революция и новая роль государства в экономике освобо- ждают капитализм от революционных потрясений, оста- вляют социальную революцию в удел минувшему прошлому.

Развитие процесса научно-технической революции властно требует ликвидации капиталистической системы производственных отношений и перехода к коммунистиче- ским принципам научной организации общества как единственному магистральному направлению обществен- ного прогресса, серьезно революционизирует сознание трудящихся масс во всем мире, которые все более прямо и открыто провозглашают социализм конечной целью своей борьбы.

Государственно-монополистическая олигархия и ее идеологи видят в этом самую страшную угрозу своему классовому господству.

Истоки и сущность идеологии технократизма

Проблема научно-технической революции, ее воздей- ствие на социальные структуры и роль в развитии совре- менного мира становится важной проблемой обществен- ной мысли.

Представители различных направлений буржуазной экономической, социальной и политической мысли пыта- ются дать ответ на вопрос о месте и роли технического прогресса в общественном развитии. Можно ли на этом основании выделить технологическое направление запад- ной общественной мысли наряду с традиционными шко- лами, например кейнсианством и т. п., в особое, новое и доминирующее направление? Нам представляется, что

¹ См. И. А. Соколов, Новые явления в экономике капита- лизма и революционный процесс: проблемы взаимосвязи, М., 1972.

такая классификация неизбежно ведет к искусственному и лишенному объективных оснований членению современных буржуазных концепций общественного развития на изолированные друг от друга потоки и мешает выяснению основных методологических принципов современной общественной мысли буржуазного мира в целом.

Технологизм как исходный методологический принцип все более заметно пронизывает подход представителей различных школ и направлений буржуазной общественной мысли к проблемам социального развития. Связано это не с очередным модным ухищрением или произвольным толкованием теми или иными представителями буржуазной апологетики перспектив общественного развития, а с объективными процессами развития производительных сил под влиянием современного научно-технического прогресса. Складывающаяся в результате научно-технической революции структура производительных сил, общественный характер которых все более возрастает, настоятельно требует ответа на вопрос, какая система общественных отношений создает наиболее адекватные условия дальнейшего прогресса науки и техники.

Сегодняшний мир не дал ответа на этот кардинальный вопрос, ибо исторические условия развития социалистических стран не позволяют еще зримо и наглядно выявить преимущества социализма в использовании прогресса науки и техники, обеспечить на этой основе высшую по сравнению с капитализмом общественную производительность труда. Вместе с тем сам ход соревнования двух противоположных общественных систем убедительно свидетельствует о том, что прогрессивные тенденции общественного развития связаны только с социализмом. Решение задачи по соединению достижений современной научно-технической революции с преимуществами социализма, означающее окончательную победу социализма над капитализмом, несомненно, займет значительный исторический период построения материально-технической базы коммунизма.

Преимущества социализма научно обоснованы и выявлены марксистско-ленинской теорией, в значительной степени подтверждены реальной практикой социализма, становлением развитого социалистического общества в СССР, его строительством в ГДР и ряде других социалистических стран.

Однако на современном уровне развития и соревнова-

ния двух мировых систем защитники монополистического и государственно-монополистического капитализма еще надеются опровергнуть марксистско-ленинскую концепцию общественного прогресса. В этих целях ими привлекается прежде всего вопрос о перспективах научно-технической революции современности. Методологический принцип буржуазного технологизма, состоящий в утверждении независимости развития «науки — техники — производства» от общественных отношений, с одной стороны, и автоматическом следовании общественной структуры уровню индустриализации — с другой, не нов. Он был выдвинут еще в 20-х годах нашего столетия школой американского институционализма, прежде всего ее ведущим представителем Т. Вебленом, получил широкое хождение в 50-х годах, найдя отражение в теории менеджеризма А. Бернхэма, и стал основополагающим для буржуазного мышления 60 — начала 70-х годов. Технологический подход к явлениям общественной жизни пронизывает все школы современной буржуазной общественной мысли, идет ли речь о сторонниках классической схемы свободного рыночного предпринимательства, неокейнсианцах, теоретиках экономического роста, «индустриального» или «постиндустриального общества». Во всех случаях ставится задача дать такое истолкование хода и социально-экономических последствий научно-технической революции современности, которое обеспечило бы идеологическую защиту монополистического и государственно-монополистического капитализма и дискредитацию уверенно развивающегося социализма. В этом отношении показательна работа профессора Гейдельбергского университета Г. Пихта «Прогноз, утопия, планирование. Положение человека в техническом мире будущего». Признавая, что чистая техника не определяет социального порядка, он вместе с тем утверждает: чем быстрее развивается техника, тем больше вырастает требование к так называемой инфраструктуре. Наука и техника все теснее переплетаются с политической властью, ибо от последней зависит получение инвестиций для развития инфраструктуры, которое планируется на всех этапах. Отсюда он делает вывод, что процесс планирования сам вообще возможен лишь как процесс социальной интеграции¹. Таким обра-

¹ G. Picht, *Prognose. Utopie. Planung. Die Situation des Menschen in der Zukunft der technischen Welt*, Stuttgart, 1967.

зом, общественные отношения выступают как новая ступень социальной интеграции не в результате классовой борьбы и победы социализма, а в результате процесса планирования, вызванного требованиями развития науки и техники.

Если отбросить различные внешние оболочки выдвигаемых идеологами государственно-монополистической олигархии концепций, то суть их предстанет перед нами в следующем виде: развертывание научно-технической революции означает якобы полную ликвидацию условий для любой социальной революции, ибо автоматически устраняет социальные антагонизмы прошлого и снимает тем самым с повестки дня всякую классовую борьбу. Подобный сугубо технологический подход к социальным явлениям выступает в настоящее время как главный способ апологетики государственно-монополистического капитализма и идейной борьбы с социализмом. Он позволяет антикоммунистам новейшей формации выдвинуть в противоположность марксистско-ленинскому учению о перспективах общественного прогресса такой социальный прогноз будущего, который под маской учета крупных сдвигов в общественном производстве, вызванных научно-технической революцией, должен помочь увековечению эксплуататорской системы высокоразвитого монополистического капитализма. Согласно этому прогнозу, венцом общественного прогресса выступает «постиндустриальное» или «технотронное» общество, в котором прошлые противоречия между капитализмом и социализмом теряют якобы всякое значение.

Сторонники «индустриального», «постиндустриального», «технотронного» общества Р. Арон, А. Турен, З. Бжезинский, Д. Белл, П. Друкер и др., отражая идеологические настроения различных социальных групп буржуазии, опираются вместе с тем на единый методологический принцип, согласно которому социальные процессы непосредственно выводятся из развития производительных сил и научно-технической революции. На основе этого принципа они доказывают, будто свойственные в прошлом капитализму противоречия либо устраняются путем совершенствования буржуазных институтов, либо присущи любому развитому обществу.

Эта концепция наиболее отчетливо изложена американским социологом Д. Беллом, провозгласившим неизбежность наступления «конца века идеологии», иначе

говоря, устарелость любой теоретической доктрины, основанной на классовых интересах и исходящей из идеи классовой борьбы как движущей силы исторического развития. Описывая «постиндустриальное общество», Белл видел его главный признак в полном прекращении классовой борьбы, прежде всего политических и идеологических столкновений между различными общественными группами.

В 1965 году Белл возглавил созданную американской Академией искусств и наук «комиссию 2000 года», принял участие в ряде футурологических конгрессов, написал ряд статей и книг, в которых развивал свой «новый» социальный прогноз.

Противопоставляя грядущее «постиндустриальное общество» современным общественным системам, именуемым им «индустриальными», Белл настойчиво подчеркивает тезис, будто растущая роль техники автоматически ведет к изменению цели деятельности гигантских корпораций. Если экономика «индустриальной эры» основывалась на достижении максимальной прибыли, то технический прогресс сам по себе обеспечивает якобы отказ от этой цели и постановку во главу угла задач морально-психологического удовлетворения личности. В качестве «доказательства» неизбежности отхода капитализма «постиндустриального» типа от норм эгоистического интереса Белл приводит ссылки на изменения социально-экономической структуры буржуазного общества под воздействием научно-технической революции, такие как сокращение доли труда и капитала в сфере материального производства и громадное расширение сферы услуг, сужение рамок использования неквалифицированного труда, возрастание удельного веса умственного труда, научных и научно-исследовательских организаций и т. п. Уходя от классового анализа подобных явлений, Белл голословно утверждает, будто сама техника утверждает новый тип общественных связей, в котором прежние «чисто экономические интересы» заменяются более широкими общественными проблемами. На этом «основании» и происходит якобы сдвиг власти от собственности к знаниям, от владельцев собственности к технократии и ученым. Выдавая некоторые поверхностные технико-экономические процессы, связанные с развитием научно-технической революции, за коренные революционные сдвиги в самой природе капитализма, Белл провозгласил необратимость

возникновения «новых принципов социальной организации».

В июне 1970 года в Цюрихе Международная ассоциация защиты свободы культуры по инициативе Д. Белла и Р. Дарендорфа провела международный симпозиум для обсуждения концепции «постиндустриального общества» Д. Белла.

Помимо Д. Белла — профессора социологии Гарвардского университета в симпозиуме приняли участие Жан Флауд — профессор Нуффилдского колледжа в Оксфорде, Питер Уайлс — профессор Лондонского университета, Кеничи Томинага — профессор социологии Токийского университета, Франсуа Буррико — профессор социологии Парижского университета и Джованни Сартори — декан факультета политических и социальных наук Флорентийского университета. Материалы симпозиума опубликованы в первом номере журнала «Сарвей» в 1971 году¹.

То, что симпозиум был развернут на основе доклада Д. Белла, не случайно: именно Белл одним из первых разработал концепцию «постиндустриального общества» в серии статей периода 1964—1969 годов и ввел сам термин в широкое употребление². Доклад Белла на симпозиуме под названием «Постиндустриальное общество: эволюция идеи» опубликован во втором номере журнала «Сарвей» в 1971 году³. И в этом докладе, и в положенной в основу обсуждения симпозиума главе из новой книги Белла «Технократия и политика» Белл подытожил свои основные идеи.

Всю социологию он связывает с прогнозированием — стремлением определить основные черты будущего общества и выявить тот новый класс, который создает его и будет играть в нем главную роль. В доказательство этого тезиса Белл рассматривает тенденцию к прогнозированию будущего в работах Сен-Симона, Токвилля, Буркхардта, К. Маркса и Веблена. Он вынужден подчеркнуть, что учение К. Маркса оказало решающее влияние на развитие социологии XX века. Современную социологию

¹ «Survey», L., 1971, No 1, pp. 1—77. (Post-Industrial Society — A Symposium).

² D. Bell, *The End of Ideology*, N. Y., 1960; D. Bell, *The Measurement of Knowledge and Technology*, «Indicators of Social Change», Ed. by E. Sheldou and W. Moore, N. Y., 1968.

³ «Survey», L., 1971, No 2, pp. 102—168 (The Post-Industrial Society: Evolution of an Idea).

он считает всего лишь вариациями на темы, разработанные социологами XIX и начала XX века, называя концепцию «постиндустриального общества» амальгамой из идей Сен-Симона, Канта, Токвилля и Вебера. При этом Белл выступает против тех, кто пытается замолчать влияние марксизма, в частности Э. Шилза: «Мы все эпигоны великих учителей, но, однако, странно, что среди них Шилз не упоминает К. Маркса, в то время как все мы — постмарксисты»¹. Но на этом «объективность» Белла кончается, ибо усилия его направлены на опровержение главного вывода марксистской теории о неизбежности смены капитализма социализмом. Сам он подчеркивает, что все социальные теории, касающиеся перспектив развития капитализма, являются «диалогом с К. Марксом».

Его попытка опровержения марксизма далеко не оригинальна, ибо построена на типичном для буржуазных политэкономов противопоставлении I и III томов «Капитала». Согласно Беллу, в I томе Маркс вывел «схему будущего» на основе «исторической тенденции капиталистического накопления», а в III томе — «вторую схему» на основе анализа изменений, происходящих в капитализме под влиянием развития системы крупных инвестиционных банков и корпораций, возникновения нового среднего класса — менеджеров, технических специалистов, служащих. Мир, утверждает Белл, опроверг «схему» I тома и развивается в соответствии со «схемой» III тома «Капитала» в «постиндустриальное общество». Стремление Белла опереться в защите своей концепции перерождения капитализма в «постиндустриальное общество», снимающее якобы проблему социалистической революции, на огромный авторитет Маркса является фальшивым в самом своем основании.

Революционные выводы Маркса сделаны на основе раскрытия законов движения капиталистического способа производства. В отличие от I тома «Капитала» в III томе Маркс исследовал «процесс капиталистического производства, взятый в целом», выявляя те конкретные формы, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое, и выступают на поверхности общества в воздействии разных капиталов друг на друга, в конкуренции и в обыденном создании самих агентов производства. Такие буржуазные эконо-

¹ «Survey», L., 1971, No 2, p. 107.

мисты, как В. Зомбарт и К. Шмидт, пытались создать легенду о противоречии между I и III томами «Капитала» на том «основании», будто в III томе Маркс отказался от теории стоимости и перешел на позиции издержек производства. Блестящую отповедь этим фальсификациям дал Ф. Энгельс¹. Более того, как бы предвидя современные модификации легенды о противоречии между I и III томами «Капитала», Энгельс написал для III тома ряд принципиально важных дополнений, раскрывающих новейшие сдвиги в капиталистическом производстве, выявляющие роль биржи, банков, трестов, акционерного капитала, то есть именно тех моментов, апологетическую трактовку которым дает Д. Белл.

Классовое чутье Белла проявляется в том, что он стремится опровергнуть раскрытый Марксом закон тенденции нормы прибыли к понижению, объявляя этот закон не соответствующим действительности современного капиталистического мира, называемого им «постиндустриальным». История, пишет он, показала, что «нет никакой тенденции нормы прибыли к понижению, что государство оказалось в состоянии вмешиваться и если не предотвращать, то смягчать экономические кризисы и что техника открывает новые возможности для реинвестиции капитала»². В подкрепление этой мысли Белл привлекает теорию капитализма В. Зомбарта (не упоминая о критике Ф. Энгельса) и провозглашает ее «соответствующей „второй схеме Маркса“». Но эти рассуждения прямо извращают Маркса.

К. Маркс сформулировал двойственный закон возникающего из одних и тех же причин уменьшения нормы прибыли и одновременного увеличения абсолютной массы прибыли, дав на этой основе глубокий анализ основного противоречия капитализма. Именно Маркс вскрыл причину страха буржуазных апологетов перед тенденцией нормы прибыли к понижению, объяснив его смутным сознанием того, что капиталистический способ производства встречает в развитии производительных сил такой предел, который не стоит ни в какой связи с производством богатства, как таковым. Этот предел, по характеристике Маркса в III томе «Капитала», свидетельствует

¹ См. «История экономической мысли», ч. II, Изд-во МГУ, 1964, стр. 222—223.

² «Survey», L., 1971, No 2, p. 113.

об ограниченности и преходящем характере капиталистического способа производства. Тем самым революционный вывод I тома о неизбежном крушении капитализма и замене его более высоким социалистическим строем в III томе «Капитала» получал еще более глубокое и всестороннее обоснование, опровергая измышления о двух «различных схемах будущего Маркса». Не случайно фальсификация идей III тома «Капитала» сопровождается у Белла призывом вообще отказаться от понятий «феодализм», «капитализм» и «социализм». Эти понятия, поясняет Белл, «являются следствием концептуальной схемы марксизма, осью которой служат отношения собственности. Ось собственности создает радикальные различия между США и СССР. Ось производства и техники определяет их сходство как индустриальных обществ. Понятие «постиндустриальное общество» подчеркивает центральное место технических знаний, являющихся осью, вокруг которой концентрируются новая техника, экономический рост и стратификация общества»¹.

Здесь Белл откровенно высказывает методологическое кредо своей концепции, полностью игнорирующей роль производственных отношений той или иной исторической системы собственности на средства производства и делающей акцент лишь на производительных силах и происходящих в них под влиянием научно-технической революции сдвигах. Однако игнорирование производственных отношений лишает социальное прогнозирование твердой научной основы. Сам Белл косвенно признает этот факт, отмечая, что прогнозы о высокоразвитых странах очень неясны, касаются лишь самых общих тенденций развития, связанных с представлениями о конце определенной эпохи. Это — «апокалипсические настроения» и полная неясность в отношении будущего. Отсюда и многочисленные определения будущего у буржуазных социологов с приставкой «пост», которых Белл насчитывает 18: «посткапиталистическое», «постбуржуазное», «постцивилизация», «постхристианское», «постиндустриальное» и т. д. Так, Р. Дарендорф рассуждает о «посткапиталистическом обществе», в котором позиция в производстве не определяет позицию в системе власти².

¹ «Survey», L., 1971, No 2, p. 158.

² См. R. Dahrendorf, Class and Class Conflict in an Industrial Society, Stanford, 1959.

Д. Лихтгейм говорит о «постбуржуазном обществе» исчезновения частной собственности и классовой борьбы¹. К. Боулдинг считает, что мы вступаем в эру «постцивилизации», отличающуюся тем, что сфера знаний становится предпосылкой сознательного руководства социальным и духовным развитием².

Особое внимание Белл уделяет теории «индустриального общества» Р. Арона, основанной на идее экономического роста как «осевой проблеме» и якобы наиболее адекватно отражающей социально-экономические процессы, противоречащие прогнозу Маркса о гибели капитализма. Предлагая различать доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества, Белл кладет в основу их характеристик экономику, структуру занятости и технику, считая основной проблемой «постиндустриального общества» организацию науки, а главным его признаком — научный потенциал.

Теория Белла была подвергнута на симпозиуме критике прежде всего за его заигрывание с марксизмом и эклектицизм. Как заявил Флауд, он «склонен утверждать, что конструкция постиндустриального общества Д. Белла мешает пониманию современного общества... Она не менее ошибочна, но гораздо менее глубока, чем марксизм, и не имеет его познавательной ценности»³. Основным пороком ее Флауд считает попытку, наряду с установлением общих тенденций развития, определить нервный узел социальной системы в виде экономики, которую он провозглашает компромиссом с учением об экономическом базисе социальной системы. Возражение вызвало и утверждение о решающей роли технократии, ибо, согласно Флауду, трудно предвидеть, разовьется ли «класс специалистов» в политическую силу.

На несостоятельность попытки вывести все социальные процессы из техники указывал и Уайлс, говоря о необходимости учета действия «независимых факторов» и отрицая возможность прогнозирования в современном мире. Но эти «критические» замечания отнюдь не означают отказа буржуазных идеологов от принципа технологизма. Идея об автоматической смене мотиваций в

¹ См. G. Lichtheim. *The New Europe Today and Tomorrow*, N. Y., 1963.

² См. K. Boulding, *The Meaning of the Twentieth Century: the Great Transition*, N. Y., 1964.

³ J. Floud, *A Critique of Bell*, «Survey», 1971, No 1, pp. 25—26.

системе капитализма под влиянием новой техники и технологии прочно вошла в арсенал буржуазной общественной мысли.

Во Франции ее видным защитником является, например, французский экономист и социолог, руководитель кафедры политической экономии в Высшей школе практических исследований, ведущий теоретик национального планирования и социального прогнозирования Ж. Фурастье. Им написан ряд книг, в том числе «Великая надежда XX века» (1946 г.), «История завтра» (1956 г.), «Революция на Западе» (1957 г.), «Цивилизация 1975» (1959 г.) и др. Через эти работы красной нитью проходит фетишизация технического прогресса, который якобы сам по себе решает все экономические и социальные проблемы и устраняет необходимость революционного свержения капиталистического строя. Техника провозглашается решающей силой цивилизации, отодвинувшей на задний план все юридические и политические факторы, режим собственности, «производственные отношения» и т. д.¹ Технический прогресс — единственный источник общественного развития, повышая производительность в промышленности и сельском хозяйстве, но почти не затрагивая сферу услуг, ведет, согласно утверждениям Фурастье, к общему росту благосостояния и стиранию полюсов бедности и богатства. Вместе с тем технический прогресс, по Фурастье, совершает не только революцию в доходах, но и антропологическую революцию, обеспечивая переход от аффективного, апеллирующего к социально-политическим преобразованиям типа человека к взвешивающему типу, рассматривающему все явления в технико-экономическом аспекте. С этих позиций Фурастье и строит критику традиционной политической экономии, куда он без всяких оснований, намеренно «забыв» о классовых позициях, причисляет и марксизм.

Задачей социального прогнозирования провозглашается устранение «социально-политического экрана» с помощью сопоставления основных факторов роста в большие промежутки времени и выявление экономической эволюции в чистом виде. Эту задачу Фурастье пытался решить в книге «Цивилизация 1995» (1970 г.). Сопоставление важнейших показателей жизни масс в доиндустри-

¹ J. Fourastie, A. Laleuf, *Revolution à l'Ouest*, P., 1957, p. 9.

альный период с современными показателями «индустриального общества» позволяет вычленить глобальные тенденции современной цивилизации, «экстраполяция которых и позволяет нам предвидеть „цивилизацию 1995 года”»¹. Разделив историю на 2 периода: от неолита до 1750—1800 годов — традиционное общество и от 1750—1800 годов до настоящего времени, Фурастье стремится подчеркнуть кардинальную «мутацию» человечества, обусловленную вступлением в индустриальную эру: для нее якобы характерны существенные изменения в длительности труда и образовании, в степени комфорта на работе и профессиональной удовлетворенности, уровне общественной гигиены и продолжительности жизни. Весь смысл концепции Фурастье направлен против марксизма, против теории социальной революции.

Тем не менее апология технического прогресса у Фурастье отнюдь не остается неизменной. В этом проявляется парадокс современной буржуазной мысли. На гребне повышательной фазы цикла она полна пафоса индустриализации и экономической экспансии. Но конец 60-х годов показал, что технический прогресс сам по себе не обеспечивает социальной стабильности и ликвидации социальных антагонизмов в рамках капиталистической системы. И певцы технического прогресса как автоматически преобразующей социальной силы начинают впадать в другую крайность, приходя к выводу об отрицательных следствиях прогресса всегда и везде. Среди отрицательных последствий научно-технической революции Фурастье начинает называть крушение таких тысячелетних гарантий стабильности психического равновесия человека, как нарушение личностных связей, контактов людей с живой природой, размеренных ритмов жизни. Короче говоря, индустриализация ведет к нарушению антропологических, исходных потребностей человеческой личности. Поэтому, по мнению Фурастье, впереди лежит эпоха «постиндустриального общества», которое во многом близко к доиндустриальному. Программа этого «постиндустриального общества» изложена Фурастье в книге «Открытое письмо 4 миллиардам людей»². С точки зрения вековых тенденций, утверждает Фурастье, сциентистская уверенность, будто в будущем

¹ J. Fourastie, *La civilisation de 1995*, P., 1970, p. 7.

² См. J. Fourastie, *Lettre ouverte à quatre milliards d'hommes*, P., 1970.

человек будет принимать решения только на основе научно проверенных данных, утопична, ибо «...жить — это означает постоянно быть вынужденным в целях самосохранения принимать решения в условиях отсутствия достаточной информации, не имея ни средств, ни времени проверить, насколько эти решения соответствуют требованиям реальности»¹.

Отрицательные черты «индустриального общества» с этой точки зрения проявились, по мнению Фурастье, в том, что оно стремится устранить «неорганизованного» человека, подчинить все технически продуманной рациональности, реализовать введенное Г. Маркузе понятие «одномерности» и тем самым лишить человека человеческого. Поэтому грядущее на смену индустриальному «постиндустриальное общество», локализуя тенденции техницизма, усиливает такие внетехнические элементы культуры, как искусство, в котором находит выражение вечный, аффективный, любящий, ревнующий, завидующий и страдающий человек; мораль, помогающую преодолеть паралич воли; философия, рисующая целостную концепцию мира; религия, воодушевляющая человека перед лицом непознаваемого.

Восстановление устойчивости, разрушенной индустриальным обществом рационализма без чувств, в значительной степени связывается Фурастье с концепцией досуга, ибо в отличие от индустриальной цивилизации труда постиндустриальная цивилизация выступает в качестве цивилизации досуга². Устойчивость окажется недостижимой, если общество не преодолеет разорванности труда и досуга, означающей распад целостности человеческого существования. Фурастье выступает с интересной точкой зрения, направленной против трактовки досуга как ничегонеделания. Он трактует досуг как средство формирования всесторонне развитой постиндустриальной личности, в связи с чем цивилизация досуга выступает как цивилизация знания, развития интеллекта³, создающая взбудораженность, лихорадочные ритмы существования, свойственные доиндустриальному обществу. Создание такой цивилизации невозможно на базе массового человека, человека пригородов, в связи с чем

¹ J. Fourastie, *Lettre ouverte à quatre milliards d'hommes*, p. 21.

² См. J. Fourastie, *Des loisirs: pourquoi faire?* P., 1970.

³ *Ibid.*, p. 42.

тенденция, по Фурастье, это расслоение общества на элиту и массу. Стабилизирующие механизмы технической цивилизации, выработанные индустриальным обществом, будут срабатывать на массу, уделом которой станет заполнение сферы услуг, где технический прогресс остановился, бессодержательный, пассивный досуг. Массовый человек постиндустриальной эры мыслит бытовыми категориями, доволен материальным богатством и далек от общественных проблем. Напротив, элита, представленная людьми творческих профессий, снабжает массового человека достижениями науки и техники, новыми формами труда и быта, превращая его в пассивный объект прогресса.

Фурастье считает наметившуюся перспективу деления на мыслящее меньшинство и большинство досужего плебса угрожающей и ставит вопрос о следующей, «четвертичной» цивилизации. Но ответа на то, сумеет ли «четвертичная» цивилизация преодолеть разрыв элиты и массы, привлечь массы к творческому труду, у него нет.

Несмотря на все эти «сомнения», главный тезис Фурастье состоит в том, что отличительным признаком постиндустриализма является удовлетворение нематериальных потребностей, рост гуманистических элементов культуры¹.

Трактуя технику как средство производства в прямом смысле, Фурастье утверждает, что решающим моментом общественного развития выступают не отношения собственности, а сам технический прогресс. В этой связи главной социальной проблемой общества будущего он считает обеспечение оптимальных условий для технического прогресса с помощью государства, маскируя тот факт, что в условиях капиталистических отношений собственности такая политика ведет к усилению власти крупнейших монополий и росту эксплуатации наемного труда.

Технологический подход к явлениям общественной жизни основывается на отрицании решающей роли отношений собственности на средства производства и утверждении, будто уровень технического развития определяет не только механизм производства, но и структуру всех социальных связей. При этом главной атаке со стороны буржуазных идеологов подвергается марксистско-ленин-

¹ См. J. Fourastie, *Lettre ouverte à quatre milliards d'hommes*, P., 1970.

ское учение об эксплуатации наемного труда капиталом. Они готовы согласиться с наличием самых различных «социальных конфликтов», только не с противоположностью классовых интересов эксплуатируемых наемных трудящихся и эксплуатирующих капиталистических собственников. Эта позиция наглядно представлена в концепции А. Турена. Его работа «Постиндустриальное общество» посвящена прежде всего вопросу об изменениях в социальной структуре общества по мере развития научно-технической революции и усложнения технологии общественного производства. Подход автора — сугубо технократический, прямо выводящий изменения в социальном строе из сдвигов в производительных силах. Предлагая для любого, независимо от социального строя, развитого общества название «программируемого общества», Турен усматривает его основное отличие от прежнего капитализма в замене эксплуатации, основанной на владении частной собственностью, новым, так называемым социальным гнетом в трех формах: социальная интеграция, манипулирование в области культуры, политический контроль. Развитие техники и создание мира потребления, утверждает Турен, ликвидируют эксплуатацию труда капиталом, так как она предполагала прежде всего экономическую связь между людьми. Но создание «постиндустриального общества» вызывает к жизни новые формы угнетения, связанные прежде всего с «социальной интеграцией», в процессе которой возрастает отчуждение человека. «Отчужденный человек — это человек, чье отношение к социальным и культурным ориентациям общества регламентируется правящим классом и введено в рамки, позволяющие правящему классу поддерживать свое господство...»¹.

Манипулируя терминами эксплуатация и отчуждение (при выхолащивании их реальной социально-экономической и классовой сущности), Турен переходит к рассуждениям о природе конфликтов «постиндустриального общества». При этом демагогия о классовом мире без социальной революции облекается в новую оболочку. Отчуждение якобы ведет к «зависимому соучастию», которое, не будучи полным «индустриальным миром», в то же время ликвидирует социальные конфликты, угро-

¹ A. Touraine, *La société post-industrielle*, P., 1969, p. 151.

жающие самому существованию общества, то есть капитализму.

Какова же причина столь чудесной классово-конфликтной метаморфозы? У Турена в кармане готовый ответ, выданный теоретиками «постиндустриального общества». В мире новейшей технологии, как гласит этот ответ, экономическое развитие определяется уже не концентрацией богатства в частном секторе, а рациональной организацией техники и рабочей силы. В таких условиях основой социальной организации становятся якобы не собственность, а квалификация и знания и в качестве господствующего класса выдвигаются не буржуазия, а технократы. «Это уже не та группа, которая распоряжается частными инвестициями и извлекает из них прибыль. В господствующий класс входят все те, кто идентифицирует себя с коллективными инвестициями и в этой связи противостоит тем группам, которые требуют увеличения своей доли потребления или в плане личной жизни сопротивляются переменам»¹.

Знание, контроль над информацией, идентификация интересов общества с интересами крупных организаций укрепляют власть новой технократии.

Рабочий класс, как заявляет Турен, утратил свою роль ведущей исторической и революционной силы, а «классовая структура — это разбитое зеркало, в котором общество распознает смысл своих действий»².

Методология технологизма позволяет обслуживать чрезвычайно широкий диапазон буржуазных концепций — от псевдообъективистских, признающих на словах вклад марксизма, до откровенно антикоммунистических. При этом прямые противники марксизма вполне последовательны, отбрасывая всякие заигрывания с идеей о социальных конфликтах и провозглашая технику единственной движущей силой общественной структуры.

В работе американского профессора социологии С. Хетцлера «Развитие техники и социальные сдвиги», написанной с позиций воинствующего антимарксизма, коммунистическая теория общественного развития обвиняется в абстракции, ставящей препятствия росту на том основании, что марксизм якобы не исследует самодовлеющей роли техники. «Техника, — утверждает автор, —

¹ A. Touraine, *La société post-industrielle*, p. 68.

² *Ibid.*, p. 115.

по своей сути является системой социальных и физических связей или способов взаимодействия между человеком и механизмами, с помощью которых он трудится. Техника — это социо-техническая энтелегия (причина существующего. — Г. Х.), содержащая семена своего собственного роста, которые могут в благоприятных условиях произрастать независимо от других, более поверхностных социальных и экономических факторов, с которыми их принято связывать»¹. Технологизм авторской концепции выражен предельно откровенно: доминирующее влияние на человека, утверждает Хетцлер, оказывает машина, в связи с чем «понимание сущности отношений между человеком и машиной могло бы во многом способствовать созданию новых концепций, столь необходимых для теории и планирования развития»².

Утверждая решающую роль техники в социальных сдвигах, автор заявляет, будто все основные формы контроля над производством, связываемые традиционной теорией с характером собственности, на деле определяются изменением типов механизации. Поскольку же это изменение выступает как естественный процесс развертывания научно-технического прогресса, существующие формы контроля над производством «не должны исчезать в ходе кровавой революции, а устраняться сами по себе в естественном процессе роста»³.

Воинствующий антикоммунизм, откровенное отрицание какой бы то ни было социальной революции как способа ускорения общественного прогресса, технократизм в его наиболее метафизическом виде представлены в книге Хетцлера предельно выпукло и откровенно.

Надо сказать, что широкое распространение подобных идей в начале 70-х годов отнюдь не свидетельствует об их новизне. Тезисы Белла, Фурастье и других певцов «постиндустриализма» были довольно полно изложены еще в 1954 году в работе французского социолога Ж. Эллюля «Техника. Ставка столетия»⁴, выдержавшей ряд изданий. Из американской литературы к работам подобного рода можно отнести книгу К. Керра, Дж. Данлопа, Ф. Харбинсон и Ч. Майерса, которые в 1954 году объе-

¹ S. Hetzler, *Technological Growth and Social Change*, L., 1969., p. 293.

² *Ibid.*, p. 268.

³ *Ibid.*, p. 241.

⁴ См. J. Ellul, *La Technique. Ou l'enjeu du siècle*, P., 1954.

динились в группу «по изучению трудовых проблем в экономическом развитии», а в 1962 году опубликовали работу «Индустриализм и индустриальный человек»¹. Вернувшись к своим прогнозам через 10 лет, они с удовлетворением констатировали, что их основополагающие выводы стали своего рода исходным пунктом для новейших концепций «постиндустриального общества». В опубликованном ими «Постскрипуме к книге „Индустриализм и индустриальный человек”» говорится: «Индустриализация является главным динамическим фактором, действие которого проявляется во всем мире... «Индустриализацией» мы называем всю совокупность отношений, которые устанавливаются между трудящимися, работодателями и обществом с целью использования нововведений современной технологии (машин, методов обслуживания). Эти отношения совершенно иные, чем те, которые преобладают в обществах, состоящих из торговцев, ремесленников, крестьян или охотников и рыбаков. Индустриализация связана с новыми формами поведения, которые оказывают влияние на людей, участвующих в процессе производства, по мере того как они, если использовать выражение Маркса, переходят от эпохи ветряной мельницы к эпохе паровой машины и продолжают двигаться вперед к обществу, характеризующемуся богатым выбором продуктов и услуг»². И далее авторы приводят подборку тезисов, призванных обосновать утверждение о возникновении нового общества по мере развития технического прогресса.

Индустриализации присуща ее собственная логика, которая проявляется в любом обществе, применяющем новейшую технику, независимо от его истории и современной ориентации. Таков общий знаменатель разнообразных новых специальностей, смелых производственных программ, все более многочисленных больших городов и многого другого.

При всех имеющихся различиях промышленные общества ближе одно к другому, чем к доиндустриальным обществам.

Различные общества пошли или идут к индустриализации разными путями. К логике, свойственной всякому

¹ C. Kerr, J. Dunlop, F. Harbinson, Ch. Myers, *Industrialism and Industrial Man*, L., 1962.

² «Revue Internationale du Travail», 1971, № 6.

обществу в период индустриализации, добавляются разные системы, изобретаемые людьми на основании той же логики, а также различные варианты главной темы.

Независимо от того, что во всех странах наблюдаются аналогичные явления, и от того, что сам выбор ими направления развития действует как фактор унифицирующий, индустриализация имеет специфические особенности в разных странах и даже в разных областях одной страны.

Руководство предприятиями, имевшее патерналистский или политический характер, теперь перешло в руки высших руководящих кадров. Эти руководители быстро становятся компетентными в области техники; что же касается техноструктуры, о которой говорил Гэлбрейт, она занимает все более важное место в методике руководства.

Везде и всюду главной проблемой профессиональных отношений является не столько конфликт между капиталом и рабочей силой, сколько изменение структуры рабочей силы.

Трудящиеся приспособляются к индустриализации гораздо легче, чем предполагалось, и чуть ли не с энтузиазмом воспринимают ее.

Системы профессиональных отношений, которые почти везде строятся на трехсторонней основе, развиваются; и между их различными компонентами сохраняются достаточно гармоничные отношения. Они вызывают появление и обеспечивают соблюдение многочисленных норм, регулирующих повседневную практическую деятельность. Во всех системах организации трудящихся теперь склоняются больше к сотрудничеству, чем к столкновениям. Изменения носят более эволюционный, чем революционный характер.

Промышленные общества, ориентация которых была вначале автоматической (под руководством среднего класса) или монолитической (под руководством революционной интеллигенции), теперь в своем развитии ориентируются на принятие плюралистических решений, представляющих нечто среднее между полной независимостью индивидуума и подчинением государству. Личность, государство и промежуточные структуры должны сыграть очень важную роль. Их полное слияние никогда не будет достигнуто и даже, чтобы отчасти добиться этого, потребуется, возможно, больше времени, чем мы думаем, од-

нако именно тенденция к такому слиянию является одной из главных тенденций индустриализации.

Подводя итог, авторы утверждают, будто их выводы являются описанием действительности, а не составлением новой утопии.

В положениях теоретиков «постиндустриального общества» явно прослеживается попытка представить капитализм в виде строя, наилучшим образом реализующего объективные требования научно-технической революции современности. Между тем возможность поставить достижения науки и техники на службу гуманистическим целям реализуется не автоматически по мере развертывания самого технического прогресса, а в зависимости от социальных условий, определяемых господствующими отношениями собственности на орудия и средства производства. Теоретики типа Белла не в силах опровергнуть этот марксистско-ленинский вывод. Потому-то они и вынуждены голословно утверждать, будто вопрос об отношениях собственности автоматически снимается с повестки дня, так как источником социальных отношений выступает техника сама по себе. Подобный «фетиш технитизации» оказывается как нельзя более удобным для того, чтобы уйти от анализа реальной социальной действительности капитализма и тенденций ее антагонистического развития в мир технократического социального прогнозирования, отождествить научно-техническую революцию с социальной и провозгласить на этом основании ненужность каких бы то ни было социальных революционных действий трудящихся масс. Абсолютизация техники помогает вместе с тем идеологам государственно-монополистической олигархии уйти от необходимости анализа реально существующих в условиях монополистического капитализма социальных антагонизмов путем «бегства в будущее», где вопрос о социальных антагонизмах из проблемы, требующей анализа реальности, подменяется проблемой более или менее правдоподобной прогностики. «Фетиш технитизации» позволяет совершить такую подмену как можно более незаметно, ибо вместо обсуждения вопроса о тенденциях развития под влиянием научно-технической революции данной системы отношений собственности ставит на первый план вопрос о сущности техники и происходящих внутри нее переменах.

Уже Ж. Эллюль, будучи опытным социальным демографом, предложил чрезвычайно широкое толкование по-

нения «техника». «Техника, — писал он, — в том смысле, в каком я пользуюсь этим термином, не является машинами, технологией или той или иной операцией для достижения производственной цели. В нашем технологическом обществе техника представляет собой совокупность достигнутых рациональных методов, имеющих абсолютную эффективность для данной стадии развития на любом поприще человеческой деятельности. Ее характеристика является новой; современная техника не имеет ничего общего с прошлой»¹. На этой общей основе Эллюль включает в понятие «техника» науку как ее орудие, организацию как метод автоматизации современной техники, а также всю «человеческую технику», под которой Эллюль подразумевает чрезвычайно широкую область от медицины и генетики до пропаганды. Подводя итог, Эллюль заключает: «Технический фактор в настоящее время является решающим»².

В упоминавшейся работе К. Керра, Дж. Данлопа и др. также утверждается: «Для многих теоретиков и социологов, в числе которых Веблен, Шумпетер и Дюркгейм, технический прогресс является критическим фактором, порождающим направленность во взаимоотношениях между группами и классами, но вместе с тем и движущим началом экономической и социальной эволюции»³.

Подобная абсолютизация «технического фактора» позволяет сторонникам теории «постиндустриального общества» объявить технику, а не отношения собственности, главным фактором создания новой системы общественных отношений. Такой подход к вопросу о тенденциях развития капитализма, независимо от субъективных желаний авторов теории «постиндустриального общества», широко используется в целях апологетики наиболее реакционными идеологами государственно-монополистической олигархии. Так, например, основная статья Д. Белла «Заметка о „постиндустриальном обществе”» была напечатана в виде предисловия к книге «Год 2000. Основы для размышлений о следующих тридцати годах», принадлежащей перу одних из самых реакционных идеологов США Г. Кана и А. Уинера.

Сам факт, что у колыбели социальных прогнозов государственно-монополистической олигархии стоит Г. Кан,

¹ J. Ellul, *The Technological Society*, N. Y., 1967, p. XXV.

² *Ibid.*, p. 173.

³ «*Revue International du Travail*», 1971, N° 6.

весьма показателен. Было время, когда Кан призывал к уничтожению социализма с помощью атомной бомбы. Именно ему принадлежали термины «эскалация», «мегасмерть» и т. п. Но изменившееся соотношение классовых сил в мире показало всю нелепость бредовых сценариев атомной войны, созданных Каном и ему подобными. Кан срочно переквалифицировался в футуролога, что ни в малейшей степени не изменило крайне реакционного характера его воззрений. Нарисованный им прогноз «постиндустриального общества» в США выглядит весьма оптимистично: к 2000 году бурный прогресс техники обеспечит изобилие, «будет расти число людей, которые совсем перестанут работать, и число людей, которые будут работать по два-три месяца в году», начнется процветание различных культов ради заполнения досуга, проблема собственности перестанет иметь значение, ибо власть перейдет к технократам, и т. д. и т. п.¹ Но сквозь эту идиллическую оболочку явственно проступает тоска государственно-монополистической олигархии по фашизму. Правящая технократия — это не что иное, как высшие группы финансово-промышленной олигархии, утверждающие свое господство путем полного порабощения людей техникой. Недаром среди ста «в высшей степени вероятных» технических изобретений Кан назвал прежде всего «стимуляцию мозга с помощью электроники»². Размышления о будущем, начатые Г. Каном в написанной совместно с А. Уинером книге «Год 2000...», продолжены им в статье «Модель 1980 года», в которой Кан ставит задачу на основе «сравнительно простой экстраполяции, сочетания эмпирического и статистического методов создать проекцию мира 1980 года, не учитывающую возможных неожиданностей»³.

Рост могущества СССР, мировой системы социализма, укрепление принципа мирного сосуществования и широкий авторитет выдвинутой XXIV съездом КПСС Программы мира значительно «отрезвили» бывшего пророка «мегасмерти». Теперь главной тенденцией мировой политики, как признает Кан, становится сознание единства общечеловеческих интересов, которое сделает войну и приме-

¹ «Express», Apr. 11, 1971.

² «Business Week», March 11, 1967.

³ H. K a h n, Model für 1980, «Das 198. Jahrzehnt», Hamburg, 1969, SS. 11—12.

нение насилия почти «немыслимым». 70-е годы станут периодом повсеместного мира, основанного как «на взаимном уважении, так и на страхе и слабости». На этом общем международном фоне Кан и пытается построить модель 1980 года применительно к развитию различных социальных систем. Скороговоркой отметив прогресс Советского Союза, он сосредоточивает внимание на социально-политической структуре и тенденциях ее развития в западном мире, используя в качестве методологической предпосылки концепцию «постиндустриального общества». Важнейшими элементами здесь, по Кану, выступают: развитие «постиндустриальной культуры», «включающей самые различные ценности: космополитические, гуманистические, национальные, интеллектуальные, релятивистские, научные, рационалистические и пр.»¹; усиление движений против национализма, его символов и носителей в лице правительства, бюрократий, милитаризма, осознание враждебности современной науки и техники, технократической идеологии и всякого рода бюрократии интересам личности; кризис либерализма при одновременном росте значения интеллигенции и т. п. Из всего разнородного комплекса элементов социально-политической организации общества Кан особо выделяет «технический кризис», ссылаясь на статью Дж. фон Ноймана «Можем ли мы остаться в живых при современной технике»².

Нависающая над человечеством угроза в связи с развитием техники рассматривается Каном как глобальная, лишенная какой-либо социально-классовой характеристики, ибо якобы сам прогресс техники, а не общественные условия, в которых он разворачивается, порождает угрозу ядерной катастрофы и разрушения биосферы. По прогнозу Гудзоновского института, кризисная ситуация, связанная с этими явлениями, возникнет в 1985 году, в связи с чем главной задачей всего человечества становятся поиски путей предупреждения этого кризиса.

В новой книге «Грядущее. Размышления о 70-х и 80-х годах», написанной в соавторстве с Брюсом-Бриггсом, Г. Кан развертывает тезисы своей статьи, детально излагая те тенденции общественного развития, которые определяют облик «грядущего». Среди этих тенденций он называет как рост изобилия, досуга и «социальной инжене-

¹ H. Kahn, Model für 1980, «Das 198. Jahrzehnt», S. 24.

² См. «Fortune magazine», June, 1955.

рии»; так и развитие бюрократических элит, аккумуляцию технических и научных знаний, рост военной мощи, превращение индустриальных стран в «глобальный метрополис», сверхгород, сближение народов на почве их «американизации»¹.

Подобная «универсальность исторической тенденции» проявляется, по Кану, в ее распространении по всему миру и среди всех классов, в результате чего возродятся неонархизм, неонационализм, неофашизм (в замаскированной форме), а также «новые» идеологии, ибо преобладающие идеологии капитализма и коммунизма якобы не отвечают чаяниям большинства людей.

Выступая против буржуазно-либеральных теорий «разочарования в прогрессе» по мере развития техники, Кан утверждает, что техника в состоянии сама решать создаваемые ею проблемы².

Если отбросить различные оговорки, то возникнет знакомая апологетическая схема сохранения и укрепления существующего капиталистического общества и его модификации в духе «американского эталона». Одним из самых «обнадеживающих» явлений здесь, по Кану, выступает девальвация роли таких традиционных «рычагов», как необходимость зарабатывать на жизнь, защищать границы и стратегические экономические интересы, падение влияния религии, традиций, всяких иррациональных и ограничительных табу, фетишей, мифов, уменьшение зависимости от сил природы, потеря ценности военных добродетелей вроде патриотизма, чести, героизма, лояльности нации, государству, городу, клану, деревне, семье и т. д. По мере уменьшения роли этих «рычагов» в «постиндустриальном обществе» формируются «новые ценности»: конформистски-материалистические установки на потребление, неоцинизм, неопикурейство или неостоицизм, основанный на осознании ответственности, возникают новые или реставрируются старые культы, протест, революция, насилие ради развлечения или даже как образ жизни (нигилизм, анархизм или неофашизм), различные формы эскапизма (drop-outs).

В результате общество ближайшего будущего в изображении Кана предстает не как общество эксплуатации

¹ См. Н. Кан, В. Брусе-Бриггс, *Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties*, N. Y., 1972, pp. 14—19.

² *Ibid.*, p. 214.

наемного труда капиталом, развертывания классовой борьбы в национальном и интернациональном масштабах между капитализмом и социализмом, углубления общего кризиса капитализма, а как общество качественно иной сферы столкновения интересов, так называемой «гуманистической левой» и «ответственного центра», принадлежащих к средним и верхним слоям интеллигенции и являющихся продуктами кризиса, «вызванного изменениями представлений о ценностях»¹.

Если отбросить игру в термины, то рисуемый Г. Каном прогноз общества под влиянием развития техники выглядит как неизбежное превращение трудящихся в тупое и оглушенное стадо, которое посредством манипуляций с электронными методами воздействия насильственно будет лишено разума и воли. Именно так мыслится реакционерами «автоматическое снятие старых» проблем классовой борьбы. Подобный социальный прогноз представляет собой мечту империалистической реакции, своего рода кибернетический фашизм.

Эти «теоретические» трактовки общественных последствий научно-технической революции, призванные увековечить господство промышленно-финансовой олигархии и обеспечить ее классовые интересы любыми методами, прямо используются реакционерами для борьбы против разрядки напряженности, оправдания гонки вооружений и политики «холодной войны». «Действительная степень стабильности мира, вероятно, преувеличена»², — заявляет Г. Кан. Пытаясь доказать несостоятельность отрицательного отношения многих американцев к «холодной войне» и антикоммунизму, Кан утверждает: «Люди забывают о том, что предотвратить новую мировую войну может только твердый отпор агрессии»³, давая ясно понять, что эта агрессия коммунистическая.

Реакционный смысл футурологических прогнозов идеологов типа Кана вынуждены разоблачать даже буржуазные ученые, отдающие себе отчет в том, что могут принести миру новоявленные мессии финансовой олигархии. Западногерманский экономист профессор Карл Штайнбух в книге «Неверно запрограммировано» справедливо

¹ H. Kahn, B. Bruce-Briggs, Things to Come. Thinking about the Seventies and Eighties, p. 32.

² Ibid., p. 145.

³ Ibid., p. 144.

пишет о том, что ставка на технократию духовно развращает граждан, стремится навязать им цели, чуждые реальности, превратить их в безвольных разобщенных индивидуумов, легко поддающихся любым, даже преступным влияниям. Верхушка, предупреждает Штайнбух, не брезгует ничем, чтобы максимально унифицировать личность. Но эти тирады, подчеркивает он, будучи очищенными от лженаучной шелухи, человечество уже слышало незадолго до создания фашистских концлагерей Освенцима и Трешлинка¹.

С прогнозом американского «постиндустриального общества», выдвинутым Г. Каном, тесно переплетается концепция «технотронной эры» яркого антикоммуниста З. Бжезинского. На рубеже 70-х годов откровенный апологет американского империализма Бжезинский занялся проблемами футурологии, поставив целью нарисовать перспективы США к концу нынешнего тысячелетия. Плоды своих изысканий он изложил в вышедшей в 1970 году книге «Между двумя эпохами: роль Америки в технотронной эре». Бжезинский стремится создать впечатление полемике с идеями «постиндустриального общества», представить свою «концепцию» в виде нового шага на пути социального прогнозирования. «Термин «технотронная», — заявляет он, — лучше выражает сущность изменений, чем термин «постиндустриальная», введенный Д. Беллом. Он отражает влияние новой техники и электроники (особенно ЭВМ и средств связи) на культурное, психологическое, социальное и экономическое развитие общества»². Основной тезис Бжезинского заключается в том, будто только США достигли уровня «технотронной эры» и по проложенному ими пути будет вынужден пойти весь мир. Иначе говоря, действительность американского империализма выдается за социально-экономический прообраз будущего человечества. Один из разделов книги прямо называется: «США как социальный первопроходец и морская свинка для всего общества. Историческое значение происходящих в США перемен».

Изобретение Бжезинского претендует на опровержение марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях и неизбежности революционной

¹ K. Steinbuch, Falsch programmiert, Stuttgart, 1969, S. 117.

² S. Brzezinsky, Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era, N. Y., 1970, p. 11.

смены капитализма социализмом. Но эта очередная антикоммунистическая претензия так же вульгарна и несостоятельна, как и ее предшественницы. Бжезинский даже не скрывает апологетического характера своей выдумки, нацеленной на восхваление мира американских монополий. Его усилия направлены прежде всего на то, чтобы «развеять» предубеждение мирового общественного мнения против господствующей в США социально-экономической системы. Это предубеждение связано будто бы с тем, что во всем мире идет наступление против капиталистического общества, а США неправомерно рассматриваются как классическая форма капитализма и империализма. Между тем, утверждает Бжезинский, США уже перешагнули и капитализм, и социализм, создав новое «технотронное общество», сущность которого человечеству еще предстоит осознать. Согласно Бжезинскому, мир борется с призраком империализма, который уже умер, а поэтому такая борьба не имеет адресата. И в качестве доказательства он ссылается на выступления луддитов в Англии периода перехода от мануфактуры к фабрике, когда выбрасываемые на улицу ткачи разрушали ткацкие станки, «технику», видя в ней причину своих несчастий. Проведя подобную историческую параллель, Бжезинский цинично заявляет, что американская социальная система так же неповинна в возникающих еще отблесках классовых битв, как и ткацкие станки в XIX веке. Тем самым он прямо отождествляет систему монополистического и государственно-монополистического капитализма в США с современной научно-технической революцией и создаваемой под ее воздействием новой системой производительных сил, выдавая выступления трудящихся масс против империализма за несостоятельные эмоции, за «бессмысленные» выступления против самого технического прогресса, вроде движения луддитов. Но подобный подлог шит белыми нитками.

Анализируя процесс развития рабочего движения, К. Маркс показал, что в период промышленного переворота, когда мануфактуры заменялись фабрикой, кустари, навыки которых перестали быть нужными капиталу, толпами разрушали машины, не понимая, что удар следует направить против буржуазных отношений собственности. Но уже с 40-х годов XIX века рабочее движение приобретает политический характер, классовая борьба ведется за изменение социального строя, за ликвидацию капита-

листической системы. Не машины и техника — враг пролетариата, а буржуазные общественные отношения. Развитие производства, рост его общественного характера подготавливают материальные предпосылки социалистической революции. Капитализм становится все большим тормозом на пути использования современного производства в интересах всего общества. Монополии доводят противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов до крайней остроты, и разрешение этих противоречий возможно лишь в результате победы социалистической революции. Именно это положение революционного марксизма и пытаются любыми способами опровергнуть авторы новейших технократических теорий.

Стремясь вывести империализм из-под удара, они намеренно уводят внимание от коренных социальных проблем: господствующих отношений собственности на средства производства, усиления власти монополий и государственно-финансовой олигархии, растущей классовой поляризации общества, усиления эксплуатации наемного труда капиталом и т. д. С этой точки зрения выдумка о «технотронной эре» не несет в себе ничего нового. Если концепция «постиндустриального общества» основой своих социальных прогнозов сделала «технологию», то концепция «технотронной эры» составлена путем добавления к «технологии» электроники. Но методологически и в том и в другом случае социальная структура общества будущего представляется как непосредственная функция технического прогресса. В результате общественные сдвиги преподносятся всего лишь как автоматический результат изменений в технике, а классовая борьба и социальные революции провозглашаются анахронизмами. Подобные тезисы крайне вульгарны, ибо они полностью затушевывают подлинное диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений, а тем самым и историческую неизбежность на определенном этапе развития производительных сил революционной ликвидации устаревшей системы производственных отношений. Абсолютизируя роль техники, концепции типа «технотронной эры» провозглашают ЭВМ двигателем «цивилизации будущего» и главным средством изменения социального климата, утверждения господствующего положения сферы услуг, формирования новой цели общественного производства в виде обеспечения общего благоденствия, ор-

ганизации досуга и участия в прибылях. Подлинная роль прогресса науки и техники, процесса превращения науки в величайшую производительную силу в развитии общественного производства преподносится апологетами монополий в крайне одностороннем и искаженном виде. Никто не станет отрицать, что научно-технический уровень процесса производства, например в США, повышается быстрыми темпами. Так, в 1970 году в США общий объем исследований и разработок новой техники и технологии оценивался в 27,4 млрд. долл. по сравнению с 8,7 млрд. долл. в 1956 году, мощность парка ЭВМ удваивается практически ежегодно, расходы на автоматизацию за 60-е годы возросли вдвое и их доля в капитальных вложениях составила в 1969 году 22%¹. Таковы реальные факты.

Некоторые буржуазные идеологи вынуждены признать, что рост расходов на научно-исследовательские работы в условиях капитализма с социальной точки зрения весьма противоречив.

Так, пытаясь выявить изменения, происходящие в развитых капиталистических странах под влиянием научно-технического прогресса, Фр. де Клозет в книге «Опасность прогресса»² приводит ряд данных, свидетельствующих о стремительном росте ассигнований на развитие науки и техники. В 1940 году расходы на научные исследования и опытно-конструкторские работы (НИОКР) в США составили 300 млн. долл., а в настоящее время — 25 млрд. долл. Доля национального дохода, выделяемая на эти цели, возросла с 1,4% в 1954 году до 3,5% в 1968 году. Вместе с тем Клозет подчеркивает, что в этих ассигнованиях преобладают расходы на исследования, предназначенные для военных целей, составляя $\frac{2}{3}$ средств, выделенных по НИОКР, и в этом коренится одна из причин того, что научно-технический прогресс не несет человеку счастья. На фоне огромных расходов в области военных исследований средства на здравоохранение и социальное обеспечение составляют в США 10% всех средств, отведенных на НИОКР, во Франции — 14, в ФРГ — 21, в Великобритании — 9%.

Призыв Клозета сводится к созданию нового общества, а не только новой промышленности. Но, признает он, если В. И. Ленин, руководя революцией в России, четко

¹ См. Ю. Чаплыгин, Технотронные иллюзии, М., 1972, стр. 22.

² F. de Closets, En danger de progrès, P., 1970.

представлял будущее общество, то в западных странах никто не знает, к чему приведут нынешние преобразования.

Однако такие трезвые голоса одиноки. Апологеты монополий, подходя к оценке фактов роста расходов на научные исследования исключительно с позиций технологизма, полностью искажают характер воздействия этих реальных явлений на социально-экономические процессы современного капиталистического общества. Игнорируя связь между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений, они тем самым отбрасывают вопрос об углублении противоречий внутри системы производственных отношений капитализма, рассматривая процесс развития науки и техники вне рамок существующих отношений собственности на средства производства. Путь к выявлению подлинных закономерностей развития оказывается при этом полностью закрытым, ибо сам по себе механизм новой производственной техники и технологии не может раскрыть механизма действия объективных экономических законов данного способа производства.

Говоря о различии между техникой и технологией, К. Маркс ясно показал в «Капитале», что техника — это совокупность машин, средств труда, оборудование. Технология же представляет собою процесс по систематическому расчленению производства на различные операции, в результате которых сырье при помощи техники превращается в готовый продукт. «Принцип крупной промышленности, — писал Маркс, — разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии»¹. Следовательно, технология исследует лишь техническое разделение труда, не касаясь вопросов об общественных формах организации, использования и распределения его результатов. Именно поэтому Маркс подчеркивал, что «политическая экономия — не технология»². Таким образом, главный методологический порок концепций «постиндустриального общества», «технотронной эры» и т. п. состоит в том, что, придавая технике и технологии самодовлеющее значение, фетишизируя технический прогресс, вы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 497.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 711—712.

рванный из его общественных форм, они провозглашают «технику» решающим фактором конструирования общественной системы. При этом, конечно, речь идет не о «технике» как науке о деталях или системах машин, а о современных производительных силах, развивающихся под влиянием научно-технической революции, и о попытках изолировать эти производительные силы от системы производственных отношений с тем, чтобы вместо научного вывода о необходимости ликвидации устаревших отношений собственности протащить тезис об автоматическом преобразовании прежних общественных структур.

Существо технологизма буржуазных концепций общественного развития состоит в попытках доказать независимость технической и социальной революций, более того, провозгласить, будто техническая революция делает ненужной социальную революцию и сама по себе, без классовой борьбы и социальных конфликтов устраняет антагонизм между различными группами общества, обеспечивая благосостояние всех социальных слоев. Французский социолог Р. Арон откровенно заявил, что «фазы естественного развития общества в том смысле, в котором К. Маркс использовал это выражение, не существуют», развитие техники и технологии стирает классовые различия в западном индустриальном обществе и его отличия от советского индустриального общества постепенно сводятся всего лишь к «нюансам». «Революция, о которой говорил Маркс, — делает вывод Арон, — находится позади нас»¹. Технологический подход лег в основу не только буржуазной, но и реформистско-ревизионистской идеологии, которая оказалась не в состоянии найти какую-либо другую альтернативу революционному марксизму-ленинизму.

Таким образом, в 60-е годы сформировалась определенная идейно-политическая позиция империализма и его реформистских и ревизионистских попутчиков, опирающаяся на тезис об автоматически преобразующем воздействии техники на общественные отношения во всех индустриально развитых обществах, исчезновении условий для социалистической революции и неизбежности «конвергентного» слияния противоположных систем в процессе технической революции. Как писал западногерман-

¹ R. Aron, *Les désillusions du progrès*, P., 1969, pp. 30, 31, 340.

ский журнал «Шпигель», «традиционное разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых, мерило однозначных классовых интересов, устаревшее понятие собственности и право распоряжаться средствами производства в обществе будущего уже не смогут быть единственными исходными точками, определяющими механизм, принимающий решения... Впредь традиционные категории буржуазного государства будут постепенно исчезать по мере того, как наука и техника образуют базу будущего общества».

Идея об автоматическом преобразовании общественных структур под влиянием прогресса техники наполняется антикоммунистическим содержанием в том смысле, что техническая революция провозглашается единственной и постоянно действующей реальностью современности, полностью исключившей условия для каких бы то ни было революций социальных. Социолог А. Тоффлер в шумевшей книге «Шок будущего», отбрасывая теорию научного коммунизма как идеологию вчерашнего дня, заявил: «Мы переживаем революцию молодежи, сексуальную революцию, расовую революцию, революцию бывших колоний и все более быструю и глубокую технологическую революцию. Мы вступили в период кризиса индустриализма. Короче говоря, мы стоим на пороге „сверхиндустриальной революции“»¹. С подобных же исходных позиций действует современный ревизионизм в лице Фишера, Гароди. Технологический подход к явлениям общественной жизни послужил методологической основой теории «конвергенции». Ее сторонники исходят из того, что императивы индустриализации вынудят социализм отказаться от его некоторых черт, таких как марксистско-ленинская идеология, господство отношений общественной собственности, единая централизованная система планирования и т. д., а капитализм заставят в более широких размерах применять принцип планирования и социального равенства, в результате чего противоположные системы взаимно переплетутся и различия перестанут играть существенную роль. Наиболее полно эти тезисы были развиты Д. Гэлбрейтом в его «Новом индустриальном государстве», Р. Ароном, Д. Беллом и др. «Природа техники.., природа планирования.., — говорил

¹ A. Toffler, Der Zukunftsschock, Bern — München — Wien, 1971, S. 146.

Д. Гэлбрейт в интервью репортеру «Нью-Йорк таймс» А. Льюису, — обладают собственными императивами, и это ведет к конвергенции индустриальных обществ. В социалистических странах это находит свое выражение якобы в децентрализации власти и переходе ее от государства к фирмам, а в капиталистических — в планировании. В обозримом будущем это приведет к сосуществованию планирования и рынка»¹.

Подводя итог обсуждению «индустриального общества» и его перспектив, К. Керр, Дж. Данлоп и их соавторы утверждали, что индустриальные системы, на какой бы путь они ни становились сначала, с течением времени имеют тенденцию к сближению.

«Процесс конвергенции может ускоряться или замедляться, а иногда имеет место противоположная тенденция, но тем не менее он выражает суть длительной эволюции, поскольку указывает общее направление развития»². Сторонники теории «конвергенции» рассматривают нивелирующее воздействие научно-технической революции не только как распространение общей технологии, методов организации производства и т. п., но и как ликвидацию решающей роли отношений собственности в развитии общественного производства. В конечном счете теория «конвергенции» не только затушевывала коренные социально-экономические различия между капитализмом и социализмом, но и была рассчитана на обоснование требования о неизбежности перерождения общественного строя социалистических стран. Именно поэтому теория «конвергенции» оказалась тесно связанной с концепцией «деидеологизации», ибо ее сторонники, отдавая себе отчет в огромной силе марксистско-ленинского мировоззрения, цементирующего социалистическое общество, попытались расшатать эту краеугольную основу социализма. «Идеологическая борьба, — заявил А. Арон, — в которую я страстно вступил, принадлежит прошлому»³. «По-настоящему глубокое научное мышление, — утверждал Гэлбрейт, — глубокий технический поиск не могут ужиться с регламентацией мысли. Они неизбежно ведут к интеллектуальному раскрепощению»⁴.

¹ Цит. по В. Wolf, *An Ideology in Power*, N. Y., 1969, p. 378.

² «Revue International du Travail», 1971, N° 6.

³ R. Aron, *Les désillusions du progrès*, p. 337.

⁴ Цит. по В. Wolf, *An Ideology in Power*, p. 378.

Империалистическая пропаганда, руководствуясь принципом, что, «поскольку пути, ведущие к коммунизму, различны, различными являются и пути, уводящие от коммунизма», сосредоточила внимание на проповеди концепции «деидеологизации», чтобы размыть социализм идеологически. Американский социолог С. М. Липсет, автор термина «век конца идеологий», в очередной книге «Революция и контрреволюция. Перемены и застой в социальных структурах» снова и снова пытается дискредитировать социалистическую систему и марксистско-ленинскую идеологию, противопоставляя идеям научного социализма теорию «деидеологизации»¹. В антикоммунистическом сборнике «Общественная мысль в Советском Союзе» провозглашается, будто само создание в Советском Союзе «индустриального общества с фатальной необходимостью делает марксизм неуместным»².

Антикоммунистическая пропаганда бросает все свои силы на то, чтобы попытаться убедить трудящиеся массы, будто коммунистическая идеология перестала отвечать требованиям общественного прогресса. Такой ярый антикоммунист, как З. Бжезинский, готов даже «признать», что «ленинская система, возможно, когда-то была полезным инструментом в деле осуществления политической революции и последующих социальных преобразований». Но теперь, мол, она «вряд ли может отвечать более сложным требованиям технотронной эры»³.

Следовательно, концепция «деидеологизации» выступает как орудие империалистической пропаганды по дискредитации теории и практики научного социализма и защите капитализма.

Однако последовательное укрепление позиций мирового социализма на фоне обострения социально-экономических противоречий капитализма в конце 60 — начале 70-х годов наглядно продемонстрировало провал расчетов идеологов монополий на то, что НТР сама по себе разрешит все социальные проблемы капиталистического общества и уведет массы от борьбы за социализм. Еще раз подтвердилась та истина, известная марксистам, что техника и производительные силы сами по себе не способ-

¹ S. Lipset, *Revolution and Contrevolution. Change and Persistence in Social Structures*, L., 1969.

² A. Simirencu (Ed.), *Social Thought in Soviet Union*, Chi., 1969, p. 109.

³ «Newsweek», May 4, 1970, p. 60.

ны произвести социальную революцию, если они остаются собственностью монополий и используются в их корыстных, эксплуататорских целях. Полностью провалились также и попытки идеологического размывания социализма, его поглощения капитализмом в процессе так называемой «конвергенции».

В качестве реакции на провал идеологических диверсий империализма сегодня можно наблюдать в капиталистическом лагере вспышку идеологической истерии и пессимизма. Наигранная вера во всемогущество техники сменяется громогласными криками о разочаровании в прогрессе, проповедью всеобщей деморализации, фатальной дисгармонии человеческого бытия. Империалистическая пропаганда встала перед необходимостью либо подвергнуть критике и отказаться от ряда собственных идеологических концепций, выдвинутых в недавнем прошлом, либо модернизировать их с учетом изменения соотношения классовых сил на мировой арене и новых социальных условий, сложившихся за эти годы.

Технологический подход к общественной жизни, будучи, несомненно, господствующим в идейном багаже капитализма наших дней, тем не менее не стал и не может стать единственным, а его основные постулаты подвергаются довольно резким нападкам со стороны ряда буржуазных теоретиков как с более «левых», так и с более правых позиций. Для буржуазных теоретиков, стоящих «левее» сторонников «индустриального общества», характерны идеи, высказанные американским социологом, учившимся и преподававшим в ряде европейских университетов, Н. Бирнбаумом в книге «Кризис индустриального общества»¹. Эта работа написана на основе цикла лекций, прочитанных им в Тринити-колледж в 1967 году. На позицию Бирнбаума, как отмечено в предисловии, значительное влияние оказала «критическая социология» Р. Миллса, В. Абендрота и Г. Маркузе. Бирнбаум подвергает критике центральный пункт теории «индустриального общества» о сдвиге власти от собственников к технократии и в этой связи о социальных отношениях, в том числе и конфликтных, как прямой функции развития науки и техники. Именно с этой точкой зрения на «индустриальное общество», отмечает он, связан пресловутый тезис о «конце идеологии», выдвинутый Р. Ароном, а затем в

¹ N. Birnbaum, *The Crisis of Industrial Society*, N. Y., 1969.

США Д. Беллом. Однако, «поразмыслив, трудно согласиться с тем, что технические исполнители целиком свободны от идеологии... Критерий действенности технических методов сам по себе является идеологией и зачастую удивительно нечувствительной к содержащейся в нем возможности конфликта с другими системами ценностей. Такая идеология... не имеет ничего общего с первоначально гуманными целями, с той верой, что наука и техника могут обеспечивать средства для совершенствования общества»¹. Политика западных индустриальных стран диктуется не собственными интересами технократии, которая к тому же весьма разнородна в зависимости от отношения тех или иных ее групп к собственности, подчеркивает Бирнбаум, а взаимопроникновением крупной собственности и государства. Что же касается роли крупной собственности в таких новых сферах государственного вмешательства, как образование, здравоохранение, реконструкция городов и т. д., то опыт показывает, что и «здесь существует определенное сотрудничество корпораций и государства»². Отсюда Бирнбаум делает весьма справедливый вывод, что в так называемых индустриальных странах Запада политика правительств гораздо больше соответствует потребностям частного сектора, чем требованиям трудящихся.

Серьезные сомнения высказывает Бирнбаум и в отношении утверждений сторонников «индустриального общества» о ликвидации социальных конфликтов и установлении тесного сотрудничества между классами. Новая элита, новый средний класс, новый рабочий класс, пишет он, резко отличаются по своему отношению к власти, по своим доходам, по уровню образования и по своему социальному престижу. В таких условиях классовые (и групповые) конфликты, связанные с распределением национального продукта, с контролем над процессами производства и распределения, неизбежны. Сила крупных собственников остается здесь решающей, ибо если они «не всегда могут навязать государству свою волю, то всегда оказываются в состоянии заблокировать или жестко ограничить программы, нарушающие их интересы»³. Поэтому так называемое «государство благоденствия», под-

¹ N. Birnbaum, *The Crisis of Industrial Society*, p. 81.

² *Ibid.*, p. 86.

³ *Ibid.*, p. 76.

черкивает Бирнбаум, отнюдь не означает социального равенства, ибо его главной функцией остается обеспечение существующих отношений собственности. «При этом обычно упускают из виду, что государственный механизм осуществляет одновременно и перераспределение доходов самого рабочего класса. В конце концов оказывается, что рабочие (и вообще трудящиеся) должны сами оплачивать свое социальное обеспечение. В общем можно сказать: рационализированная система благоденствия предполагает, что государство берет на себя ответственность за относительную дисциплинированность и производительность рабочей силы. В этом, разумеется, трудно увидеть атаку на крупную собственность»¹. Потому-то и несостоятелен тезис о «конце идеологии», ибо «только новые утопии могут помочь осознанию перспектив и возможностей в обществе, которое все больше и больше зависит от науки, техники и администрации»².

Бирнбаум ставит вопрос: какая же социальная группа может играть роль авангарда необходимых преобразований? И если до этого его критика буржуазного «индустриального общества» была справедливой и достаточно последовательной, то теперь буржуазная ограниченность и либеральные иллюзии о сохранении капитализма без объективно присущих ему антагонизмов заводят его в тупик мелкобуржуазной идеологии. Реально развивающийся социализм для Бирнбаума «неприемлем»; причем в адрес социализма он высказывает стандартный набор обвинений реформистского и ревизионистского толков. Отрицает он и марксистско-ленинское учение об исторической миссии пролетариата по революционному свержению капитализма и построению нового, социалистического общества, пускаясь в обычные для буржуазных «левых» рассуждения об авангардной роли молодежи, и особенно студенчества. Тем самым нелюбезный критицизм оборачивается обычными либеральными фразами, ибо за оружием критики не следует критика оружием и вместо революционной программы, предлагаемой научным коммунизмом, выдвигается либеральная пустышка неких реформ, сотворяемых руками студентов.

Весьма широкое распространение получила критика теорий «индустриального мира» и «конвергенции» со сто-

¹ N. Birnbaum, *The Crisis of Industrial Society*, p. 78.

² *Ibid.*, p. 92.

роны наиболее реакционных идеологов монополий, обвиняющих эти теории в либерализме по отношению к коммунизму. Вместе с тем правые круги идеологов империализма, опираясь на исходные принципы технологических концепций, развивают пропаганду различных ультрареакционных футурологических прогнозов облика общества будущего. На фоне наступления идеологии ультраправых буржуазные псевдолибералы, авторы теорий индустриального общества типа Р. Арона, расписываются в своем бессилии и выступают ныне с пессимистическими идеями о непознаваемости общественных последствий прогресса техники. Однако подобный пессимизм вполне уживается со все более явным антикоммунизмом и антисоветизмом, причем на этом поприще усиливается смычка буржуазных идеологов-технократов с представителями новейшего правого и «левого» ревизионизма. Позиция правых достаточно ясно отражается, например, в книгах Б. Вольфа «Идеология у власти. Размышления о русской революции», З. Бжезинского «Между двумя эпохами. Роль Америки в технотронную эру», Ф. Ревеля «Ни Маркс, ни Иисус» с подзаголовком «Американская революция»¹.

Показательно, например, что книга Вольфа отнюдь не изолированный эпизод в разворачиваемой монополиями антисоветской кампании. Вольф является одним из ведущих сотрудников Гуверовского института войны, революции и мира, руководство которого играет далеко не последнюю роль в выработке идеологических концепций американского империализма. Именно гуверовская школа выступает сейчас в качестве лидера идейно-пропагандистских центров антикоммунизма США. Начатая Вольфом с крайне правых позиций критика теории «конвергенции» отражает позицию прежде всего зловещего военно-промышленного комплекса в США, ратующего за возврат к политике «холодной войны». С этих позиций в арсенале грубого антикоммунизма теории «конвергенции» не остается больше места, ибо эта теория, пишет Вольф, «вместо активной борьбы с коммунизмом» призывает якобы США к «пассивному выжиданию». «Теория конвергенции, — заключает он, — не выдерживает критики ни в историческом плане, ни в плане современного развития двух стран (имеются в виду СССР и США. —

¹ B. Wolfe, *An Ideology in Power. Reflections on the Russian Revolution*, N. Y., 1969; F. H. Revel, *Ni Marx, ni Iesus*, P., 1970.

Г. Х.), которые, как полагают, должны конвергироваться. Каждая из них будет развиваться навстречу своему будущему».

Непосредственным объектом критики Вольф избрал профессора Гарвардского университета Д. Гэлбрейта как наиболее типичного представителя западной интеллигенции, сеющего иллюзии об автоматическом переходе власти в руки профессиональных управляющих, специалистов и ученых по мере технического прогресса вне зависимости от социального строя общества. Выступая от имени подлинных хозяев США — могущественных групп финансового капитала, Вольф видит неприемлемость теории «конвергенции» в том, что она не согласуется прямо и непосредственно с курсом антикоммунизма. Империализму внутренне присуща реакция по всем линиям, и его идеолог Вольф наглядно демонстрирует это, рассуждая о том, что в последние десятилетия любой отход от ультраправых позиций так и не укрепил позиций монополий. Мода на идею «конвергенции», отмечает он, возникла и в прошлом: в 1921 году, когда Советский Союз приступил к осуществлению нэпа, в 1933 году, когда правительство Рузвельта установило дипломатические отношения с СССР, в годы второй мировой войны и в период 60-х годов. Но эта идея «не оправдала себя», ибо ослабить Советский Союз и подорвать социализм с ее помощью оказалось невозможным. Вольф намеренно закрывает глаза на то, что «виновата» здесь не «идея», а коренные преимущества нового общественного строя, что империализм терпит поражения в силу неизбежного развития его внутренних неразрешимых противоречий. Боясь признать этот факт, он ратует за откровенную реакцию, не видя других возможностей сохранить империалистическую систему и тем самым вольно или невольно лишней раз разоблачая реакционную сущность этого антинародного строя.

Что же с этой точки зрения не устраивает ультраправых во взглядах Гэлбрейта и его последователей? То, что они возлагают надежды на сближение капитализма с социализмом, точнее, рассчитывают, будто в процессе развития техники «коммунисты сами перестанут быть коммунистами». Но подобные иллюзорные надежды неизбежно терпели крах в прошлом, лопнули они и сегодня. Потому-то и отказывается от них империалистическая реакция, цепляясь за старый жупел махрового антикомму-

низма и антисоветизма. В этом плане показателен такой эпизод. Собираясь в поездку в Советский Союз, Гэлбрейт отправил друзьям депешу, в которой говорилось: «Передайте Сиднею Хуку (американский философ-антикоммунист. — Г. Х.), чтобы он не беспокоился: я не вернусь коммунистом». «Я не боюсь, что он вернется коммунистом, я боюсь, что он вернется и скажет, что они — коммунисты», — ответил С. Хук. Тем самым Вольф, Хук и прочие реакционеры отрицают теорию «конвергенции» не потому, что она не направлена против социализма, а опасаясь, как бы ее внешне объективистский характер не посеял настроения ненужности оголтелого антикоммунизма, не изменил бы грубо антисоветский климат, насаждаемый ультраправой империалистической реакцией. Откровенные антикоммунисты, рассуждая о перспективах общественного развития, все чаще выступают с тезисом о неприемлемости теории «конвергенции», ибо она, с их точки зрения, подрывает веру в нетленные ценности капитализма.

Именно с этих позиций написана статья автора ряда книг об экономике социалистических стран Н. Спулбера «Социализм, индустриализация и „конвергенция“». Под «конвергенцией» в общественных науках, отмечает он, понимается эволюционный процесс, в котором две экономические системы приобретают общие черты, поскольку они вынуждены ставить и решать сходные социально-экономические задачи. Суть проблемы состоит не в том, «станет ли та или иная организационная черта социализма или капитализма общей для них обоих, а в том, приведут ли изменения в сущности обеих систем к их уподоблению»¹. С этой позиции Спулбер делит западных сторонников «конвергенции» на три группы: взгляды первой, представленные теорией У. Ростоу, он характеризует тем, что эта группа предполагает, будто изменения происходят главным образом в социалистическом обществе. Вторая группа в лице Д. Гэлбрейта и его последователей считает эпицентром изменений капитализм. Третья, возглавляемая Дж. Тинбергеном, считает, что изменения, происходящие в обеих системах, приведут их в конечном счете к единому «идеальному» типу общества. Антикоммунистическое чутье Спулбера подсказывает ему веский

¹ N. Spulber, Sozialismus, Industrialisation und «Convergence», «Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas», Bd. 2, München — Wien, 1971.

аргумент против теории «конвергенции» в целом, независимо от различий в ее направлениях: все они исходят из тезиса о прямой связи между экономическим ростом, процессом индустриализации и научно-технической революцией и структурными изменениями в обществе, то есть автоматическом влиянии изменений, происходящих в технико-экономическом базисе общества, на его надстройку в виде идеологии и мотиваций. Опасность этого подхода для капитализма, по мнению Спулбера, заключается в том, что он приводит к выводу о необходимости изменения сущности капиталистической системы.

Сущность капитализма, несмотря на сдвиги в его технико-экономической основе, должна сохраниться, ибо она якобы только и отвечает природе человека. Как пишет Спулбер, «постиндустриальное общество» будет значительно отличаться от индустриального, «но в постиндустриальном капиталистическом и в постиндустриальном социалистическом обществе одна и та же основная проблема: как заставить богатство создавать реальное человеческое благосостояние,— будет, вероятно, постоянно получать различное разрешение»¹. Различия такого рода связаны прежде всего с ценностными установками и различными концепциями распределения богатства, что и создает непреодолимые препятствия на пути конвергенции систем. Еще более резко эту точку зрения подчеркивает Б. Вольф в статье «Россия и США: вызов теории конвергенции». Называя сторонников теории «конвергенции» современными «упрощенцами», вульгаризировавшими идею Маркса о примате базиса над надстройкой, Вольф заявляет, что современные технократы, сеющие иллюзии об автоматизме грядущих социальных преобразований, на деле увековечивают социальную систему социализма и ослабляют позиции ее противников².

Отрицание теории «конвергенции» сопровождается подчас выводами о сохранении различий, об очеловечивании обеих систем. «В течение текущего десятилетия,— утверждал проф. Э. Мерц,— возможно преобразование обеих систем в индустриальные общества различных типов, но с „человеческим лицом“»³.

¹ N. Spulber, Sozialism, Industrialisation und «Convergence», «Jahrbuch der Wirtschaft Osteuropas», S. 422.

² «Quest», July — Sept., 1970, No 66, p. 61.

³ «Gewerkschaftliche Monatshefte», Këln, 1970, H. 12, S. 710.

Значит ли это, что «левые» и правые критики «конвергенции» отвергают технологический подход к общественной жизни, предложенный авторами теории «постиндустриального общества»? Нет, ибо технологизм крайне удобен для борьбы с марксистско-ленинской идеологией и апологетики империализма. Антикommунисты выступают не против технологического подхода, а против признания на его основе «достоинств» социализма и «недостатков» капитализма. С их точки зрения, императивы технического прогресса призваны увековечить систему монополистического и государственно-монополистического капитализма и дискредитировать реально существующий и развивающийся социализм, а тем самым увести трудящихся от борьбы за социалистическое преобразование общественных отношений. Идея «абсолюта техники» используется наиболее правыми идеологами монополий не столько для маскировки коренной противоположности двух общественных систем — капитализма и социализма, сколько для проповеди антикоммунистического тезиса о неизбежности отказа от классовых принципов по мере развертывания технического прогресса. Эта антикоммунистическая установка была откровенно изложена журналом «Ньюсуик». «Как бы то ни было., коммунистические системы должны претерпеть значительные изменения, если они намерены выйти за пределы ранней индустриальной эры и избежать превращения в исторический анахронизм в век, который требует творческого новаторства и широкого интеллектуального обмена. Следовательно (как утверждают авторы статьи.— Г. Х.), Запад имеет уникальную возможность поставить перед Востоком выбор: или полное примирение с Западом, или постепенный застой и в конечном счете переворот»¹.

Таким образом, антикоммунистический смысл «технологических» теорий состоит в том, что социалистические страны включаются ими в поток модернизации и индустриализма, но лишь при условии «отказа» от политической системы социализма и коммунистической идеологии. Выходит, что авторы теорий «постиндустриального общества» рассматривают «технику» как средство автоматического изменения общественных отношений только по отношению к капитализму, тогда как для социализма этот «принцип» оказывается уже недействительным.

¹ «Newsweek», Jun. 4, 1971, p. 48.

В отношении социализма выдвигается антикоммунистическое требование изменения политического строя и отказа от марксистско-ленинской идеологии как якобы неперемного предварительного условия включения в общий «поток модернизации». Так лишний раз обнажается классовая антикоммунистическая направленность новейших спекуляций идеологов государственно-монополистической олигархии вокруг проблем научно-технической революции современности и ее социально-экономических последствий.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС И БУРЖУАЗНАЯ ФУТУРОЛОГИЯ

Техника — разрушитель общественных и человеческих ценностей?

Что несет человеку ближайшее будущее — время расцвета научно-технической революции, взрывающей все привычные представления об окружающем мире? В каком обществе будут жить люди к концу нашего тысячелетия? Какие социальные, материальные, моральные и культурные ценности изберет человек 2000 года?

Буржуазная футурология пытается дать ответы на эти вопросы с принципиально противоположных марксистско-ленинской теории общественного развития позиций. Идеологи государственно-монополистической олигархии в концепциях «постиндустриального общества», «технотронной эры» и т. п. рисуют варианты «капиталистического рая» на Земле в результате развития самой научно-технической революции, ликвидирующей якобы всякую почву для классовой борьбы и социалистической революции. Подобная технологическая апологетика, как было показано выше, получила широкое распространение в капиталистических странах. Марксисты справедливо уделяют большое внимание ее критическому анализу. Например, классовый смысл теории «технотронного века» убедительно раскрывается в статье директора Института международных отношений в Праге Я. Седлака «Международные политические прогнозы З. Бжезинского»¹.

Начало 70-х годов ознаменовалось таким развитием современного мира, которое приходит во все большее противоречие с оптимистическими иллюзиями сторонников «постиндустриального общества». Их радужные надежды на то, что научно-техническая революция автоматически избавит капитализм от язв и пороков, классовой борьбы и социальных конфликтов, не оправдываются. Ведь на научно-техническую революцию возлагались огромные надежды. Было объявлено, что она посрамит

¹ «Nová mysl», Praha, 1971, No 10, s. 1480—1488.

социализм; излечит больной капитализм, обеспечит социальный мир, превратит трудящихся в сытых и довольных рабов монополий... Ничего этого не произошло. На пороге 70-х годов господствуют настроения тревоги и растерянности. В странах «общего рынка» и США темпы роста национального дохода замедляются, инфляция душит общество, безработица растет. Социальные конфликты приобретают все более острый характер: массовые забастовки сотрясают США, Англию, Италию и другие страны. «У нас пока еще нет алгебры для оценки социальных систем», — заявляет директор «мозгового центра» концерна «Дженерал электрик». Ликование по поводу очередного ниспровержения марксизма с позиций технологизма начинает уступать место унынию.

А. Вейнраб, физик из Гарвардского университета, приходит к выводу о том, что было нелепо приписывать научно-техническому прогрессу роль автономной движущей силы. «Почему, — вопрошает он, — колоссальный прогресс науки не только не в состоянии разрешить основополагающие социальные проблемы, но даже усугубляет их?» Правда, ответ на это «почему» в отношении капитализма дан научной теорией познания, марксизмом-ленинизмом. Но идеологам буржуазии он не по вкусу. Они пускаются в собственные поиски, который раз демонстрируя бесплодность попыток скрыть противоречия капитализма. О волюнтаристском характере буржуазной футурологии наглядное представление дает статья американского социолога Э. Боулдинга «Футурология и способность Запада к воображению»¹. В этом обзоре футурологических работ — от социально-технического планирования до научно-фантастической беллетристики — за отправную точку взяты идеи Ф. Полака, изложенные в его книге «Образ будущего» (1951 г.). Солидаризируясь с Полаком, Боулдинг считает образ будущего обязательным плодом взаимодействия эсхатологического (трансцендентального) и утопического (имманентного) элементов мысли: первый означает способность воображения прорываться за пределы настоящего, освещая принципиально новый «порядок вещей», второй дает возможность человеку как партнеру природы осуществлять превращение «совершенно иного» в реальность.

¹ E. Boulding, *Futurology and the Imaging Capacity of the West*, «The Teilhard Review», L., Febr. 1972, vol. 7, No 1, pp. 12—33.

В противном случае футурология выступает всего лишь как экстраполяция существующих тенденций развития. Именно таков принцип «социального планирования», который Боулдинг без всяких оснований выводит из «социалистической утопии». Подчеркивая его несостоятельность, автор делит профессиональных футурологов-дизайнеров будущего на «технократов», «гуманистов», «футурологов участия» (по аналогии с «демократией участия») «социальных эволюционистов», «экологических» и «революционных» футурологов.

Здесь нет нужды вдаваться в подробности подобной классификации буржуазной футурологической мысли, пестрота которой призвана восполнить отсутствие аргументов против марксистской концепции общественного развития. Однако один момент заслуживает внимания. Характеризуя сущность наиболее авторитетного на Западе направления футурологии — технократически ориентированного (Б. де Жувенель — во Франции, Д. Гарбор — в Англии, Ф. Бааде — в ФРГ, О. Хелмер, Г. Кан, Э. Винер, Мидлтаунский институт изучения будущего, основанный Д. Беллом, — в США), Боулдинг приходит к выводу, что это направление означает консультацию власть имущих в области социально-экономической стратегии по удержанию власти и стремится к утверждению единственного варианта будущего — экстраполяции настоящего в ущерб всем другим альтернативам. Недаром, замечает Боулдинг, $\frac{4}{5}$ подобных работ финансируется правительствами, военными учреждениями, крупными корпорациями, в результате чего футурологическая экспертиза становится монополией правящих кругов в национальном масштабе и богатых наций — в международном. Таким образом, даже среди западных идеологов проскальзывает признание того, что концепции постиндустриализма служат целям правящей олигархии.

Определенный интерес в плане критического подхода к современной футурологии представляет статья Дж. Голдторпа «Теории индустриального общества: размышления о возрождении историцизма и будущем футурологии»¹. Голдторп обвиняет общественную мысль Запада в том, что она не смогла освободиться от предрас-

¹ J. H. Goldthorpe, *Theories of Industrial Society: Reflections on the Recrudescence of Historicism and the Future of Futurology*, «Archives European Sociology», P., 1971, vol. XII, pp. 263—288.

судков историцизма, особенно в области футурологических исследований. «Под историцизмом,— пишет он,— я имею в виду такой подход к социальным наукам, который главной своей целью считает историческое предсказание, а условием ее реализации — выявление «ритмов», «моделей законов» или «тенденций», лежащих в основе исторической эволюции». Отталкиваясь от концепций Арона и Ростоу и рассматривая индустриально-конвергентные схемы Керра и Парсонса, Голдторп отмечает их акцент на технократию. Новый технократический историцизм, отмечает он, не менее политизирован, чем исторические доктрины XIX века, хотя в отличие от предшествующих концепций ориентирован на позиции «центра» — умеренности и частичных социальных реформ.

Такова же природа футурологии, делающей упор на технико-экономическое предвидение и проводящей грань между технико-экономическими изменениями, характеризующимися как процессы, и человеческими действиями. При этом, по мнению Голдторпа, для футурологических исследований характерны три тенденции: сведение до минимума роли меняющихся ценностей, предполагающее развитие экономики в качестве фундаментальной цели общества; риторические упражнения для обсуждения проблем современности под покровом претензий на предсказание грядущих социальных проблем, которые должны вытекать из технико-экономического развития; признание автономности политических институтов для фактического утверждения идеи о том, что в грядущем господство будет сосредоточено в руках «технической интеллигенции». Любое отклонение от этой схемы рассматривается как отступление от нормы. Подчеркивая, что эти позиции дают основания для обвинения футурологии в том, что она превращается в инструмент мощных групп или государства для навязывания своего образа будущего, Голдторп предлагает отделить исследования будущего от социального прогнозирования, в результате чего задачей футурологии должно стать не определение степени вероятности того или иного социального прогноза, а определение пределов возможной изменчивости мира.

В волне футурологических прогнозов все большее место начинают занимать работы, отражающие позиции определенных буржуазно-монополистических кругов, мелкой буржуазии и части интеллигенции. Сталкиваясь

на практике с углублением противоречий капитализма по мере развертывания научно-технической революции и отрицая социалистическую альтернативу, они надеются спасти капитализм как систему, очистив его от отдельных пороков и свалив вину за коренные социальные проблемы с капитализма на сам технический прогресс. Эта группа, осознавая в отличие от представителей государственно-монополистической олигархии неразрешимость противоречия между революционным характером складывающихся под воздействием научно-технической революции производительных сил и общественной структурой капитализма, рассматривает данное противоречие не как внутренне присущее капиталистическому способу производства, а как противоречие самого научно-технического прогресса. Категорически отрицая социалистическую альтернативу и оставаясь на антикоммунистических позициях, идеологи этой группы возлагают вину за все антагонизмы и катаклизмы капиталистического общества на технику, провозглашая «пессимистическую» концепцию непознаваемости социально-экономических последствий научно-технической революции современности. С этой точки зрения несомненный интерес представляет эволюция взглядов основоположников теории «постиндустриального общества».

Выдвинув идею о решающей роли техники в преобразовании всех общественных структур, идеологи типа Д. Белла дали в руки наиболее реакционных представителей государственно-монополистической олигархии инструмент такого проектирования «общества будущего», которое отвечает сокровенным чаяниям империалистической реакции. Ведь наиболее антигуманные социальные прогнозы, вышедшие из-под пера Г. Кана или З. Бжезинского и рисующие мир материального изобилия и безделья как мечту махрового обывателя, сопровождаемые в качестве «цены» полным распадом человеческой личности и подчинением ее правящей монополистической верхушке, опираются на методологические технократические принципы, выдвинутые теоретиками «постиндустриального общества». Между тем многие из них считают себя либералами и с возмущением отворачиваются от того прогноза, который рисуют на базе принципа абсолютизации техники крайне правые представители империалистической идеологии. Однако отрицая марксистско-ленинский вывод о движущих силах общественного

прогресса и его направлении по пути замены капитализма социализмом, буржуазные либералы оказываются не в состоянии противопоставить ни марксизму, ни откровенным требованиям кибернетического фашизма какой-либо спасительной, с точки зрения буржуазного либерализма, альтернативы. Д. Белл в конечном счете был вынужден с горечью признать, что научно-техническая революция ставит перед капитализмом такие сложные проблемы, ответа на которые постулаты «постиндустриального общества» в сколько-нибудь реальной форме дать не могут.

Работы буржуазных либералов последних лет свидетельствуют об их растущем страхе перед углублением противоречий капитализма по мере развертывания научно-технического прогресса и о мучительных попытках найти какие-то пути выхода из этих противоречий на базе сохранения капитализма. Как заявил Д. Белл, становление «постиндустриального общества» сопровождается возникновением таких неизвестных ранее и сложных проблем, как проблемы «принятия решений, касающихся определенных социальных ценностей», «рациональной организации общества», места человека в структуре социальной организации и его поведения и т. д. Решение этих проблем, по признанию Д. Белла, не может быть обеспечено только за счет специальных научных знаний слоя технократии, ибо оно зависит в значительной степени от тех слоев, в руках которых находится не только наука и техника, но и политическая власть. В этом отражается вынужденное признание того факта, что решение таких важных вопросов, как приоритет в распределении средств государственного бюджета — военно-промышленному комплексу или на социальные нужды, регулирование конфликтов между социальными группами и т. п. — зависит не от «университетских центров» и интеллигенции, а от политической власти¹. Казалось бы, отсюда один шаг до правильного вывода о природе политической власти при капитализме, связанной с господством государственно-монополистической олигархии. Но такой вывод требует анализа реальных отношений собственности, от чего буржуазные либералы откристились с самого начала, ибо ликвидация капитализма никак не входит в их намерения. В результате они вращаются в порочном круге, полном противоречий. С одной стороны, они понимают

¹ «Survey», 1971, No 1, p. 43.

обострение противоречий социальной системы капитализма под воздействием научно-технической революции и, не видя из них выхода, выдвигают тезис о непознаваемости социальных последствий научно-технической революции, о подавлении человека техникой, об ужасах грядущего технологизма и т. д. С другой — пытаются посеять иллюзии, будто спасение людей от полного порабощения их техническим прогрессом — в «гуманизации» поведения человека в обществе, в устранении «иррациональной» борьбы экономических интересов и замене ее некими всеобщими гуманистическими ценностями. Коротче говоря, ответственность за обострение социальных антагонизмов возлагается не на капитализм, а на науку и широкое применение ее результатов в производстве.

Известный французский социолог, заведующий кафедрой в Институте политических исследований в Париже, член Национального совета протестантской церкви Франции Жак Эллюль — автор ряда книг, которые положили начало своеобразному варианту теории «индустриального общества». Его работа «Техника» (1954 г.) выдержала ряд изданий. В 1967 году он выступил с книгой «Метаморфозы буржуа», а в 1969 — с работой «Аутопсия революции». Основной тезис этой работы состоит в утверждении, будто главный источник социального угнетения, отчуждения и дегуманизации человеческой жизни коренится не в классовых антагонизмах буржуазного общества, а в развитии науки и техники и возрастающем господстве государства. Между тем этот тезис неправомерен прежде всего потому, что наука и техника, точнее процесс их развития, сами обусловлены исторически определенной структурой социальных отношений. Выводя кризис капитализма из противоречий науки и техники, Эллюль не может найти иного выхода, кроме предложения вернуться к примитивному производству, наряду с анархистским призывом отказаться от государства вообще, независимо от его классовой природы. Близость к идее Бакунина о царстве свободы в результате взрыва государства в данном случае несомненна. Гнев против давящей роли государства, призыв к созданию антитехнического человека, несмотря на кажущуюся радикальность, оборачиваются откровенно антимарксистской позицией, нападками на социализм, стремлением развенчать всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции.

Эллюль исходит из положения, что единственной истинной ценностью является человеческая личность как таковая, свобода которой ставится под угрозу современной цивилизацией. Более того, утверждает он, по мере развития научно-технического прогресса свобода и самоценность личности все более разрушаются, процесс этот необратим, ибо ни техника, ни революция не могут обновить человеческого существования. Именно техника и государство, власть которого над человеком лишь возрастала в процессе известных истории революций, по мнению Эллюля, все более выступают как основной источник угнетения, отчуждения и дегуманизации человека. Эллюль выступает с резкой критикой марксизма за то что он якобы внушает людям мысль, будто они совершают революцию и борются за свободу, подчиняясь «механизму истории». На деле же подобная «революция», по его утверждению, ведет к покорности судьбе, уготованно человеку «прогрессом» и историей. Опасность подобно веры в предопределенность исторического прогресса Эллюль видит в том, что она разрушает самого человека. Отсюда, считает он, если уж делать выбор между прогрессом, ростом техники, совершенством и властью вещи и этим слабым, несовершенным, раздираемым противоречиями и сомнениями существом, которое именуется человеком, то он «вопреки всему выбирает человека»¹. Спасение человека — в необходимой революции, в революции против истории. «Необходимая революция», как и все подлинные революции, будет направлена против предвидимого направления истории, «против неизбежности» которая «сама по себе есть отрицание свободы»². В применении к «индустриальному обществу» необходимая революция должна разрушить структуры, развитие которых вступает в противоречие с интересами человека, то есть государство и технику, причем речь идет не о технике, как таковой, а о «техническом обществе», где техника превращается в самодовлеющую силу, не поддающуюся человеческому управлению. «Революция против технического общества предполагает ослабление эффективности во всех областях (прибыли, производительности, адаптации, интеграции), уменьшение индивидуального благосостояния, свертывание великих общественны

¹ J. Ellul, *Autopsia de la révolution*, P., 1969, p. 288.

² *Ibid.*, p. 293.

проектов и постепенное исчезновение массовой культуры. Не нужно строить никаких иллюзий; если мы не готовы заплатить эту цену, мы не готовы к той единственной революции, которая необходима в наши дни»¹. Но Эллиуль не считает, что такая революция обязательно настанет, как не уверен и в том, не упущено ли для нее время. «Нет никаких гарантий, что человек вступит сегодня на этот путь и осуществит то, к чему он призван»², — пессимистически заключает свои размышления Эллиуль.

В своей новой работе «От революции к бунту» Эллиуль утверждает, что революционные возможности Запада исчерпаны. Отвергает он и тезис Ревеля о США как носителе «революционной волны». Его вывод состоит в том, что в наше время надежды на обновление мира связываются не с революцией, а со стихийным и непредвидимым бунтом³.

Идея об антигуманных последствиях технического прогресса, о его разрушительном воздействии на человека и общество превращается в модное направление буржуазной общественной мысли, мечущейся в круге неразрешимых противоречий.

В этом отношении характерна работа американского социолога Э. Фромма «Революция надежды. К гуманизированной технологии». Его основной тезис сводится к утверждению, что, развивая науку, человечество изживает себя, приходит к голому рационализму, к мышлению без чувств, отказывается от интуитивного восприятия мира. Наука выглядит чудовищем. «Механизм индустриальной машины, утверждает Фромм, позволяет идеологам типа Г. Кана манипулировать человеческими жизнями как абстрактными величинами. Это не «старый призрак коммунизма или фашизма, — продолжает окончательно растерявшийся между противоположными социальными полюсами буржуазный либерал, — а новый призрак полностью механизированного общества, в котором человек низведен до положения беспомощного винтика в машине»⁴. Не приемля марксистское решение проблем общественного развития и признавая обезчеловечивание человека по мере развития техники в условиях современного

¹ J. Ellul, *Autopsia de la révolution*, p. 329.

² *Ibid.*, p. 289.

³ См. J. Ellul, *De la révolution aux révoltes*, P., 1972, p. 222.

⁴ E. Fromm, *The Revolution of Hope. Towards a Humanized Technology*, N. Y., 1968, pp. VII, I.

буржуазного общества, Фромм тщетно пытается найти новую модель развития, указывая по существу дорогу в никуда. Его работа открывается главой «На распутье», в которой Фромм подводит итог размышлениям таких своих предшественников, как Ж. Эллюль и Л. Мэмфорд. Он солидаризируется с их оценками «технического общества» как общества — разрушителя человеческих ценностей, общества — орудия гибели человеческой личности. Но откровенный пессимизм Эллюля, его вывод о безысходности трагической ситуации, созданной бесчеловечным господством идола — техники, вызывает у Фромма протест и желание подсказать пути к обновлению человеческого существования не на рельсах социальной революции пролетариата, а на рельсах абстрактно-внеклассовой «гуманизации технологии».

По Фромму, любая социальная революция связана с пренебрежением реальностью, попыткой применить силу там, где насилем ничего сделать нельзя. Ловко жонглируя словом «революция» и ставя знак равенства между революционной теорией Маркса — Ленина и всякими псевдорадикальными «ультрареволюционными» мелкобуржуазными шараханиями типа призывов Г. Маркузе Фромм стремится опорочить марксизм с помощью критики работ Маркузе «Эрос и цивилизация» и «Человек одного измерения». Псевдорадикальная оболочка теории социальной революции, провозглашает он, — не что иное, как выражение безнадежности и отчаяния. И в доказательство приводятся слова Маркузе: «Критическая теория общества не обладает понятиями, которые могли бы перекинуть мост между настоящим и будущим, она не содержит обещаний и не может предсказать успеха, оставаясь всегда только негативной. Таким образом, она стремится лишь остаться лояльной по отношению к тем, кто безо всякой надежды отдавал и отдает свои жизни во имя Великого Отрицания»¹. По мнению Фромма, эти слова наглядно показывают ошибку тех, кто считает Маркузе лидером революции, ибо в основе его концепции лежит безнадежность, которая никогда не сможет стать стержнем революции. «Маркузе, — заключает Фромм, — это, по существу, — пример отчужденного интеллектуала, который выдает свое личное отчаяние за теорию радика-

¹ H Marcuse, *One — Dimensional Man*, Boston, 1964, p. 257.

лизм»¹. Фромму нельзя отказать в меткости характеристики и разоблачении подлинного существа псевдорадикализма Маркузе. Но он использует эту критику для того, чтобы неправомерно распространить ее на все теории социальной революции, в том числе и марксистско-ленинскую теорию социалистической революции, неизбежно оказываясь в результате этого в лагере тех самых буржуазных социальных пессимистов, против отчаяния и безысходности которых с таким словесным пафосом выступил в своей книге.

Открестившись от любой социальной революции и пропев ей анафему, Фромм предлагает связывать надежду на обновление исключительно с развитием техники самой по себе. С этой точки зрения конфликты и антагонизмы современного буржуазного общества связываются не с господством капиталистических производственных отношений, становящихся все большим тормозом развития общественных производительных сил, не с сохранением буржуазных отношений собственности, а с господством чувства безнадежности, характерным для первой индустриальной революции. Между тем мир вступил уже в период второй индустриальной революции, открывшей новые перспективы. Сейчас человечество является свидетелем второй индустриальной революции, которая заменяет мышление человека мыслящими машинами. Кибернетика и автоматизация позволяют перейти к новому типу экономической и социальной организации. «Мы движемся к новому типу общества и к новому типу человеческой жизни, зачатки которых уже видны и которые очень быстро прогрессируют»².

Однако современная жизнь делает возможным три различных пути движения к будущему, а следовательно, и три варианта общества будущего.

Первый путь — насильственное изменение хода событий революцией. Но социальная революция отвергается Фроммом с порога, ибо, выделив в качестве ее всеобщего идеолога Маркузе, он уже запугал читателей возможными результатами: развал общественной системы, безнадежность и отчаяние, а в итоге — жестокая диктатура.

¹ E. Fromm, *The Revolution of Hope. Towards a Humanized Technology*, p. 9.

² *Ibid.*, p. 28.

В подобных «выводах» антикоммунистическое кредо проглядывает ясно и откровенно.

Второй путь — ничего не менять. Но этот путь не устраивает Фромма как буржуазного либерала. Он не может закрывать глаза на рост социальных антагонизмов по мере развертывания технического прогресса в условиях капитализма. Сохранение принципов «технического общества» может привести к «технотронному обществу» описанному Бжезинским. Первый из этих принципов — неременная реализация возможностей: то, что технически может быть сделано, должно быть сделано — атомная бомба, например, невзирая на то, что в результате может быть уничтожен весь мир. Второй принцип — максимальная эффективность и производительность, ведущий к неустойчивости системы. Сохранение «технического общества», считает Фромм, приведет к тому варианту общества будущего, которое описывают как «оптимисты» типа Бжезинского и Кана, так и «пессимисты» типа Эллюля и Мэмфорда. В работе Л. Мэмфорда «Миф о машине» в качестве феномена, связывающего прошлое и будущее, выступает «мегамашина» — в высшей степени организованная и гомогенная социальная структура, в рамках которой общество функционирует по принципу машины а люди играют роль отдельных винтиков. Цель функционирования «мегамшины» — увеличение степеней порядка, власти и контроля. Современная технология, а речь идет именно о ее буржуазном использовании, низводит человека до уровня придатка машины, превращает человека в Homo consumens, в человека потребляющего, ведет к разрыву мысли и чувства, к дисгармонии ума и сердца. Технологический мир — это мир господства бесчеловечности и распада человеческой личности, контроля технологии над всемирным муравейником, превращения смысла жизни в потребление и в результате низведение человека к животному. Чувства человека подменяются инстинктом, а мышление — компьютером. Если когда либо и будет возможным общество обезьян, оперирующих логикой компьютера, то в таком обществе проблема свободы человека, его ответственности попросту исчезнет ибо общество перестанет быть человеческим — таков вывод буржуазных социальных пессимистов.

Фромм метко подмечает органическую общность взглядов социальных пессимистов и оптимистов грядущего мира «потребления». Мрачные перспективы, нари-

сованные Л. Мэмфордом, и «радужные» картины торжества сытого мещанства в «технотронном обществе» Бжезинского едины в своей антигуманной, античеловеческой основе. «Синдром отчуждения» личности от господствующей технологии позволяет Г. Кану хладнокровно подсчитывать, сколько миллионов погибнет в термоядерной войне, чтобы после ее окончания экономическая машина функционировала нормально. Именно ставка на технологию позволяет Кану игнорировать чудовищные страдания людей, боль и варварство, которые принесла бы термоядерная война.

Таким образом, Фромм отрицает и второй путь сохранения тенденций нынешнего развития «технического общества» без перемен, ибо эти тенденции, утверждает он, приведут человечество к гибели или в результате термоядерной войны, или в результате превращения человека потребляющего в животное. Здесь следует заметить, что, хотя Фромм рассуждает о «техническом обществе» вообще, пытаясь поставить знак равенства между капитализмом и социализмом, его оценки связаны лишь с явлениями, характерными только для буржуазного мира, с его внутренними антагонизмами и конфликтами, которые обнажаются все более отчетливо и угрожающе.

Итак, как антикоммунист Фромм отвергает социальную революцию как путь обновления мира и замены капитализма более высоким социалистическим строем, ибо социалистическая перспектива в силу ограниченности его социального кругозора для него неприемлема.

Как буржуазный либерал он с ужасом отворачивается от возможных последствий объективного развертывания внутренних противоречий, заложенных в самих основах капиталистической системы, в капиталистической эксплуатации достижений современной научно-технической революции, выступает с реалистической точкой зрения о необходимости исключить войну из жизни человечества, обеспечить мир на Земле.

Отрицание «общества потребления», трактуемого как путь к гибели человеческой личности, получило довольно широкое распространение среди западных либералов. Истоки его уходят в идеологию прошлого века. Ведь уже Ш. Фурье выступил с призывом «выразить цивилизации недоверие».

Противоречия современного капитализма толкуются рядом буржуазных идеологов в плане губительного для че-

ловечества развития цивилизации, воплощаемого в прогрессе науки и техники. Этот тезис ясно отражен в книге французского социолога Ж. Элгози «Проклятые изобилием». Выступая против стандартной буржуазной науки, провозглашающей развитие экономики и рост потребления путем к «социальной гармонии», Элгози расценивает научно-техническую революцию как зловещего демона, ибо прогресс высокоразвитой техники ведет к тому, что она утрачивает свою основную роль — служить человечеству¹. Современная техника ведет, по Элгози, к тому, что люди начинают цениться «не более своего любимого создания — арифмометра»². Растерянный и одинокий человек, запертый в урбанизированных кладбищах — современных городах, этих «ночных приютах для потенциально помешанных», изнурительный и монотонный труд, ведущий к усталости и однообразию, сверхнапряжение нервной системы — таков итог технического прогресса. Но его перспективы, утверждает Элгози, еще более ужасны, ибо «оплодотворенное электронными мозгами человечество рискует породить чудовище... чудовище потребления»³. Как и Фромм, Элгози видит в идоле потребления путь к распаду человеческого общества и дегуманизации человеческой личности, а принесение в жертву потребления главных общественных нужд и ценностей расценивает как самое очевидное проявление расточительства и грабежа природных и людских ресурсов ради корыстной выгоды производителей «безделушек». Общество потребления, отмечает Элгози, изобилует такими пороками, как углубление бездны между богатыми и бедными, неравенство «образования, здоровья, счастья», безработица, отчуждение личности, разрушение моральных устоев молодежи, развитие «инстинктивного эгоизма», рост преступности, невращения, извращение моральных ценностей, ущемление гражданских свобод и дегуманизация общественных отношений. «Техника мобилизуется на увеличение процветания тех, кто ни в чем не нуждается, и обращается против тех, кто нуждается во всем»⁴.

Пороки «общества потребления» привлекают внимание многих буржуазных либералов. Известный американский экономист Д. Гэлбрейт в предисловии к новому

¹ G. Elgozy, *Les damnés de l'opulence*, P., 1970, p. 312.

² *Ibid.*, p. 9.

³ *Ibid.*, p. 72.

⁴ *Ibid.*, p. 42.

изданию своей книги «Общество изобилия» констатирует, что объяснение бедности для страны, где огромное большинство людей живет хорошо, «необходимо искать не в природе общества бедных, а в природе общества богатых, которое позволяет себе или требует, чтобы некоторые оставались бедными»¹.

Но буржуазная критика «общества потребления», несмотря на меткие характеристики его пороков, в основе своей бесплодна, ибо ищет альтернативу на почве сохранения капиталистических отношений. И здесь опять-таки показательны размышления Фромма. Как буржуазный либерал и реформист он связывает свои «надежды» с самим техническим прогрессом, призывая очистить его с помощью реформ от угрожающих тенденций.

Третий путь развития, по Фромму, ведущий якобы к формированию человеческого общества для человека,— это так называемая «гуманизация системы» путем «гуманистического планирования», включающего в себя не только технику и технологию, но и систему «человек». «Критерием планирования,— призывает он,— должно быть не максимальное развитие производства, а оптимальное совершенствование человека»². Наряду с «гуманизацией планирования» Фромм предлагает обеспечить активизацию и высвобождение человеческой энергии, когда потребитель должен быть участником процесса принятия решений³, создание «групп непосредственного контакта», «гуманизацию потребления» путем разработки рекомендаций, какие потребности современного человека являются действительно «человеческими», переориентацию современного производства на совершенствование подлинно человеческого общества, создание новых форм «психодуховной ориентации» и «новых объектов для поклонения». Предлагаемый путь спасения от удушающего господства технологии иллюзорен не потому, что отдельные элементы выдвинутой Фроммом программы нереальны, а в силу стремления автора подняться над реально существующими классами и общественно-социальными системами.

¹ J. Galbraith, *The Affluent Society after Ten Years*, Boston, 1969, p. 42.

² E. Fromm, *The Revolution of Hope. Towards a Humanized Technology*, p. 100.

³ *Ibid.*, p. 117.

Господство капиталистических отношений собственности, делая целью производства максимизацию капиталистической прибыли, неотвратимо ведет к действию абсолютного, всеобщего закона капиталистического накопления, вскрытого Марксом, к классовой поляризации общества, растущей эксплуатации наемного труда с неизбежным порабощением человека, превращением его в объект манипуляций капиталом. Никакие «гуманистические» реформы не могут отменить действия объективных закономерностей капитализма. Марксистско-ленинская теория общественного развития выявила подлинные пути раскрепощения человека, доказав, что лишь социалистический общественный строй ставит производительные силы на службу людям, на службу удовлетворения многообразных материальных и духовных потребностей людей, обеспечивает возникновение нового, высокоразвитого человека коммунистического общества. Отдельные положения Фромма, выдвинутые им как абстрактно-всеобщие, давно проанализированы марксизмом с пролетарских, классовых позиций. Так, призыв Фромма включить в планирование систему «человек» неосуществимо при капитализме, где целью развития выступает прибыль. Но подчинение всего производства и планирования интересам людей — закон социалистического общества, которое вместе с тем впервые в истории создает условия для изменения ориентации всех наук и объединения их вокруг проблемы человека. То же самое имеет место в отношении научно разработанных норм потребления, обеспечивающих не мещанские, а подлинно человеческие потребности в отношении высвобождения творческой энергии людей, максимального развития человеческой личности в условиях единства личных и общественных интересов, расширения контактов между людьми в рамках общественных организаций, обеспечивающих по разным каналам реализацию народовластия и контроля снизу. Данная Фроммом критика бесчеловечности капитализма и нарисованная им «спасительная» программа, независимо от субъективных намерений автора, лишний раз показывают, что только социалистический общественный строй способен ликвидировать антагонизмы между классами и людьми, обеспечить нейтрализацию возможных отрицательных последствий научно-технической революции и поставить достижения науки и техники на службу людям.

В разрушении человеческих ценностей, насаждении антигуманных идеалов, растлении и подавлении личности виноваты не наука и техника, а система буржуазных производственных отношений. Прогнозы Э. Фромма выступают всего лишь как форма искаженных представлений о реальных процессах, происходящих в недрах буржуазного общества под воздействием научно-технической революции.

Вместе с тем наряду с сознанием бесперспективности обновления условий человеческого существования на почве капиталистической общественной системы в буржуазных футурологических прогнозах сквозит откровенный страх перед коммунистическим будущим, которое рисуется в самых искаженных формах. Эти современные псевдонаучные прогнозы уходят своими корнями в буржуазную фантастику последних десятилетий, получившую название антиутопии. Доцент Карбондейлского университета (США) М. Хиллегес в книге «Будущее как кошмар» утверждает, что современные писатели «разочарованы диктаторскими режимами, государством всеобщего благоденствия, классовой экономикой, господством бюрократии» и, потеряв веру в лучший завтрашний день, рисуют будущее мрачным, антиутопичным; «от человека требуют покорности.., личность сломлена; достижения науки и техники используются не для улучшения жизни, а для осуществления государственного надзора и контроля над гражданами-рабами»¹.

Потеря веры в будущее нашла выражение в теме страха перед механизацией, страха, что машина приведет человечество не только к духовному упадку, но и к физическому уничтожению, страха, что люди сделают себе из машины кумира. Эта тема, развивавшаяся в 30-х годах в романе Э. М. Форстера «Машина остановилась», была подхвачена такими антикоммунистическими романами, как «Мы» Ев. Замятина, «Великолепный новый мир» О. Хаксли, «1984» Дж. Оруэлла.

Антикоммунисты открыто провозгласили пагубность любого прогресса. Хаксли высмеивал самую мысль о том, что когда-нибудь можно будет достичь всеобщего счастья. Оруэлл провозглашал, будто замена капитализма социализмом бесполезна, поскольку в основе их обоих

¹ M. Hillegas, The Future as Nightmare, N. Y., 1967.

лежит «машинная цивилизация». По Оруэллу, «машина враждебна всему живому, и прогресс — это обман»

Откровенный антикоммунизм такой фантастики вызвал очевидный протест со стороны ряда буржуазных писателей, отдающих себе отчет в том, что не техника сама по себе, а ее капиталистическое применение разрушает общество и уродует человеческую личность. В романах К. Воннегута «Утопия 14» или П. Буля «Планета обезьян» тема порабощения человека техникой приобретает социальное звучание. Наблюдая развертывание научно-технической революции современности в условиях подчинения ее при капитализме единственной цели — извлечению прибыли, они предупреждают человечество, что этот путь приведет его к гибели. Прогрессивная научная фантастика становится неприемлемой с классово-точкой зрения буржуа. Именно поэтому буржуазные ученые-футурологи, отмежевываясь на словах от научной фантастики, на деле пытаются воскресить самые мрачные измышления антикоммунистов Оруэлла и ему подобных.

Футурология говорит о необходимости противопоставить холодный, бесстрастный социальный прогноз, основанный на экстраполяции фактов современной действительности в будущее, эмоциям литературных фантазеров. Научной базой такого прогноза провозглашается описание возможностей современной науки и техники и ближайшие перспективы ее развития.

Спускаясь с высоты своих кабинетов на землю, ученые-футурологи демонстрируют пораженной и содрогающейся от ужаса публике чудеса техники завтрашнего дня: вычислительные машины с памятью в тысячи раз обширнее, чем регистрирующая способность применяемых сейчас электронных машин; города и поселки, возвышающиеся над поверхностью моря словно буровые вышки; автомобили на воздушных подушках и с дистанционным управлением или массовые средства транспорта, которые, словно гильзы пневматической почты, несутся по системе каналов; обучающие машины и синтетическое сырье, вытеснившее дерево и металл.

Журнал «Штерн» в серии статей «Семь чудес света в ближайшие 30 лет» ссылается на проект города будущего, предложенного В. Тайлером и К. Асиала из исследовательского отдела «Макдонелл — Дуглас корпорейшн», связанного с проблемами межпланетных путешествий. Этот город представляет собой 12 стоэтажных

башен, вмещающих 250 тыс. человек. Соединенные сетью труб башни образуют замкнутое кольцо со своим микроклиматом, озерами, реками, парками, площадками для гольфа, автоматической системой снабжения жителей. Транспорт спрятан в трубах под землей, и пользование им разрешается лишь за пределами города.

Такой город, утверждают авторы проекта, реален с точки зрения прогресса техники, и только в нем спасение от современной урбанизации, делающей жизнь человека в современных городах нестерпимой¹.

Этот технико-экономический план спасения от ужаса индустриальной урбанизации наглядно отражает позицию буржуазных футурологов, намеренно абстрагирующихся от всяких социальных проблем. Для кого послужит спасением город Тайлера и Асиалы? Ведь в обществе, раздираемом классовыми антагонизмами, в обществе эксплуатации наемного труда капиталом и погони монополий за максимальной прибылью трудящиеся обречены на муки современной урбанизации, а город-утопия — заманчивая картина времяпрепровождения имущего меньшинства. Отсюда напрашивается вывод, что футурологические проекты использования технического прогресса рассчитаны на обеспечение правящих классов и оставляют подавляющую массу населения — трудящихся в условиях все более бесчеловечного существования. Недаром буржуазные футурологи твердят о непознаваемости последствий технического прогресса, затушевывая его разрушительное воздействие на условия жизни и труда наемных работников при капитализме. В новой книге французского социолога Н. Жюльена «Самоубийство демократий» сделан вывод, что «беспорядочная городская концентрация» стала ценой за индустриальное развитие Запада, причем все тяготы этой городской концентрации ложатся на плечи трудящихся. От последствий кризиса городов, отмечает Жюльен, особенно страдают бедные горожане. Они обязаны строго соблюдать время явки на работу и особенно страдают от транспортных трудностей. Они живут в самых тяжелых условиях. Для семей с низкими доходами жизнь в мегаполисе становится все более бесчеловечной и невыносимой. Чрезмерная городская концентрация усиливает социальное неравенство и усу-

¹ См. C. Julien, *Le Suicide des démocraties*, P., 1972.

губляет его несправедливость¹. Кризис городов касается всех. Но если богатые могут позволить себе преодолеть его результаты — пока бегством в пригороды (между 1960 и 1970 годами около миллиона богатых американцев выехало из Нью-Йорка и обосновалось в пригородах), затем, возможно, переселившись в города-сказки для «избранных» (вроде проекта Тайлера и Асиалы), то наемные трудящиеся обречены мириться с постоянным ухудшением условий жизни. И, по признанию Жюльена, технический прогресс при капитализме не дает выхода из этого тупика.

Буржуазные футурологи, распространяющие пессимистический тезис о непознаваемости последствий научно-технического прогресса и его «бесчеловечности», пытаются подменить социальный анализ тезисом о том, будто научно-техническая революция выдвигает перед человечеством новую проблему — проблему преодоления страха перед техникой будущего и определения пределов приспособляемости человека к головокружительным и быстрым переменам. Американский футуролог Тоффлер в книге «Шок будущего» описывает развитие человечества за последние 50 тыс. лет. Разделив этот период условно на 800 поколений (считая на каждое по 62 года), он пишет, что 650 поколений провели свою жизнь в пещерах. Только в течение 70 последних поколений люди научились благодаря созданию письменности передавать преемникам информацию. Всего 6 последних поколений пользуются печатными книгами, 4 — умеют довольно точно измерять время, 2 — пользуются электромоторами. Лишь самое последнее, 800-е поколение познало технический и научный прогресс, поставив человечество на порог эпохи сверхиндустриализма.

Темп перемен убыстряется в невиданной степени. Половину всей энергии, использованной человечеством за последние 2 тыс. лет, люди потребили за последние 100 лет; 90% всех ученых планеты живут в наше время; все большее количество выпускаемых вещей предназначается для разового употребления — от бумажных пакетов для молока и бумажных свадебных платьев до ступеней ракетных двигателей космических кораблей².

¹ См. C. Julien. *Le Suicide des démocraties*, P., 1972.

² A. Toffler, *Der Zukunftsschock*, Bern — München — Wien, 1971, SS. 19, 27, 30, 47.

Ход перемен под влиянием прогресса науки и техники, утверждают футурологи, убыстряется в такой степени, что обгоняет способность людей приспосабливаться к ним или осознать их подлинное значение. Поэтому описание перспектив научно-технической революции с точки зрения ее социально-экономических последствий сталкивается будто бы с целым рядом трудностей, ибо социальный строй будущего лишь условно может быть определен как прямая функция того или иного уровня развития техники. В конечном счете футурологи приходят к выводу о невозможности точного познания общественных последствий научно-технической революции. Этот вывод подробно изложен, например, в статье «Верхом на тигре», опубликованной западногерманским журналом «Шпигель». «Все более сомнительной становится наука, которая пытается осуществить все, что она в состоянии достичь, не задумываясь заранее над моральными и социальными последствиями,— пишет журнал. — До сегодняшнего дня еще нет удовлетворительного анализа тех опасностей, которые таит в себе научный и технический прогресс»¹.

Буржуазные теоретики пытаются придать своим рассуждениям всеобщий характер, стремясь затушевать антагонистическую природу империализма. Как идеологи монополий они намеренно абсолютизируют процесс развития техники, маскируя его общественные условия и социальные последствия, скрывая тот непреложный факт, что империализм изжил себя, а научно-техническая революция готовит материальную основу социализма во всемирном масштабе.

В изображении буржуазных футурологов общественный прогресс предстает не как борьба двух противоположных социальных систем — капитализма и социализма, в которой изжившая себя капиталистическая формация неизбежно уступит место более высокому строю — социализму, а как попытка человечества приспособиться к прогрессу техники и найти средства активного использования плодов научно-технической революции. А. Тоффлер утверждает, будто грядущая экономическая структура поставит во главу угла задачу «психологического удовлетворения человека». «Проблемы, которые возникнут в результате создания этой новой экономики, сдела-

¹ «Der Spiegel», 5. Juni 1970, Nr. 1—2.

ют великий конфликт XX века, конфликт между капитализмом и коммунизмом, сравнительно незначительным, так как они далеко выйдут за рамки любой экономической и политической догмы»¹.

Западные футурологи, как и все апологеты капитализма, пытаются доказать, будто капиталистическая собственность на средства производства перестает быть основой эксплуатации наемного труда капиталом, а культура «бросовых вещей» окончательно изменит отношение людей к собственности, приведет к исчезновению культа собственности. Это — старый прием вульгарной апологетики, втиснутый под крылышко футурологии. Здесь явно подменяются понятия: собственность на средства производства, составляющая базу господства капитала, и собственность на предметы потребления, которая сама по себе никак не может характеризовать сущности данной общественно-экономической формации. Но подобная подмена выгодна идеологам монополий. Она позволяет им создать видимость, будто роль отношений собственности вообще падает и уже в ближайшие десятилетия без какой-либо социальной революции взаимодействие сил сверхиндустриального общества будет определяться исключительно таким растущим фактором, как наука и техника. Тем самым протаскивается апологетический вывод, что корыстный и антиобщественный мотив деятельности монополий — погоня за прибылью исчезает, а развитие техники создает неведомые проблемы, ни в малейшей степени не связанные с социальными антагонизмами капиталистического общества.

Откровенно апологетический смысл подобных заявлений шокирует даже некоторых буржуазных идеологов. Так, французский футуролог Б. де Жувенель в статье «Техника как средство», опубликованной в футурологическом сборнике «Ценности и будущее», отмечает несостоятельность фаталистического взгляда на технику, в соответствии с которым «техника представляется в качестве идола, щедро вознаграждающего своих слуг, не спрашивающих, куда он устремляется»². Б. де Жувенель говорит о необходимости обращать внимание не только на

¹ A. Toffler, *Der Zukunftsschock*, S. 173.

² K. Baier, N. Rescher (Eds.), *Values and the Future. The Impact of Technological Change on American Values*, N. Y., 1969, p. 219.

влияние техники на общество, но и на то, что в технических изменениях отражаются социальные ценности, что техника является средством для достижения социальных целей. Здесь на первом месте стоит вопрос о контроле над капиталовложениями, ибо тот, кто контролирует их, контролирует и направление развития техники. Конечно, буржуазный идеолог Жувенель уходит от проблемы источника власти монополий, монополизировавших собственность на средства производства в корыстных интересах извлечения прибыли, сеет реформистские иллюзии о возможности изменить противоречивую природу капитализма с помощью государства. Но само признание важной роли социальных сил, контролирующих капиталовложения, критика футурологического вывода о том, будто техника автоматически преобразует общественные отношения, независимо от личных настроений Б. де Жувенеля в конечном счете лишь подтверждают правильность марксистского вывода о классовой пристрастности исходных позиций буржуазных футурологов.

Крушение иллюзий об автоматически преобразующей роли научно-технической революции весьма отчетливо отражено в книге одного из авторов теории «конвергенции» Р. Арона «Разочарование в прогрессе. Очерк о диалектике современности». Называя «сходство советского и западных режимов, их конвергирующую эволюцию в сторону смешанного режима» распространенной темой для спекуляций, Арон считает, что НТР ставит главный вопрос: «До каких пор, исходя из одинаковых производительных сил (а производительные силы, наука и техника становятся сходными более или менее во всех развитых обществах), производственные отношения и социальные структуры могут отличаться друг от друга?»¹. Прямого ответа на этот вопрос он не дает. «Нейтралитет, за который я выступаю,— пишет он,— ...выражает убеждение, что ни революция, ни техника не обновят человеческое существование»². Таким образом, тезис о неизбежности конвергентного слияния формально снят. Но здесь-то и раскрывается классовая цель теории «конвергенции» — расчет на буржуазно-либеральное перерождение Советского Союза и попытка скомпромети-

¹ R. Aron, *Progress and Disillusion*, N. Y., 1968, p. 250.

² *Ibid.*, p. 340.

ровать советскую «модель социализма». Демагогия о «слиянии» заменяется откровенным антисоветизмом. Социальный пессимизм буржуазных идеологов оказывается не чем иным, как ширмой антисоциалистической пропаганды по рецепту: если уж у капитализма что-то неладно, то социализм вообще никуда не годится.

Вместо поисков сходства разворачивается критика социализма и аргументация в защиту современного капитализма с целью снять проблему классовой борьбы и социалистической революции. В этом плане намечается принципиальное единство между буржуазно-либеральными и ревизионистскими концепциями. И те и другие в своих нападках на социализм фальсифицируют прежде всего две проблемы: проблему собственности и проблему изменений в структуре рабочего класса.

«Освещая определенный вид собственности и технику управления,— пишет Арон,— марксизм-ленинизм превращает в смертельную борьбу добра и зла эвентуально разумный диалог о соответствующих достоинствах различных социальных порядков. Он начинает с того, что раздражает человечество на враждебные лагеря под тем предлогом, что ведет его к конечному примирению»¹.

В действительности же здесь обосновывается не право на диалог, а полное отрицание общественной социалистической собственности. Между собственностью социалистического государства и собственностью корпораций ставится знак равенства на том основании, что и в том и в другом случае «судьба рабочих не изменяется»².

Подобный тезис служит главным «аргументом» при злобных нападках на советскую «модель социализма» и для Р. Гароди. В книге «Большой поворот социализма» основной «ошибкой» советского общества Гароди объявляет создание модели на базе единственной формы коллективной собственности — государственной, которая якобы пригодна для строительства условий социализма, но не самого социализма. Подобное теоретизирование отражает лишь попытки подорвать революционизирующую силу примера социалистического общества, краеугольным камнем которого является общенародная собственность на средства производства, обеспечивающая

¹ R. Aron, Progress and Disillusion, p. 269.

² Ibid., p. 252.

планомерное и быстрое развитие общественного производства в интересах всех трудящихся.

Откровенно отбросив проблему социального анализа с точки зрения перспектив общественного развития, Р. Арон ясно формулирует кредо футурологического пессимизма: «Люди никогда не знали истории, которую они творили, и нет причин полагать, что они знают ее сейчас. Хорошо, что теперь больше размышляют о будущем, а не рассматривают его как нечто predetermined. Такой характер мышления должен быть связан с призывом к действию, основанному на понимании пределов нашего знания... Ни один технический эксперт не может создать общество будущего. Его создание — дело всего человечества; каким же это общество будет — предсказать невозможно»¹.

Своеобразной попыткой буржуазного либерала наметить пути обновления социальной системы капитализма на рельсах немарксистской, мирной «революции» является нашумевшая книга профессора права Йельского университета Ч. Рейча «Молодая Америка». «Мы находимся, — провозглашает он, — на пороге революции, ничем не похожей на революцию прошлого. Эта революция добьется успеха без применения насилия, и никакое насилие не сможет успешно противостоять ей. Она развивается поразительно быстрыми темпами... и несет надежду на торжество высшего разума, появление более гуманного общества и нового, освобожденного человека»². Предпосылкой этой революции молодежи Рейч считает научно-техническую революцию и кризис, который выражается в утрате американцами контроля над общественными механизмами. Поэтому для восстановления этого контроля он призывает к созданию новых ценностей и культуры. Аспекты кризиса проявляются в беспорядке и коррупции, контрастах между бедностью и богатством, планируемой экономикой и всемогуществом частной собственности, в неконтролируемой технике и разрушении естественной сферы, урезке демократии и свободы, бессмысленности труда и культуры, разобщенности людей, утраты собственного «я»³. Все это вместе взятое, утверждает Рейч, ведет к самому глубокому кризису —

¹ R. Aron, *Progress and Disillusion*, p. 221.

² Ch. Reich, *The Greening of America*, N. Y., 1970, p. 4.

³ *Ibid.*, pp. 8—9.

кризису сознания. Главный вопрос: «как жить в техническом обществе, какого рода сознание и образ жизни могут спасти человечество и подлинную экзистенцию человека от порабощения силами, которые он создал»¹.

Рейч выделяет три типа сознания: сознание I — традиционное мировоззрение мелкого фермера, мелкого бизнесмена, старающегося преуспеть рабочего; сознание II — отражающее ценности «общества организаций», и сознание III, носителем которого является молодое поколение.

Давая резкую критику противоречий социальной системы монополистического капитализма, Рейч выводит сознание III из вопиющего расхождения между возможностями счастья и свободы, которые открывает развитие техники и рост изобилия, и «безобразной» реальностью «искусственного» мира. Основа сознания III — освобождение, началом которого Рейч провозглашает освобождение собственного «я»².

Революция через сознание объявляется им единственным путем к переустройству общества.

Идеи Рейча вызвали широкий отзвук и были подвергнуты критике рядом ведущих буржуазных ученых в книге «Дискуссия вокруг сознания III: взгляд критиков на „Молодую Америку“», в том числе Г. Маркузе, Дж. Гэлбрейтом, Дж. Кеннаном, М. Харрингтоном и др. Социологи типа Харрингтона отвергли идеалистическую утопию Рейча на том основании, что он не связывает кризис в сфере ценностей с кризисом всей породившей их социальной системы. Защитники современного капитализма вроде Кеннана и др. вообще отвергли мысль о кризисе ценностей, предпочитая говорить лишь об отдельных «недостатках». Третья группа критиков связывала кризис ценностей только с плохой политической организацией общества, развивая апологетический тезис, что причина бед не в социальной системе, а в том, как реализуются ее возможности³.

Однако эти возражения с позиций признания неизбежности сохранения основ капитализма, как и сама буржуазно-либеральная утопия Рейча, вполне вписываются в общее русло буржуазной футурологии, признаю-

¹ Ch. Reich, *The Greening of America*, p. 17.

² *Ibid.*, p. 225.

³ «The Con III Controversy: the Critics Look at „The Greening of America“», Ed. by Ph. Nobile, N. Y., 1971.

щей разрушительные последствия развития техники при капитализме, но категорически отрицающей социалистическую альтернативу. В результате как пессимистические выводы о невозможности предвидеть ход развития и найти средства обновления человеческого существования, так и идеалистические рассуждения о благодных переменах под влиянием формирования сознания III в мире его молодых носителей, лишенных классовой принадлежности, служат в конечном счете интересам господствующих классов, пытающихся укрепить свои позиции любым способом и отвлечь массы трудящихся от главной задачи — классовой борьбы за социалистическое переустройство общественных отношений.

Футурологические теории, рисующие будущее как мрачное господство техники и технологического рационализма над людьми, подвергаются широкой критике не только со стороны буржуазных либералов, сетующих по поводу утраты капитализмом гуманистических ценностей, но и со стороны так называемых «новых левых», отрицающих все и вся. Западногерманский писатель и общественный деятель левацкого направления Г. М. Энценбергер издает так называемую «Справочную книгу», в которой подвергает анализу взгляды буржуазных футурологов и пытается нарисовать прообраз будущей цивилизации с точки зрения «левого» оппортунизма. В одном из выпусков этой книги под названием «Критика будущего» дается, казалось бы, резкая критика буржуазных социальных прогнозов. В статье К. Коха, которой открывается выпуск, подчеркивается, что современная буржуазная футурология занята только тем, чтобы «показать капитализму, как он своими силами сможет преодолеть тенденции к краху... Он должен лишь научиться отдавать себе отчет в динамике порожденного им же технологического прогресса, тогда он сможет сам решить свои проблемы»¹. В связи с этим, по Коху, буржуазная футурология якобы аполитична, бессильно удалена как от практики, так и от теории, то есть науки, она «до сегодняшнего дня не может дать ни одного предсказания, которое намечало бы что-нибудь новое в отношении какого-либо крупного общественного явления»².

¹ H. Ensensberger (Hrag.), Kursbuch 14, 1968. Kritik der Zukunft, Frankfurt-am-Main, 1968, S. 2.

² Ibid., S. 4.

Вместе с тем, как отмечает Кох, основной недостаток буржуазных футурологов состоит в том, что они погрязли в техницизме, делают ставку на установление власти экспертов, которые якобы смогут добиться гармоничного разрешения противоречий капитализма и реализовать тезис о «конце идеологий»¹.

Анализируя взгляды таких футурологов, как Хельмер, Бреш, Фурастье, «группа 1985» во Франции, Кох делает вывод: «Манифесты нынешней футурологии свидетельствуют о таком отсутствии фантазии, которое, постоянно повторяясь, превращает предсказываемое будущее в кошмар»².

Отталкиваясь от критики буржуазной футурологии, Энциенсбергер пытается доказать, будто ставка буржуазных идеологов на технологию как инструмент автоматического преобразования противоречий капитализма и взгляды Энгельса на авторитет, отражающие якобы технократическую идеологию и реализованные в системе «советской бюрократии», по существу идентичны. «Технология — составная часть бюрократии, она постоянно воспроизводит господство. Поэтому технология в том виде, в каком она существует, должна быть разрушена, упразднена»³.

Отличительной чертой будущего общества должна быть не технология, а автоматизация при резком сокращении рабочего времени, что «позволит индивидууму достичь универсальности и тем самым обеспечить понимание структуры в целом»⁴. Показательно, что это «ультралевое» смешение понятий и попытка поставить знак равенства между капитализмом и социализмом в связи с развертыванием научно-технической революции буквально повторяют тезисы такого подвергаемого «леваками» критике футуролога, как Д. Белл. Ведь именно Белл выдвигал против марксизма нелепое обвинение, будто он мыслит общественную организацию будущего как господство «технократического рационализма»⁵. Такое идейное родство не случайно. Под покровом «нелицеприятной критики» буржуазной футурологии

¹ H. Enzensberger (Hrsg.), Kursbuch 14, 1968. Kritik der Zukunft, S. 11.

² Ibid., S. 14.

³ Ibid., S. 149.

⁴ Ibid., S. 159.

⁵ «Survey», 1971, No 1, p. 43.

«левые» оппортунисты направляют острие своего скептицизма против марксистско-ленинской теории и реально существующего социализма, а ставя знак равенства между капитализмом и социализмом, рассчитывают разоружить революционные силы современности, увести их от главного направления классовой борьбы современности за социалистическое преобразование мира. А это именно то, что отвечает долговременным интересам монополистической буржуазии.

Мрачные картины будущего общества, в котором господство техники подменяет якобы социальные проблемы и поставит поработанное машиной человечество перед необходимостью приспособляться к техническим переменам; отказавшись от борьбы за социальную справедливость, фаталистический взгляд на обреченность любых попыток преобразования общественных отношений отражают стремление идеологов буржуазии любыми способами предотвратить переход от капитализма к социализму, необходимость которого становится все более очевидной по мере развертывания научно-технической революции.

Но «социальный пессимизм» буржуазной футурологии свидетельствует о слабости ее позиций, о все более полной неспособности идеологов и политиков монополий противопоставить жизнеутверждающим идеям коммунизма какую-либо позитивную платформу.

Технический прогресс и буржуазный индивидуализм

Научно-техническая революция современности делает все более актуальной проблему развития человека в связи с техническим прогрессом. Достижения науки и техники существенно влияют на духовное развитие личности. В то же время человек как активная творческая и созидаящая сила определяет пути научно-технического прогресса.

Марксистско-ленинское решение проблем взаимосвязи человека и научно-технической революции принципиально отлично от положений буржуазных идеологов, остающихся на позициях сохранения и укрепления капиталистического производства и всего строя буржуазной общественной жизни.

Марксизм, всегда рассматривая науку как важный фактор революционного преобразования общества, связывал воедино научно-технический и социальный прогресс. Движение по пути к коммунизму означает не только огромное повышение производительности общественного труда и расцвет производительных сил, но и всестороннее совершенствование и развитие человеческой личности. В связи с этим теория научного коммунизма трактует многогранную проблему совершенствования человека как необходимое условие общественного развития и его самоцель, реализующиеся в ходе построения социализма и коммунизма.

Проблема человека по мере развертывания научно-технической революции превращается в центральную проблему, интегрирующую все отрасли науки. Создание целостной науки о человеке обеспечит исследование социальных и биологических факторов его существования и развития в диалектическом единстве. Эту тенденцию с величайшей прозорливостью выявил К. Маркс в экономическо-философских рукописях, который считал идеалом науки будущего такое ее состояние, когда «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*»¹,

Человек — не только биологическая особь, но прежде всего общественное существо. Поэтому первостепенное значение приобретает вопрос о том, какой общественный строй наилучшим образом обеспечивает использование прогресса науки и техники в интересах человека, в интересах свободного развития его личности, всех его физических, духовных и умственных возможностей. И вновь нельзя не обратиться к гению К. Маркса.

Уже в ранних работах, в частности «Очерках гегелевской философии права. Введение», Маркс выступил со страстным призывом к грядущей общечеловеческой социальной революции, которая ликвидирует буржуазные отношения собственности и впервые в истории человечества создает необходимые общественные условия для расцвета личности каждого человека. С тех пор минуло более ста лет; социализм из научной теории превратился в действительность миллионов людей, а выводы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 596.

марксизма нашли блестящее подтверждение в революционной общественной практике. Капитализм вступил в период общего кризиса, в период своего заката. Классовые бои пролетариата неуклонно нарастают, национально-освободительное движение подрывает общие позиции империализма, социалистический опыт и коммунистическая теория привлекают на свою сторону все новые миллионы людей. Традиционная идеология и политика буржуазии оказались серьезно дискредитированными. Защитники капиталистического строя бросились на поиски новых идей, которые могли бы задержать распад эксплуататорской системы.

Антикоммунистические идеологи современности, игнорируя или фальсифицируя опыт социализма, рассчитывают отвлечь трудящиеся массы от борьбы против империализма, вновь выпячивая на первый план крайний индивидуализм. Буржуазные социологи, описывая растущую технизацию общества, провозглашают неизбежность утраты человеком всех гуманистических ценностей, превращения его в песчинку, беспомощную перед чудовищем-техникой, «униформизации» личности, создания «стандартного человека» и т. д. Подобные идеи широко подхвачены современными ревизионистами, использующими их в антикоммунистических и антисоветских целях. Например, в ФРГ под редакцией социолога Г. Буссиека вышла книга «Изменение общества. Шесть конкретных утопий», которая открывается статьей М. Марковича «Общество». Автор исходит из того, что «мы живем в овеществленном мире, в котором человек потерял контроль над силами, созданными им самим, и превратился в простой объект исторического процесса». Дальнейший общественный прогресс рисуется ему в самых мрачных красках. «Наш век,— утверждает он,— войдет в историю не только как век технической рациональности и значительного освобождения, но и как эра небывалого проявления человеческой иррациональности и жестокости»¹. Буржуазные идеологи и ревизионисты посвящают сотни страниц описаниям того, как техника поработывает человека, превращает его в заштампованную программу, лишает индивидуальности, ведет к растлению и подавлению человеческой личности. Они выдвигают «грозные»

¹ Н. Bussiek (Hrag.), Veränderung der Gesellschaft. Sechs Konkrete Utopien, Frankfurt-am-Main, 1969, SS. 16, 23.

обвинения обществу, подрывающему личность, стискивающему ее в узких рамках рационализма. Но о каком обществе ведут они речь? Оказывается, об обществе вообще. Так, ставя на одну доску диаметрально противоположные общественные системы — капитализм и социализм, они протаскивают реакционный тезис, будто не капитализм, а всего лишь техника калечит человеческую личность, будто не корыстная погоня за прибылью, а сама технизация делает жизнь трудящихся масс все более невыносимой. Попытка стереть грани между капитализмом и социализмом нужна в данном случае идеологам монополий и их ревизионистским попутчикам прежде всего для того, чтобы увести трудящихся от революционной борьбы, снять с капитализма ответственность за хищническую и возрастающую эксплуатацию наемного труда капиталом.

Г. Маркузе в статье «Гуманизм — существует ли он еще?» проводит идею о тотальном подавлении человеческой личности производственным аппаратом, принудительно включающим людей в систему, приносящую им новые блага и удовольствия. Ставя знак равенства между социалистическим и капиталистическим «индустриальным обществом», Маркузе утверждает, будто в любом случае утрачивает смысл само понятие «всесторонне развитого человека». Идея Маркса о развитии человеком своих способностей и удовлетворении индивидуальных интересов после завершения общественно необходимого труда теперь бессмысленна, утверждает Маркузе. «Можно ли назвать творческой поглощенностью поглощенность собственной машиной или собственным жилищем?»¹

Единственное средство к гуманизму и восстановлению ценности человеческой личности он видит не в социальной революции, а в свертывании деструктивных видов производства, переустройстве городов, возрождении природы и ограничении роста народонаселения. Лишь эти меры создадут предпосылки гуманного общества, обеспечивающего удовлетворение трех потребностей современного человека: в мире, в существовании без страха, в потребности быть наедине с самим собой.

¹ H. Marcuse, Humanismus — gibt's dennoch? «Neues Forum» (Wien), 1970, H. 196/1, SS. 352—353.

Вместо революционной борьбы за социалистическое преобразование общества новоявленные «социальные пессимисты» возвращаются к проповеди крайнего индивидуализма. Единственное спасение от гнетущей власти техники, провозглашают они,— внутренний мир человека, его одинокое «я», ибо ничто не в силах якобы разрушить стену между людьми, перебросить мост между «я» и «мы». Саму идею разумного построения общества идеологи монополий объявляют вредной и даже «реакционной», так как ничто будто бы не в состоянии изменить антропологическое несовершенство человека. Никакой науки о человеке, заявляет буржуазный писатель и публицист Пьер-Анри Симон в книге «Вопросы к ученым», быть не может, «всякое рассуждение о человеке, в котором он предстает как свободная и мыслящая личность, выходит за пределы объективной науки»¹. Наука обесценивает человеческое существование, является антигуманистической по своей сути, рассуждает Симон, «смерть человека» неизбежна, а гуманизм — смешон, и характерные для науки объективные методы исследования просто-напросто искажают характеристики человека. Провозгласив иррациональность внутреннего мира, буржуазные идеологи воспевают индивидуализм в любой форме, в каких бы уродливых проявлениях он ни выступал. Мир — это страдание, а прогресс никогда не коснется моего единичного существования, рая на земле не было и не будет, зато есть ад: ад — это другие люди, твердят «социальные пессимисты». А раз это так, к чему социальные конфликты, классовая борьба, революции, ведь мир не изменится, пока он наполнен людьми. Расчет буржуазных идеологов здесь пронизан классовыми интересами монополий. Любые, самые уродливые проявления индивидуальной «свободы»: причудливые вероисповедания и дикие культы, разгул секса и наркомания, хиппи и фанатики летающих тарелок — все что угодно, лишь бы не объединение рядов революционных борцов, выступающих против власти капитала. Разъединить трудящиеся массы, оболванить сознание людей фальшивыми лозунгами безбрежной свободы, когда «все дозволено», растлить человеческую личность поощрением любых проявлений индивидуализма — вот цель империалисти-

¹ P. A. Simon, Questions aux savants, P., 1969, p. 133.

ческой реакции. Буржуазный социолог Фетчер, не стесняясь, фальсифицирует К. Маркса, стараясь представить его работы источником подобных индивидуалистических идей. Маркузе, провозглашает он, «объединил фрейдовское познание инстинктивной структуры человека с марксовым открытием исторической изменчивости социальных формаций и описал тип человека будущего». Но не революция и переворот в отношениях собственности, а рост индивидуализма, фарисействует Фетчер, приведет к тому, что «утопия будет праздновать свое воскрешение». Для завершения характеристики морального падения буржуазных идеологов можно сослаться, наконец, на то, что движение американских хиппи Фетчер объявляет «островами новой человечности», а социолог К. Беннер провозглашает сексуальную свободу важнейшим компонентом новой формы совместной жизни в «утопическом мире», «где к тому же воплотится система воспитания детей без родителей с первого дня жизни»¹.

Подлинное существо замыслов провозвестников «абсолютной свободы личности» раскрывается даже некоторыми трезвыми буржуазными учеными, серьезно обеспокоенными тем, что возможности современной техники используются для растления человека и расчищают дорогу новым формам фашизма. Западногерманский экономист профессор К. Штайнбух в книге «Неверно запрограммировано» предъявляет общественному строю капитализма справедливое обвинение в том, что он духовно растлевает граждан, стремится навязать им цели, чуждые реальности, в маниакальной страсти превратить их в безвольных разобщенных индивидуумов². Автор обращает внимание на опасность разрыва между естественно научной и гуманитарной культурами и подчеркивает, что только в СССР проявляется повышенная активность в стремлении понять и регулировать последствия научно-технической революции в интересах человека.

Французский социолог Ж. Элгози в книге «Автоматизация и гуманизм» называет фальшивыми гуманистами тех, кто, преувеличивая опасности развития науки и техники, осуждает технический прогресс. «Объявлять техни-

¹ H. Bussiek (Hrag.), Veränderung der Gesellschaft, SS. 62, 51, 93, 87, 88.

² K. Steinbuch, Falsch programmiert, Stuttgart, 1969, SS. 7—8.

ку в целом гибельной для человека» он считает признаком крайней отсталости¹.

«Социальные пессимисты», пытающиеся представить себя борцами за свободу человеческой личности, которую, мол, «обесчеловечивает развитие технических средств», на деле верно служат монополистической буржуазии, указывая дорогу в никуда. Их унылые рассуждения — всего лишь ширма классово-политической позиции современной буржуазии, ибо они сознательно обходят вопрос о том, что развитие технического прогресса углубляет социальные конфликты лишь в условиях капитализма. При капитализме, где труд рабочего — источник обогащения собственника, научно-технический прогресс действительно убивает и порабощает личность, ибо человек не заинтересован в общественных результатах своего труда. Ведь продукт труда рабочего выступает как капитал, то есть как чуждая, враждебная и эксплуатирующая его сила. Принципиально иные социальные последствия развертывания научно-технического прогресса в условиях социализма, когда любые виды индивидуального труда выступают как общественно значимые и нужные людям. Пропаганда крайних форм индивидуализма рассчитана на то, чтобы убедить трудящиеся массы, будто в мире нет и не может быть путей к социальному обновлению, так как человек якобы одинок и лишен в основе своей каких бы то ни было рациональных начал. В этих условиях, утверждают буржуазные идеологи, классовая борьба бессмысленна, так как революция якобы не в состоянии преодолеть господство техники над людьми и антропологическое несовершенство самой личности человека. Сея настроения социального пессимизма и апатии, западные социологи выступают как бы от имени каждой человеческой личности, с позиций крайнего индивидуализма, расцвеченного фразами о безбрежной индивидуальной свободе, призывают людей уйти от социальной борьбы и замкнуться в мире своего «я».

Подобные концепции носят антикоммунистический характер, рассчитаны на то, чтобы уйти от анализа действительных противоречий капитализма и, концентрируя внимание на факторах, сопутствующих научно-техническому прогрессу, как якобы вечных и фатальных, укрепить диктатуру монополий. Но буржуазные идеологи,

¹ G. Elgozy, *Automation et humanisme*, P., 1968, p. 331.

претендуя на интеллектуальную независимость, всячески пытаются замаскировать апологетическую суть своих измышлений. Они рдятся в тогу «объективных исследователей» и сплошь и рядом выступают с весьма резкой по форме критикой бесчеловечных условий существования. Американский социолог А. Тоффлер, книга которого «Шок будущего» широко рекламируется на Западе, приводит массу данных о том, как развитие техники обрушивается на человека, делая его жизнь невыносимой. Растущие потоки информации, убыстряющийся темп жизни, загрязнение среды, производство «вещей на выброс» приводят людей в состояние «шока». Многообразие выбора, заявляет Тоффлер, обернется избытком выбора, свобода — отрицанием свободы, в сущности «мы распространяем принцип «использовал — выбросил» на человека». На этом основании Тоффлер даже провозглашает современную структуру Запада «больной». Какой же выход он видит из этого положения? Изменение общественных отношений, классовую борьбу, социалистическую альтернативу? Ничуть не бывало. Безбрежная индивидуальная свобода человека, который волен любыми способами искать пути приспособления к развитию технологии, — вот путь преодоления шока от столкновения с будущим, рекомендуемый Тоффлером и другими идеологами монополий. И в этом плане они оправдывают все и вся. Так, к примеру, Тоффлер пророчествует о том, что великое будущее промышленности лежит в области биологии, которая сделает возможным освоение технологии «производства» людей с заданными параметрами. А это приведет к коренному изменению традиционных понятий любви, секса, материнства и других моральных и этических норм. В условиях высокой мобильности населения, разглагольствует он, семья в сверхиндивидуальном обществе будет недолговременным союзом мужчины и женщины, которые «впервые в истории станут свободными индивидуумами», воспроизводство потомства превратится в профессиональное занятие небольшого числа семей, возможным станет групповой брак, коммуну. Так, по данным журналиста Б. Мерсона, более 30 тыс. американцев уже сейчас живут в полигамном браке. «Личная свобода» проявляется, мол, и в росте субкультур, возникновении различных групп, как например, хиппи, теософы, фанатики летающих тарелок, вегетарианцы, гомосексуалисты, черные мусульмане и т. п. Существующие еще пороки и противоречия трак-

туются теоретиками типа Тоффлера не как порождение определенной общественно-экономической формации — капитализма, а как некая фатальная неизбежность, вытекающая из неуравновешенности самого человеческого бытия¹. С этой точки зрения капитализм предстает в виде извечного состояния общества, в котором всего лишь проявляется социальное зло, заложенное в каждом из нас. Подобная пессимистическая проповедь индивидуализма рассчитана на примирение сознания человека с существующей капиталистической действительностью, разобщение сил, борющихся за социалистическое преобразование мира.

Описывая «угнетающий» рост господства техники, западные идеологи возвращаются к старым индивидуалистическим идеям, согласно которым природа человека вечна, как вечно и его несовершенство. Они провозглашают, что мы неизвестно откуда приходим в этот мир и уходим из него не по своей воле, что жизнь — это страдание, и прогресс никогда не коснется моего «я», моего единичного существования. Зато, говорят они, существует всевластный хаос, мировой муравейник, и он когда-нибудь будет раздавлен чудовищем, имя которому — иррациональное. Именно в этом русле лежит пропаганда идей экзистенциалистской философии, в частности, Камю с его концепцией «философии абсурда», в творчестве Кафки и Ионеску. Показательно, что современный ревизионизм активно спекулирует на буржуазных идеях «социального пессимизма». Р. Гароди, выступивший с антимарксистской концепцией об утере рабочим классом революционного духа и о необходимости сколачивания «нового исторического блока» из интеллигенции и студенчества, предварил этой «платформе» литературные изыскания в книге «Реализм без берегов», где взялся за подведение «марксистской» базы под башню формалистических концепций Кафки и прочих «социальных пессимистов».

Буржуазные идеологи и их ревизионистские попутчики провозглашают одним из фатальных результатов технизации растущее отчуждение человеческой личности всегда и везде. Если буржуазные теоретики прямо атакуют марксизм, заявляя о непреодолимости отчуждения

¹ A. Toffler, *Der Zukunftsschock*, Bern — München — Wien, 1971, SS. 158, 164, 197, 228.

при социализме и восхваляя капитализм за то, что он якобы позволяет преодолеть его путем всемерного развития индивидуализма, то ревизионисты извращают Маркса, твердя о всеобщности роста отчуждения по мере технического прогресса.

Среди ревизионистских критиков марксистско-ленинской теории общественного развития не первые годы подвизается М. Джилас, которому нельзя отказать в умении исказить смысл марксизма в ревизионистском духе под покровом «научного» толкования подлинных мыслей Маркса. Пример тому, в частности, его статья «Об отчуждении. Размышления по поводу марксистского мифа», опубликованная в журнале «Энкаунтер». Трудно не согласиться с исходным утверждением автора о несостоятельности попыток «творческих марксистов» найти противоречия между зрелым и молодым Марксом, между идеей диктатуры пролетариата и «общечеловеческим гуманизмом» марксовской теории отчуждения. Но, как оказывается, подобная общая посылка в умелых руках может также служить делу антикоммунизма, как и более примитивные искажения теории научного коммунизма. Джилас заметил, что призывы заменить зрелого Маркса молодым, найти в ранних работах Маркса, в частности в «экономически-философских рукописях», истинные зерна гуманного марксизма в противоположность марксизму революционному не достигают намеченных целей по дискредитации реально существующего социализма. Отсюда — его более утонченный ревизионистский вариант.

Понятие отчуждения действительно берет начало в учениях Канта, Гегеля, Фейербаха, а еще ранее — в религии, догматом которой является отчуждение человека как отпадение от бога при нарушении заповедей и снятие отчуждения как установление царства божьего на Земле. Для Гегеля абсолютный человеческий дух отчуждается в природе, Фейербах усматривал отчуждение человека — «верховного существа для самого себя» — в боге. «Ранний» Маркс, пользуясь гегелевской терминологией, уже в «экономически-философских рукописях» вкладывал в гегелевскую терминологию совсем иное содержание, рассматривая отчуждение как процесс пролетаризации общества, превращающий лишенного собственности пролетария в отчужденного в капиталистическом обществе человека, подавленного бесчеловечными социальными отноше-

ниями мира чистогана и наживы. Известно, что в процессе разработки теории научного коммунизма Маркс отказался от гегелевского термина отчуждения, выявив законы движения капиталистического общества, тайну капиталистической эксплуатации и неизбежность революционной замены капитализма социализмом. Эти положения революционного марксизма и атакуют ревизионисты, в том числе и Джилас. Сводя теорию отчуждения в марксистском понимании к теории эксплуатации наемного труда капиталом, он ищет ее корни в более общей концепции о разделении труда, возникшем в первобытном коммунизме и породившем частную собственность. Поставив знак равенства между отчуждением и тем самым учением об эксплуатации пролетариата и разделением труда, Джилас пускается в свободное плавание пиратских нападков на революционный марксизм, объявляя теорию отчуждения Маркса наиболее общим, неразработанным и наименее оригинальным коммунистическим учением. Причем подобное отождествление как бы «объясняет» его ссылку на то, что в работах зрелого марксизма понятие отчуждения заменено характеристикой сущности эксплуатации наемного труда капиталом.

Таким образом, Джилас прокладывает еще одну дорожку к критике марксизма. Если признать, что первородным грехом, по Марксу, является разделение труда, то нетрудно праздновать пиррову победу. Вполне возможно, пишет Джилас, что эксплуатация и угнетение начались с разделения труда, но совершенно ясно также, что изменение тех или других социальных отношений не упраздняет его, поскольку разделение труда вырастает из человеческих потребностей¹. С такого рода исходным теоретическим багажом опровержение марксизма становится легче легкого. «Призрак гегелевского Абсолютного Духа, который овладевает миром, познавая его, продолжал преследовать Маркса до конца его дней»². Отсюда, по Джиласу, марксова теория отчуждения в смысле эксплуатации рабочих — всего лишь отзвук религии, а ее «научное» доказательство — не более чем трюизм. Вначале стоит «истина» о неизбежности коммунистического общества и вера в нового, «неотчужденного» человека, а затем сле-

¹ M. Djilas, On Alienation. Thoughts on a Marxist Myth, «Encounter», L., 1971, vol. 36, No 5, p. 12.

² Ibid., p. 11.

дуют доказательства: человек не может существовать, не меняя условий своего существования, ибо именно этим он и отличается от животного. Результатом подобных изменений и выступает коммунизм.

Нет ничего удивительного в том, что Джилас с легкостью сокрушает, но не Маркса, а изобретенный самим Джиласом трюизм. Отчуждение и эксплуатация — не одно и то же, заявляет он, ибо отчуждение является состоянием человека, а эксплуатация — социальным отношением. Смещение понятий у «теоретиков социалистических стран» затемняет реальные проблемы их обществ, а западные «неомарксисты» скорбят о том, что «рабочий класс вышел из положения страдальца и не горит желанием жертвовать собой ради революции»¹. Вывод ревизиониста таков: целью Маркса не было открытие законов общества, а подтверждение веры его юности в неизбежность коммунистического общества и нового, универсального, спонтанно активного и «неотчужденного» человека. Истинное отчуждение «произошло, когда Маркс превратил бедственные условия существования рабочих в оружие своего мировоззрения»².

Мы приводим это нагромождение извращений теории Маркса с одной целью: предупредить свойственные ревизионистам крики о неполном изложении их взглядов, непонимании их писаний. Недаром они всегда причисляли себя к лагерю «непонятых». Остается напомнить несколько истин, известных каждому, читавшему Маркса, а не его ревизионистскую интерпретацию. Разделение труда — исторический процесс, на определенном уровне развития производительных сил породивший обмен и товарное производство, основанное на отношениях частной собственности. Высшей формой товарного производства выступил капитализм, сущностью которого является не просто частная собственность на орудия и средства производства, а превращение рабочей силы в товар особого рода. Не теория отчуждения, а анализ специфики товара рабочей силы помог Марксу раскрыть тайну капиталистической эксплуатации, закон прибавочной стоимости. Тем самым отчуждение выступило не как отчуждение человека от природы и процесса труда, а как процесс отчуж-

¹ M. Djilas, *On Alienation. Thoughts on a Marxist Myth*, «Encounter», L., 1971, vol. 36, No 5, p. 13.

² *Ibid.*, p. 14.

дения наемного рабочего от создаваемого им капитала, следовательно, не как извечный, а как исторически ограниченный процесс. Поэтому в зрелых работах, прежде всего в «Капитале», Маркс уже не оперирует термином «отчуждение», оставляющим лазейки для спекуляций на гегелевских понятиях, а анализирует законы движения капиталистической формации. Тем самым коммунизм выступает не как постулат «веры», а как результат развития и преодоления объективных противоречий, заложенных в природе капитализма. Вот эту историческую закономерность общественного развития и пытается оспорить ревизионист Джилас, идя в одной упряжке со всеми противниками социализма.

Буржуазные певцы «безбрежной свободы» типа Тоффлера, претендуя на широкий анализ развития общества, даже не упоминают о великих социальных революциях, о марксистско-ленинской идеологии, о существовании мира социализма, ставят национально-освободительное движение в один ряд с «сексуальной революцией». Подлинной социальной революции, классовой борьбе пролетариата, коммунистической идеологии они не отводят никакого места ни в прошлом, ни в будущем. Таким образом, проповедь крайнего индивидуализма оборачивается стремлением разоружить революционные силы современности.

Попытки идеологов монополий подменить социальную революцию технической, доказать, будто преодоление противоречий капитализма и гнетущего давления технизации возможно лишь на путях роста индивидуализма и «абсолютной свободы» личности человека, освобожденного от всяких общественных начал, выступают как форма апологетики современного капитализма. Призывы к «раскрепощению» человеческого «я» — это на деле защита классовых интересов буржуазии, свободы собственника усиливать эксплуатацию наемного труда, прибегать к любым, самым варварским способам сохранения господства монополий. В США, которые восхваляются Тоффлером как пионерская страна «сверхиндустриализации» со взрывом «личных альтернатив», «материальным изобилием» и переходом от «экономики потребления» к некоей «новой системе» — «экономике удовольствий», неудержимо растут прибыли монополий, особенно в обрабатывающей промышленности, правительство вводит особые налоговые скидки на капиталовложения корпораций в новое

оборудование, что приносит монополиям дополнительные прибыли, а стоимость жизни для трудящихся масс в то же время растет год от года. Этот рост в 1969 году составил 5,4%, в 1970 году — 5,9, в 1971 году — около 4%. Та же картина и в других империалистических странах. В 1971 году стоимость жизни в Англии увеличилась на 10%, в Японии — на 8,4, в Голландии — на 7,5, в ФРГ — на 5,9, во Франции — на 5,8%¹. Увеличивается размах борьбы трудящихся за свои жизненные и политические права в США и Англии, Японии и Италии, в других капиталистических странах. Но как только дело доходит до острых классовых схваток, монополии отбрасывают в сторону демагогию о «безбрежной свободе личности» при капитализме. Английские реакционеры протаскивали антистачечный закон, правительство США неоднократно пыталось в 1971 году вводить периоды «охлаждения» при возникновении забастовок, предприниматели сплошь и рядом применяют политику локаутов, надеясь сбить накал стачечной борьбы. Зато капиталистическая действительность обеспечивает полную свободу монополиям добиваться все более высоких прибылей, проповедовать любые человеконенавистнические идеи, создавать обстановку, когда «все дозволено», кроме классовой борьбы против гнета капитала. Эта обстановка растлевает человеческую личность, подавляет и порабощает ее в угоду укрепления власти монополий. Буржуазный индивидуализм оборачивается, таким образом, проповедью свободы любого мракобесия, вроде, к примеру, «творчества» Гудзоновского института в США, который занят тем, чтобы «придумывать немыслимое». Именно он пустил в оборот термины «апокалиптическая машина», «мегагрупп» или «военный оргазм». Директор института Г. Кан, послуживший прототипом доктора Стрейнджлава в одноименном фильме С. Кубрика, завоевал «известность» книгой «О термоядерной войне». Но даже буржуазная печать назвала этот «труд» манифестом, призывающим к убийству в промышленном масштабе. Французский журнал «Нувель обсерватор», говоря о настроениях молодежи в США, писал: «Изобилие, рациональный порядок, положение, при котором все позволено, завлекли нас в ловушку. Мы бьемся без всякой надежды в невидимой западне. Негритянская проблема, слаборазвитые

¹ «Правда», 16 февраля 1972 г.

страны, загрязнение окружающей среды эпизодически служат выходом для более глубокого зла, которое подтачивает существование»¹. Но не техника и технизация общества, а сама капиталистическая система общественных отношений с властью собственников и эксплуатацией наемного труда капиталом все более разоблачает себя как враждебная человеку сила, как антагонистический строй, препятствующий социальному прогрессу и подлинному раскрепощению человека.

Великая очистительная миссия социалистической революции, подводящей черту под предысторией человечества, состоит в ликвидации основы эксплуатации человека человеком — буржуазных отношений собственности. Впервые в истории новый общественный строй ставит технический прогресс на пользу людям, создает реальные условия для подлинной свободы каждого человека, раскрытия всех его возможностей, роста культуры, интеллекта и расцвета человеческой личности, гармоничного сочетания личных и общественных интересов. Более чем полувековой опыт Советского Союза, опыт других социалистических стран на деле доказали, что марксистско-ленинское учение о путях раскрепощения человека — не только научное предвидение, но и единственно возможная магистральная дорога общественного прогресса. Противники социализма и различные антикоммунисты, в какие бы блестящие и модные мундиры они ни рядились, потому и усиливают спекуляции вокруг вопросов о свободе личности в век бурного технического прогресса, потому и расширяют проповедь крайнего индивидуализма, что им нечего противопоставить притягательной силе революционной социалистической практики в глазах трудящихся масс.

Невероятно труден был период становления нового общественного строя, принципиально отличного от капитализма во всем: в экономике и политике, морали и отношениях между людьми, целях, стоящих перед обществом, и методах их достижения. Социалистическое хозяйство возникало из руин, оставленных гражданской войной и империалистической интервенцией. Но уже первые шаги развития социалистической цивилизации показали ее коренные преимущества перед капитализмом как строя, служащего трудящемуся человеку. Долгие годы антиком-

¹ «Le Nouvel Observateur», mars 1972.

мунизм спекулировал на трудностях роста социалистического строя, фальшиво уверяя в том, будто социализм не в состоянии обеспечить удовлетворение материальных потребностей людей, насаждает мир нищеты и постоянных материальных нехваток и тем самым, мол, лишает человека условий для развития его личности. Принципы коллективизма, массового энтузиазма в борьбе за общее дело, невиданный в мире героизм людей освобожденного труда клеветнически толковались как подавление индивидуальных свобод. Сегодня эта линия империалистической пропаганды выглядит очевидным банкротом.

Социалистическое общество, создав современную экономику и все полнее используя достижения научно-технической революции для увеличения общественного богатства в интересах каждого человека, обеспечило зримый рост народного благосостояния. Общественная социалистическая собственность и плановое ведение народного хозяйства явились той материальной базой всестороннего развития личности при социализме, которая обеспечивает свободу человека в главном — в отсутствии эксплуатации и политического гнета финансовой олигархии. На фоне циклического развития капиталистической экономики, роста инфляции, безработицы, падения реальной заработной платы, что создает обстановку неустойчивости человеческого существования для трудящихся масс, непрерывное поступательное развитие социалистического хозяйства обеспечивает подъем уровня жизни советских людей, их твердую уверенность в завтрашнем дне. В условиях социализма происходит постоянный рост потребностей людей по мере увеличения общественного богатства и роста культуры. На это обращал внимание В. И. Ленин. «...Когда со всех сторон мы видим новые требования, — писал он, — мы говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни»¹.

Сегодня в условиях развитого социалистического общества, которое опирается на широкое использование достижений науки и техники, соединяя науку с производством, потребности человека с каждым годом удовлетворяются все более полно. Только за один 1972 год национальный доход — обобщающий показатель экономического развития — возрос на 11 млрд. руб. и составил более

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 501.

310 млрд. руб. (в фактических ценах). В результате мероприятий по повышению уровня жизни народа реальные доходы в расчете на душу населения возросли в 1972 году на 3,7%. Около 34 млн. человек получили повышение заработной платы, пенсий и стипендий, на 6,4% увеличены выплаты и льготы из общественных фондов потребления. Более 2 млн. 200 тыс. новых благоустроенных квартир и индивидуальных жилых домов, сданных в эксплуатацию в 1972 году, обеспечили улучшение жилищных условий только за один год более чем 11 млн. советских граждан. Каждый год в Советском Союзе строятся тысячи новых школ, больниц, учреждений культуры¹. В наше время Советский Союз является страной с развитой современной экономикой, возглавляет целый ряд направлений в науке и технике, ставит и решает сложнейшие задачи использования достижений научно-технического прогресса для создания материально-технической базы коммунизма. В решении этих задач заинтересованы все советские люди, которые в отличие от мрачных пророчеств западных идеологов о гнете техницизма и подавлении личности видят в технике могучее средство роста общественного богатства и улучшения условий жизни всех трудящихся.

Именно достижения советской экономики позволяют партии последовательно воплощать в жизнь программу XXIV съезда повышения уровня жизни советских людей. В 1972 году увеличен минимум заработной платы, повышены ставки и оклады среднеоплачиваемых рабочих и служащих производственных отраслей в ряде районов страны, увеличена заработная плата учителей, врачей, воспитателей детских дошкольных учреждений, повышены стипендии студентов вузов и средних специальных учебных заведений. Эти факты советской действительности наглядно подтверждают, что сущностью социалистического строя является планомерная организация общественного производства на базе новейших достижений науки и техники ради обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества.

Экономические отношения социализма, ликвидируя эксплуатацию человека человеком, впервые в истории превращают свободный творческий труд в основу саморазвития личности. Лишь при социализме, подчеркивал

¹ См. «Правда», 30 января 1973 г.

В. И. Ленин, становится возможным «действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мямл, давил, душил тысячами и миллионами»¹.

В новом отношении к труду как главной потребности свободной человеческой личности наиболее ярко раскрывается осознанное слияние личных и общественных интересов. Труд при социализме выступает не только как источник общественного богатства, но и как главная сфера развития личности человека и проявления его творческих возможностей. Идеологи монополий, рассуждая о «бесчеловечных условиях существования» в век абсолютного господства техники, о каком-то «шоке», в который якобы впадает человек, подавленный «многообразием выбора», о спасении в мире собственного «я», насаждают тем самым реакционные идеи о труде как бремени, как насилии над человеческой психикой, призывают к мещанскому идеалу «ничегонеделания». Социалистическая действительность на деле опровергает этот реакционный пессимизм.

Социальная политика партии и Советского государства обеспечивает воспитание отношения к труду как основной потребности человека, улучшение условий и изменение характера труда, повышение культурного и профессионально-технического уровня всего народа. Преодоление различий между классами и социальными группами лежит не на выдуманном антикоммунистами пути роста так называемых «субкультур» хиппи или фанатиков летающих тарелок, а на пути уничтожения различий между городом и деревней, между людьми физического и умственного труда.

Социализм, опираясь на современную науку и технику, последовательно решает эту задачу, все более сближая характер труда рабочего и крестьянина, постепенно преодолевая различие между людьми физического и умственного труда. Задача эта полностью будет решена лишь при коммунизме, но все шаги в развитии экономики и культуры, предпринимаемые в нашей стране, приближают ее решение.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

В. И. Ленин обращал огромное внимание на то, что каждый строитель светлого здания коммунистического общества должен понять: «...Только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием»¹. В области народного образования в Советском Союзе достигнуты поистине огромные успехи. Около 80 млн. человек, почти $\frac{1}{3}$ всего населения страны, учится. Мы вплотную подошли к решению задачи — обеспечить всеобщее среднее образование молодежи. Свыше 55% занятого населения страны составляют рабочие, и ведущая роль рабочего класса в строительстве коммунизма укрепляется по мере того, как растут его культура, образованность, политическая активность. В 1959 году из каждой тысячи рабочих высшее и среднее образование имели 386 человек, а к 1971 году — более 550².

Все более зримо сельскохозяйственный труд превращается в разновидность труда индустриального, повышается образованность колхозного крестьянства. На конец 1970 года более половины сельского населения окончило среднюю или высшую школу, тогда как в канун Великой Отечественной войны всего 6% трудящихся села имели высшее и среднее образование. Непрерывно растет численность советской интеллигенции, пополняющейся в огромной степени из среды рабочих и крестьян. Воспитание в людях нового, коммунистического отношения к труду, осознание каждым человеком неразрывной связи личных и общественных интересов — эта благороднейшая, по словам В. И. Ленина, работа находится в центре внимания партии. Только в коллективе и посредством коллектива, как показал опыт социалистического строительства, личность освобождается от частнособственнических пут и обретает подлинную свободу. Воплощение в жизнь достижений научно-технического прогресса, борьба за построение материально-технической базы коммунизма все более стирают имеющиеся еще противоречия между отдельными людьми и обществом, все более тесно сливают интересы отдельных граждан с интересами всего социалистического общества. Марксистско-ленинское мировоззрение, обеспечивая идейную убежденность людей при социализме, служит мощным фактором духовного развития

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 307.

² «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1972, стр. 73,

личности, утверждения в сознании людей подлинно общественных гуманистических принципов и идеалов.

Идеологи империализма сегодня уже не в состоянии наживать политический капитал на выдумках о «насаждении нищеты при социализме», о подавлении «человеческой свободы» материальными лишениями и беспросветной погоней за куском хлеба насущного. Перестраиваясь, что называется, на ходу, они пытаются теперь опорочить социализм с помощью фальшивого тезиса о происходящем будто бы растворении индивидуальности в массе, о подчинении человека обществу и т. п. Но общество в их изображении — всевластный хаос, спасение от которого они призывают искать на рельсах крайнего индивидуализма. О каком обществе, однако, ведут речь защитники власти монополий? При капитализме раздираемое классовыми антагонизмами общество не может быть объединено близкими всем идеями и целями. Поэтому проповедь индивидуализма выступает здесь как средство отвлечь трудящихся от классовой борьбы против господствующей буржуазии.

Социалистическое общество выступает как принципиально новая структура объединения людей, базирующаяся на общественной собственности и единстве интересов и целей всех его членов. Именно поэтому все более полное слияние общественных и личных интересов ведет не к нивелировке человеческой личности, а к ее расцвету, раскрытию всех индивидуальных способностей человека, борющегося за общее дело. Мораль и нравственность советского человека — это мораль и нравственность бойца, социально активной личности. Все этапы формирования качественно нового человека — стахановское движение, ленинские субботники, движение за коммунистическое отношение к труду — свидетельствуют о том, что советский образ жизни опирается на личность творческую, ищущую и волевою, классовая позиция которой требует проявления личной ответственности за общее дело. «Не быть равнодушным. Равнодушным к делу, которое ты избрал, и равнодушным к людям, которые тебя окружают», — писал в своем дневнике во время XXIV съезда КПСС Н. Д. Анищенков, сормовский сталевар, автор книги «Потомки Павла Власова». «Я несу личную ответственность за все, что происходит»¹, — утверждает он. Этот качественно но-

¹ «Коммунист», 1972 г., № 1, стр. 122.

вый подход личности к обществу наглядно выражает существо социалистической нравственности, диаметрально противоположной циничному кредо западных певцов индивидуализма: ад — это другие люди.

Развертывание научно-технической революции в условиях социализма ведет не только к бурному росту производства, но и ускоряет процесс формирования нового человека, утверждение новых, коллективистских отношений между людьми, отношений товарищества, братской дружбы и сотрудничества всех наций и народов, всех трудящихся нашей страны, создания принципиально новой исторической общности — советского народа. И в этом ярко проявляются общесоветские, интернациональные черты нового человека-социалистического общества.

* * *

Антикоммунистическая проповедь индивидуализма тесно связана с новейшими попытками буржуазно-реформистских идеологов ослабить революционную роль рабочего класса, сбить накал классовой борьбы и увести трудящихся в сторону от социализма. Опыт истории доказал, что лишь пролетариат выполняет великую историческую миссию по ликвидации эксплуататорской системы капитализма и созданию социалистического общества свободных тружеников, на знамени которого написано: все для человека, для его блага.

Ленин подчеркивал, что главное в учении Маркса — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества. Эта роль пролетариата определяется тем, что он органически связан с развивающимся крупным производством, занимает в нем ведущее положение, превращающее его в носителя социалистических форм общественных отношений.

Буржуазные идеологи, оппортунисты и ревизионисты всех мастей любыми способами пытаются опровергнуть марксистско-ленинское учение о революционно-преобразующей миссии рабочего класса. В последние годы они особенно шумно пропагандируют фальшивую теорию о том, будто рабочий класс «утратил» свой революционный дух, да и сам пролетариат, дескать, постепенно «исчезает» по мере развертывания научно-технической революции.

В 1972 году газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала серию статей М. Джиласа, Г. Маркузе, Ф. Рисмана и

И. Кризана под общей рубрикой «Коммунизм спустя 125 лет». Эти статьи были приурочены к исполняющемуся 125-летию выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии». Одной из главных идей этих публикаций было утверждение, будто научно-техническая революция повсюду опровергает марксистский вывод о революционной миссии рабочего класса, будто по мере ее развития рабочий класс отвергает революционное сознание. Как писал Г. Маркузе, условия жизни рабочего класса в современном капиталистическом обществе «востают против такого развития»¹.

В основе вымысла об «исчезновении» пролетариата лежит спекуляция некоторыми фактами, характеризующими реальные структурные сдвиги внутри современного рабочего класса.

Прежде всего за последние десятилетия под влиянием научно-технического прогресса существенно увеличилось количество наемных работников во всех развитых капиталистических странах. Если в 1900 году число трудящихся по найму в странах развитого капитализма составляло 82,2 млн. человек, то в 1969 году оно выросло до 234,9 млн. человек, то есть почти в три раза. Удельный вес наемных работников в самодеятельном населении за тот же период увеличился с 53,3 до 79,5%². Это означает, что под влиянием научно-технической революции происходит процесс расширенного воспроизводства социально-экономических условий формирования пролетариата. Вместе с тем в отраслевой структуре наемного труда произошли существенные сдвиги. В XIX—начале XX века основную часть рабочего класса составляли лица, занятые простым физическим трудом. Теперь картина совершенно иная. Научно-техническая революция повсеместно привела к сокращению доли простого физического труда и повышению в рядах наемных работников удельного веса квалифицированного труда, научно-технической интеллигенции, инженерно-технического персонала, работников сферы услуг. Уже в середине 50-х годов в США, например, число лиц, занимающихся нефизическим трудом, превысило численность работников физического труда. Например, за последние 30 лет в США

¹ Цит. по «Правда», 16 сентября 1972 г.

² «Мировая экономика и международные отношения», 1970 г., № 7, стр. 152, 154.

доля квалифицированных рабочих увеличилась с 27 до 36 %, полуквалифицированных — с 48 до 51, а неквалифицированных — уменьшилась с 25 до 13 %. Вместе с тем за период с 1950 по 1970 год в общей численности работников наемного труда количество рабочих возросло на 4,4 млн. человек, а служащих — на 14,7 млн. Это, конечно, не означает, что прогресс науки и техники ведет к полному вытеснению физического труда. В ряде конкретных социологических исследований подчеркивалось, что даже высокий уровень автоматизации отнюдь не ведет к «вымыванию» неквалифицированного и малоквалифицированного физического труда. При капитализме существуют такие разновидности труда, которые препятствуют росту квалификации рабочих. При конструировании новой техники капитал стремится максимально использовать «дешевую», то есть неквалифицированную, рабочую силу¹. Поэтому, если даже принять на веру прогнозы о сокращении доли простого физического труда к концу тысячелетия в развитых капиталистических странах до 30—35 %, это не означает превращения данной категории трудящихся в «исчезающую социальную группу».

Однако тенденция структурных сдвигов внутри наемного труда свидетельствует о резком увеличении численности квалифицированных рабочих и инженерно-административного персонала. Вместе с тем происходит заметная нивелировка условий и форм труда многих рабочих и служащих. Деятельность большинства рабочих теряет характер простого физического труда. Таковы факты современной действительности.

Но эти факты грубо фальсифицируются буржуазными идеологами и ревизионистами в целях «опровержения» марксистско-ленинского учения о пролетариате и его революционной роли могильщика капитализма. Они намеренно искажают понятие пролетариат, сводя его к рабочим, занятым простым физическим трудом, и исключая из рабочего класса всех квалифицированных работников. Уменьшение числа лиц физического труда и выдается ими за «исчезновение» пролетариата.

Так, в своей статье в «Нью-Йорк таймс» Джилас утверждал, что к пролетариату относятся лишь неквалифицированные работники физического труда. На этом «основании» он представил рабочий класс как численно

¹ См. «Коммунист», 1973 г., № 3, стр. 36—37.

сокращающийся общественный слой, на смену которому идет некий «средний класс». Другие ревизионисты рассуждают о «новых революционных силах», осуществляющих ведущую роль по преобразованию общества, утраченную рабочим классом. Роль эта приписывается либо работникам квалифицированного труда, инженерам, ученым, либо только научно-технической интеллигенции, студенческой молодежи и «маргинальным» слоям общества¹.

Сторонники этих концепций, противопоставляя работников физического и умственного труда, очевидно, подменяют классовые различия профессиональными, выводя на базе «технологического детерминизма» общественную роль того или иного «класса» из степени его связанности с новой техникой и с функциями квалифицированного умственного труда. Французские социологи Ф. Бон и М.-А. Бюрнье утверждают, что современный рабочий класс перестал быть «наиболее передовым продуктом крупной промышленности», каким считал его Маркс, и, следовательно, не может более рассматриваться как революционная сила².

Аналогичные идеи пропагандируют не только идеологи буржуазии и правой социал-демократии, но и современные ревизионисты, в том числе Э. Фишер, группа журнала «Манифесто», Р. Гароди, исключенные из компартий Австрии, Италии, Франции³. Показателен в этом отношении путь вправо, к монополистическому капиталу, проделанный Р. Гароди, который претендовал на творческое развитие марксизма в современных условиях. В ряде книг, особенно в антикоммунистическом пасквиле «Большой поворот социализма», Гароди заявил о необходимости анализа объективных факторов современного капитализма. Он высокомерно отбросил выводы, сделанные в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий, и обвинил коммунистов в недооценке роли научно-технической революции. Но что же было предложено им взамен? Гароди вслед за буржуазными идеологами абсолютизировал сдвиги в материальном производстве и влияние научно-технической ре-

¹ S. Mallet, *Le Pouvoir ouvrier. Bureaucratie ou démocratie ouvrière*, P., 1971.

² Цит. по «Коммунист», 1973 г., № 3, стр. 44.

³ См. E. Fischer, *Was Marx wirklich sagte?* Wien, 1968.

волюции на общественные отношения капитализма. Он выдвинул концепцию так называемого «нового исторического блока», решающую роль в котором отвел научно-технической интеллигенции. И наконец, провозгласил, что не рабочий класс, а творческая интеллигенция и студенчество выступают сегодня в качестве единственного носителя социалистической перспективы, так как пролетариат будто бы утратил прежнюю революционность. Если выбросить из этой схемы потерявшую смысл ссылку на социалистическую перспективу, то она как две капли воды станет похожей на империалистическую концепцию «постиндустриального общества» социальных гармоний. Французские коммунисты единодушно отвергли ревизионистские творения Гароди.

Буржуазно-ревизионистские концепции не только фальсифицируют марксистско-ленинское учение, но и в искаженной форме отражают реальные процессы капиталистической действительности.

Революционная роль пролетариата предопределяется его местом в системе производственных отношений капитализма.

Пролетариат — это класс наемных рабочих, лишенных собственности на средства производства и вынужденных поэтому продавать свою рабочую силу капиталистическим собственникам. Маркс писал: *«Итак, капитал предполагает наемный труд, а наемный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга»*¹.

В современных условиях происходит не уничтожение пролетариата, а расширение социальных границ рабочего класса, в составе которого возрастает удельный вес работников нефизического и умственного труда, служащих, некоторых групп интеллигенции. Это не означает, что все наемные работники автоматически относятся к рабочему классу, ибо класс как социально-экономическая общность определяется совокупностью всех его признаков, к которым Ленин относил место в исторически конкретной системе общественного производства и отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда, способы получения и размеры той доли общественного богатства, которой он располагает².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 444.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

С точки зрения всей совокупности признаков класса, современный пролетариат по-прежнему занимает положение класса, эксплуатируемого капиталом, причем отношения эксплуатации проявляются сегодня не только в форме низкого уровня и необеспеченности существования рабочих, материального и социального неравенства, потогонной системы труда, но и в виде хищнического расточения капиталом ума, знаний и способностей рабочего класса, ведущего к опустошению личности работника. Капитализм оказывается неспособным осуществить требование научно-технической революции о таком способе соединения средств производства с рабочей силой, который обеспечил бы удовлетворение возрастающих интеллектуальных и моральных потребностей людей.

Научно-техническая революция неизбежно углубляет основное классовое противоречие капитализма и ведет к расширению базы массового социального недовольства.

Буржуазно-ревизионистские теоретики, отрицая решающую роль рабочего класса в системе крупного производства, а тем самым и его революционные потенции, рассматривают взаимоотношения между различными социальными группами лишь с точки зрения их связи с современной техникой и управлением. В этой схеме решающая роль отношений к собственности на орудия и средства производства полностью игнорируется, процесс эксплуатации наемного труда капиталом отрицается. Известный французский экономист Ж. Фурастье прямо утверждал, что современное капиталистическое общество сохраняет для отдельных групп привилегии в виде стимула к общественной деятельности, но такие привилегии не превращают эти группы в «привилегированный», а тем более в «эксплуатирующий» класс.

Американский экономист и социолог Д. Гэлбрейт в серии своих работ, прежде всего в «Новом индустриальном государстве», попытался опровергнуть марксистское учение о классах буржуазного общества и эксплуатации наемного труда с помощью концепции «техноструктуры» — сложного сообщества квалифицированных работников, менеджеров, научно-исследовательских кадров и т. п., которое якобы становится господствующей социальной силой, занятой проблемами всеобщего благосостояния.

Показательно, что эти положения подвергаются широкой критике с разных позиций.

Так, в статье «Профессор Гэлбрейт и американский

капитализм» Р. Милибэнд — английский левый социолог, редактор ежегодника «The Socialist Register» — подвергает весьма убедительной критике концепцию «нового индустриального государства»¹.

Несостоятельность идеи «техноструктуры» связана прежде всего с несостоятельностью утверждения Гэлбрейта об отделении собственности от контроля. По приведенным Милибэндом данным из журнала «Форчун», 30% из 500 крупнейших корпораций контролируются лицами или семьями-основателями, а менеджеры являются крупнейшими держателями акций. В связи с этим повисает в воздухе и тезис Гэлбрейта о новой системе мотивации «техноструктуры», ибо собственники непосредственно заинтересованы не в удовлетворении общественных и человеческих нужд, а в максимизации прибыли. Прибыль же выступает критерием эффективности корпорации и главным интересом менеджеров. Наконец, оспаривается и точка зрения Гэлбрейта по вопросам планирования. Возможность планирования, отмечает Милибэнд, еще не дает оснований для аналогий с государственной системой планирования в СССР. «Профессор Гэлбрейт может хотеть преодоления анархии производства, характерной для его «индустриальной системы», но его желание нельзя принимать за действительность»².

Ряд замечаний против планирования «техноструктуры» в изложении Гэлбрейта делает западногерманский экономист Х. Шумахер в статье «По пути к плановому хозяйству?»³. Общество будущего, согласно Гэлбрейту, предстает как обеспечение гармонии интересов государства и «техноструктуры», когда «новое индустриальное общество» неизбежно будет развиваться по пути планового хозяйства. Отрицая этот вывод, Шумахер причисляет Гэлбрейта к детерминистам.

Но эти справедливые критические замечания все же оставляют в стороне главный классовый аспект концепции «техноструктуры» — попытку замаскировать процесс капиталистической эксплуатации, характерную для всех теоретиков «депролетаризации» современного буржуазного общества по мере развертывания научно-технического прогресса.

¹ R. Miliband, *Professor Galbraith and American Capitalism*, «The Socialist Register, 1968», 1968, pp. 215—229.

² *Ibid.*, p. 225.

³ «Wirtschaftsdienst» (Hamburg), 1968, Nr. 48, S. 396.

На деле процесс капиталистической эксплуатации усиливается, конфликт между финансовой олигархией и трудящимися массами становится все острее. Ныне монополии вовлекают в производство огромную массу труда, в том числе и умственного. Одновременно происходит его непрерывная интенсификация.

Конкретно-историческая форма наемного труда в условиях капиталистической собственности состоит по-прежнему в том, что наемный рабочий должен производить прибавочную стоимость. Этим и определяется способ получения дохода наемными рабочими. Заработная плата — лишь часть произведенной ими стоимости. По сравнению с массой прибыли, присваиваемой классом капиталистов, она непрерывно уменьшается.

Конечно, в результате упорной борьбы пролетариата за свои жизненные права нынешний уровень заработной платы позволяет ему вырваться из тисков прежнего пауперистического существования. Но еще Маркс подчеркивал, что отношения эксплуатации труда капиталом остаются, как бы ни была высока или низка заработная плата рабочего, ибо ее верхний предел — величина стоимости рабочей силы. В результате масса прибавочной стоимости, извлекаемая капиталом, растет, а жизненный уровень трудящихся намного отстает от тех возможностей, которые открывает современное производство.

Повышается степень необеспеченности существования трудящихся, проявляющаяся в росте цен и «замораживании» зарплаты, недостаточном социальном обеспечении, в интенсификации труда, в безработице. Социальная пропасть между монополистами и рабочими непрерывно углубляется, причем значительные отряды пролетариата продолжают влачить существование на грани бедности. Буржуазные идеологи не любят вспоминать об обширных зонах бедности, а порой даже нищеты, которые обличают вопиющую несправедливость и безрассудную расточительность, свойственные развитию капитализма.

К. Коутс и Р. Сйлбэрн в работе «Бедность: забытый англичанин» писали по этому поводу: «Период, начавшийся после окончания второй мировой войны, трактовался как период более или менее непрерывного и постоянного экономического роста, при котором новое богатство распределялось все более справедливо среди населения. Старая драма бедности, эта эндемическая проблема для массы людей, казалась лишь пережитком

социальной несправедливости, проблемой, затрагивающей небольшие группы людей, которым вследствие неспособности или природной слабости не удалось приобщиться к новому изобилию»¹. Указав на то, что не менее 7,5 млн. англичан в действительности живут в бедности, авторы подчеркивают, что на всем Западе экономический подъем не покончил с низкой заработной платой. Может быть, отметили они, экономический подъем даже требует сохранения низкой заработной платы, поскольку в результате успехов автоматизации производства не удастся ликвидировать работы, которые не требуют никакой специализации и поэтому оплачиваются по самым низким ставкам. Прогресс техники в условиях погони за прибылью ставит новые преграды на пути развития личности трудящегося, обрекает его на изнурительный и однообразный труд, оставляет значительные слои рабочих за порогом квалификации и знаний. Но даже те слои пролетариата, зарплата которых номинально растет, отнюдь нельзя отнести к процветающим и входящим в так называемые «средние классы общества благоденствия». К. Жюльен в своей новой книге «Самоубийство демократии» привел данные, свидетельствующие о громадном социальном неравенстве в США. 20% самых бедных семей делили между собой в 1947 году 5% национального дохода и в 1969 году — 5,6%. На верху социальной пирамиды 20% самых богатых семей делили между собой в 1947 году 43% национального дохода и в 1969 году — 41%. Эти проценты показывают как будто пусть незначительную, но все же эволюцию в сторону большего равенства. Однако в 1947 году национальный доход США был равен 199 млрд. долл., а в 1969 году — 769,5 млрд. долл. Следовательно, в абсолютных цифрах 20% самых бедных семей получили 9,95 млрд. долл. в 1947 году и 43,08 млрд. долл. в 1969 году, в то время как 20% самых богатых семей получили 85,57 млрд. долл. в 1947 году и 314,49 млрд. долл. в 1969 году. Иными словами, общий доход самых бедных семей увеличился за этот период на 33,13 млрд. долл.; а самых богатых — на 228,92 млрд. долл., то есть в семь раз больше². Следовательно, разрыв между богатыми и бедняками не сокращается, а углубляется все больше и

¹ Цит. по С. Julien, *Le Suicide des démocraties*, P., 1972.

² *Ibid*,

больше. Жюльен делает справедливый вывод, что труд человека был извращен потому; что он был поставлен на службу не свойственным ему целям. Труд — источник творчества, средство сохранения жизни — был принесен в жертву не требованиям техники и машины, а стремлению к прибылям и могуществу.

Жизненный уровень населения — категория социальная, конкретно-историческая. Ленин подчеркивал, что на всем протяжении развития капитализма действует закон повышения потребностей, и удовлетворение ряда новых потребностей трудящихся в образовании, в медицинском обслуживании, в некоторых видах транспортных и иных услуг становится для капитализма необходимостью, ибо без этого процесс капиталистического воспроизводства застынет. Иными словами, капитализм идет на удовлетворение вновь возникающих и становящихся обычными потребностей трудящихся отнюдь не из гуманных или филантропических побуждений, не потому, что природа капитализма становится иной, «демократической», и т. д., а вынужденно, ради сохранения общих условий капиталистической эксплуатации и повышения прибылей. Например, расходы на получение соответствующего образования становятся составной частью стоимости рабочей силы, так как в условиях разворачивающейся научно-технической революции резко возрастает потребность капитала в квалифицированном труде. В то же время буржуа стремился и ныне стремится свести удовлетворение потребностей трудящихся к минимуму.

Мощное рабочее движение, постоянное революционизирующее воздействие примера Советского Союза и других социалистических стран вынуждают капиталистов поддерживать определенный жизненный уровень трудящихся во избежание революционных взрывов. Однако как только движение капиталистического цикла ставит под вопрос сохранение условий роста прибылей, капитал немедленно начинает атаку на достигнутый трудящимися жизненный уровень, рассчитывая за их счет сохранить огромные барыши. Борьба против хищнического господства монополий повсеместно обостряется.

Стремясь сбить накал классовых битв, идеологические прислужники монополий и пустили в оборот теорию о якобы происходящем «исчезновении» пролетариата. Рабочему классу как бы говорят: раз вы уже не пролетарии, значит, противоречий между вами и монополиями быть

не может, вы заинтересованы в классовом мире и сотрудничестве ради роста производства. Таким образом, обратной стороной вымысла об «исчезновении» пролетариата является фальшивая теория о потере рабочим классом своего боевого духа. Оппортунисты и ревизионисты активно помогают монополиям в попытках проташить эту разоруженческую идейку в ряды рабочего класса Запада. Тезис о том, что научно-техническая революция обеспечила перерождение империализма в общество всеобщей гармонии, в котором прежние классовые антагонизмы оказались якобы автоматически снятыми, положен в основу политики отказа от защиты классовых интересов пролетариата, проводимой правой социал-демократией.

Но исторический опыт бил и бьет фальсификаторов марксизма. Он свидетельствует не только о громадном расширении рядов рабочего класса, но и о том, что рабочее движение вступает в новый этап, когда экономическая борьба трудящихся все более переплетается с политическими выступлениями против всевластия монополий, за социальный прогресс, демократические права, социализм. Это подчеркивает ключевые позиции рабочего класса во всех областях жизни, усиливает мощь его выступлений, служит твердой основой расширения единого антиимпериалистического фронта. «Ряды международного рабочего класса — самого передового революционного класса современности, — говорил Л. И. Брежнев в своем выступлении на XV съезде профсоюзов СССР, — его роль как главной производительной и социально-политической силы во всем мире будут расти и впредь. Вопреки модным антимарксистским теориям о том, будто научно-техническая революция ведет к сужению границ рабочего класса и даже к его ликвидации, реальные факты свидетельствуют о прямо противоположном: научно-технический прогресс повсюду ведет к росту рабочего класса, в том числе за счет новых профессий, порождаемых современным производством».

Накал классовой борьбы повсюду нарастает, подъем рабочего движения становится в ряде стран крупнейшим фактором общественно-политической жизни. В первые 14 послевоенных лет в забастовочной борьбе участвовало 150 млн. человек. В последующие 9 лет, с 1960 по 1969 год, число участников забастовок выросло до 300 млн. Рекордными по размаху забастовочных выступлений были 1970—1972 годы. Ожесточенная борьба против антипрофсоюз-

ного и антистачечного закона, за права трудящихся развернулась в Англии. Несмотря на принятие этого закона, забастовочная борьба английского пролетариата не утихает. Крупнейшая после 1926 года национальная забастовка горняков, начавшаяся в январе 1972 года, закончилась победой трудящихся. Серьезный удар по капиталу нанесла забастовка английских рабочих-транспортников. Всего за 1972 год в Англии произошло 2470 забастовок, охвативших 1714 тыс. человек. По официальным данным, в результате забастовок было потеряно почти 24 млн. рабочих дней — на 76% больше, чем в 1971 году. 1700 тыс. бастующих в США, 8 млн. человек — участников только весеннего наступления 1972 года в Японии, всеобщая забастовка, охватившая 14 млн. человек в Италии в феврале 1972 года¹, — таковы некоторые свидетельства обостряющихся классовых битв в капиталистическом мире. Все развитие событий в современном мире подтверждает правильность вывода московского Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года о том, что в цитаделях капитализма рабочий класс является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы, всего современного демократического, антиимпериалистического движения.

Рабочему классу принадлежит и будет принадлежать главная консолидирующая роль в развитом социалистическом обществе.

Буржуазные идеологи предпринимали и продолжают предпринимать различные попытки фильсифицировать роль рабочего класса при социализме, исказить его сущность как ведущей силы развитого социалистического общества. Социолог Ж. Эллюль в своей «Аутопсии революции» пытается доказать, что поскольку социализм должен осуществить индустриализацию, которая была, по Марксу, делом раннего капитализма, то при социализме неизбежна якобы «пролетаризация масс» и в конечном счете классовая борьба². Аналогичная идея проводится в книге «Социал-капитализм. Критика советской экономики» под редакцией Бу Густафссона, в написании которой приняли участие редакторы журнала «левого» направления «Мансли ревью» П. Суизи и Л. Губерман, английский экономист М. Добб, преподаватель Мэрилендского универ-

¹ «Правда», 15 марта 1973 г.

² J. Ellul, *Autopsia de la révolution*, P., 1969.

ситета США Е. Солганик, директор центра по изучению социалистического планирования при Сорбоннском университете Ш. Беттельхейм. Главный вопрос развития социализма, провозгласили авторы книги, — формирование «эксплуататорского класса». Всюду, где управление народным хозяйством является занятием определенного круга лиц, складывается класс, де-факто владеющий средствами производства и эксплуатирующий остальную массу трудящихся. Отношения собственности при этом не играют решающей роли, ибо такой класс складывается и в странах с частной, и в странах с социалистической собственностью. «Ядром проблемы является политика: новый привилегированный (буржуазный) класс захватил власть в Советском Союзе и в странах Восточной Европы, и объяснение различных аспектов системы должно исходить из этого пункта»¹.

Нетрудно видеть, что подобные заявления являются оборотной стороной теории «постиндустриального» общества и «техноструктуры», подменяющих подлинные признаки класса вопросом о месте той или иной социальной группы в структуре управления общественным производством. Однако если сторонники «техноструктуры» типа Гэлбрейта отрицают процесс эксплуатации в условиях индустриального капиталистического общества и провозглашают целью «техноструктуры» «всеобщее благоденствие», то так называемые «левые» объявляют не буржуазию, а «техноструктуру» новым эксплуататорским классом всегда и повсюду. Выходит, что, если представитель рабочего класса, крестьянства или интеллигенции избирается в состав Совета народных депутатов или назначается на административную должность, он претерпевает немедленное классовое перерождение, превращаясь в «эксплуататора». Подобная антикоммунистическая выдумка затушевывает принципиальное отличие классовой структуры капиталистического общества от социалистического.

Рабочий класс в СССР и других социалистических странах в отличие от эксплуатируемого в условиях капитализма пролетариата вместе со всеми трудящимися своей страны владеет средствами производства, являясь руководящей силой всего общества развитого социализ-

¹ B. Gustafsson (Ed.) Social Kapitalismen. En Kritik av sovjeteconomien, Stockholm, 1971, S. 8.

ма, строящего материально-техническую базу коммунизма.

Решающее место рабочего класса в социалистическом обществе, как подчеркнул Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, определяется не только его численностью, но прежде всего тем, что рабочий класс был и остается основной производительной силой общества, наиболее тесно связан с самой развитой формой общественной собственности — социалистической. Руководящая роль рабочего класса укрепляется в процессе роста его культурного и технического уровня, по мере сближения физического и умственного труда. Свою роль рабочий класс выполняет под руководством Коммунистической партии, что является важнейшим условием решения сложных задач строительства развитого социализма.

Г. Варнке, член Политбюро ЦК СЕПГ, в статье «Рабочий класс — носитель прогресса» подчеркнул решающий вклад рабочего класса ГДР в организацию предприятий с государственным участием, а также преобразование частных промышленных и строительных предприятий в общенародные. Этот процесс завершился в первой половине 1972 года. В ходе преобразований, которые привели к ликвидации последних проявлений эксплуатации труда в Германской Демократической Республике, процент рабочих и служащих, занятых на народных предприятиях, увеличился с 82 почти до 100¹.

На современном этапе коммунистического строительства советский рабочий класс, осуществляя решения XXIV съезда КПСС, направляет свои силы на повышение производительности труда и эффективности производства, на ускорение научно-технического прогресса, развитие всенародного социалистического соревнования под лозунгом: дать продукции больше, лучшего качества, с наименьшими затратами. Достижения рабочего класса СССР в области экономики и культуры, социального обеспечения, охраны прав трудящихся, создание наиболее благоприятных условий для их всестороннего развития, интернационализм советского рабочего класса, проявляющийся в содействии укреплению научно-технического и экономического потенциалов социалистического сотрудничества, в поддержке активной внешнеполитической деятельности КПСС и Советского правительства по реализации

¹ «Правда», 2 ноября 1972 г.

Программы мира, оказывают огромное морально-политическое влияние во всем мире.

Как заявил Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер, «Советский Союз стал путеводной звездой для всего человечества. Он стал надеждой коммунистов, революционеров, классово сознательных рабочих всего мира. Он стал примером, вселяющим уверенность в победе в борьбе за построение нового мира. Так оно было, так оно есть, так оно будет всегда»¹.

¹ Цит. по «Правда», 6 апреля 1973 г.

ПРОБЛЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ — ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Капиталистическое использование научно-технической революции и окружающая среда

Научно-техническая революция современности, подстегивая развитие все более сложного и массового производства, приводит к созданию таких производительных сил, эксплуатация которых влечет за собой целый ряд вредных побочных явлений. Современная промышленность и расточительное использование естественных ресурсов Земли ведут ко все возрастающему загрязнению воздуха и воды. Эрозия почв и уменьшение лесных массивов сокращают площади обрабатываемых земель. Многие виды растений и животных оказываются на грани гибели, и даже рыбные запасы Мирового океана при современных способах добычи кажутся не такими уж неистощимыми, как в недалеком прошлом. Все эти явления, сопровождаемые бурным ростом населения, выдвигают проблему окружающей человека среды в качестве важнейшей проблемы последствий развертывания прогресса науки и техники.

Нарушение равновесия в биосфере и ее загрязнение не знают государственных границ, ибо вредные побочные продукты человеческой деятельности сплошь и рядом распространяются на огромные расстояния, передавая «по цепочке» отрицательные последствия в самых различных сферах жизни.

Защита окружающей среды объективно становится задачей всего человечества. Американский журнал «Нэшнл джиогрэфик мэгэзин» писал в статье «На пути к экологической катастрофе»: «Мы все космонавты, все до одного. Мы летим на космическом корабле под названием Земля, совершающем свое бесконечное путешествие вокруг Солнца. Наш благословенный корабль снабжен системами жизнеобеспечения столь остроумными, что они самообновляются, и столь щедрыми, что они могут удовлетворить потребности миллиардов людей.

Испокон веков мы принимали их как нечто само собой разумеющееся, считали их возможности безграничными. Наконец, мы решили произвести ревизию, и первые же ее результаты внушают глубокую тревогу. Ученые предупреждают, что нам грозит беда. Если мы не перестанем злоупотреблять нашими системами жизнеобеспечения, они попросту откажут. Мы должны следить за их сохранностью, иначе нас ждет наказание, и это наказание — смерть»¹.

Воздух, вода и земля — вот эти системы.

Угрожающие последствия загрязнения окружающей среды для всего человечества все более глубоко осознаются в мире и вызывают растущую озабоченность людей. 11 мая 1971 г. в Нью-Йорке состоялась церемония вручения генеральному секретарю ООН У Тану «Обращения 2200 ученых», представителей 23 стран. Адресованное «трем с половиной миллиардам соседей на планете Земля» обращение предупреждало людей о «небывалой общей опасности, грозящей человечеству». Принимая обращение, У Тан заявил: «Я убежден, что человечество наконец осознало, что на Земле и вокруг нее существует хрупкое равновесие физических и биологических явлений, которое нельзя безрассудно нарушать в ходе нашего все ускоряющегося технического развития. ...Это разделяемое всеми чувство тревоги перед лицом серьезной общей опасности, способной привести к гибели человечества как биологического вида, может явиться именно той силой, которая объединит всех людей. Битву за существование человечества на Земле можно выиграть только единением усилий всех стран мира, которые сплотятся во имя сохранения жизни на нашей планете»².

Опасность кризиса во взаимодействии природы и человека при сохранении современных тенденций развития общества действительно реальна. Но подобная постановка проблемы чрезвычайно обща, ибо она затрудняет ответ на коренной вопрос о том, возможно ли предотвращение этого кризиса. Такой ответ требует выявления всей совокупности причин угрожающего экологического кризиса, не только биологических, технических, демографических и т. д., но и общественных, социальных, а следовательно, и поиска путей преодоления этого кризиса в рамках общей

¹ Цит. по «За рубежом», 1971 г., № 4, стр. 28.

² Цит. по «Курьер», 1971 г., № 7.

модели прогрессивного развития человечества. Однако это отнюдь не означает, что все возможные способы борьбы за сохранение окружающей среды должны быть отложены до победы социализма в мировом масштабе.

В современных условиях классовая позиция и освободительная миссия рабочего класса, всех борцов за социализм состоит уже не только в том, чтобы добиться освобождения труда от капиталистической эксплуатации, но и в объединении усилий прогрессивного человечества на защиту окружающей среды от хищнического расточения ресурсов планеты и нарушения равновесия между природой и человеком.

В «Обращении к народам мира», принятом 22 декабря 1972 г. на совместном торжественном заседании по поводу 50-летия Союза ССР ЦК КПСС и Верховных Советов СССР и РСФСР, говорится: «Все большее значение для человечества приобретает борьба против опасности, связанной с нарастающим ухудшением природных условий, отравлением воздуха, морей и рек, загрязнением городов.

Мы, представители советского народа, обращаемся к народам мира, ко всем людям — независимо от их национальности, вероисповедания и цвета кожи — с призывом объединиться для решения этих назревших проблем»¹. В этом обращении отражен классовый, интернациональный подход к решению острейших проблем современности. Борьба за сохранение окружающей человека среды выступает сегодня как важная составная часть политики мирного сосуществования государств с противоположными общественными системами, последовательно осуществляемой Советским Союзом. Эта политика отвечает коренным интересам всего человечества.

В постановлении апрельского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС говорится: «Пленум ЦК поручает Политбюро и впредь неуклонно осуществлять определенный XXIV съездом КПСС внешнеполитический курс, руководствуясь положениями и выводами доклада товарища Л. И. Брежнева на настоящем Пленуме, бороться за полное претворение в жизнь Программы мира, добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер. Этому во многом будет способствовать продолжение

¹ «Правда», 24 декабря 1972 г.

прямых контактов руководителей нашей партии и государства с представителями других государств на высшем уровне»¹.

Визит президента США Р. Никсона в СССР 22—30 мая 1972 г., его встречи и беседы с Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным, А. Н. Косыгиным явились переломным моментом в истории советско-американских отношений послевоенного периода. Переговоры, прошедшие в Москве, и подписанные в результате этих переговоров соглашения заложили основу как для улучшения политической обстановки, так и для развертывания сотрудничества в различных областях в интересах народов обеих стран и всеобщего мира и безопасности. Фундаментом развития отношений на принципах мирного сосуществования стал документ «Основы взаимоотношений между СССР и США».

Важное место среди подписанных в Москве документов заняло Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды, означающее конкретный шаг к переходу от признания принципов мирного сосуществования к совместным усилиям на благо народов всего мира.

Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды между СССР и США, подготовка аналогичного соглашения между СССР и ФРГ являются важным свидетельством того, что крупнейшие индустриально развитые державы мира, несмотря на различия общественного строя, приходят к выводу о необходимости конкретизации принципов мирного сосуществования рядом новых моментов, выдвигаемых жизнью, о поиске реальных и осуществимых мер по защите окружающей среды, исходя из того, что природная среда представляет собой единое целое, где вредные побочные продукты человеческой деятельности могут покрывать весь земной шар.

Разработка ряда общих мер по защите окружающей среды лежит в русле курса мировой системы социализма на мирное сосуществование государств с противоположным общественным строем. Намечаемые в этом плане согласованные действия отнюдь не свидетельствуют об отказе от классового подхода к данной проблеме, об «идеологической конвергенции» в связи с необходимостью общих действий по защите окружающей среды.

¹ «Правда», 28 апреля 1973 г.

Новые тенденции в международных отношениях, важный перелом в мировой политике в сторону разрядки и укрепления мирного сосуществования определяются крепнущей силой социалистического содружества и вынужденной необходимостью империализма приспособляться к современным международным реальностям, а отнюдь не гуманистическими порывами империалистических стратегов и идеологов, не отказом их от собственной социальной сущности.

В этой связи проблема окружающей среды, исследуемая с пролетарских, классовых позиций, выступает как проблема выявления главных источников загрязнения окружающей среды и нарушения равновесия между человеком и природой, имеющая не только технический, но главным образом социальный характер; проблема возможности определенных согласованных действий в рамках политики мирного сосуществования, не решающих, однако, коренным образом задачу сохранения окружающей среды во всем мире; и наконец, проблема перспектив решения этой задачи в русле главного направления прогрессивного развития человечества — перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе.

Идеологи монополистического капитала рассчитывают использовать объективные требования времени в своих узкокорыстных интересах, представить серию мер в области научно технического сотрудничества и защиты окружающей среды как «отказ» социализма от классового подхода и идеологических принципов. В этом плане мы сталкиваемся с новым, более замаскированным вариантом теории «конвергенции». Если в 60-е годы теория «конвергенции» была прямо рассчитана на «идеологическую эрозию» социализма, ослабление и подрыв его социально-политических основ, ибо ее исходным тезисом выступало «требование» в адрес социализма отказаться от марксистско-ленинской идеологии и руководящей роли партии как якобы неперемennого условия «слияния двух систем», то в настоящее время она значительно модернизировалась, сохранив свою антисоциалистическую сущность. Сторонники новейшего варианта теории «конвергенции», выступая якобы с позиций учета технического прогресса, утверждают, будто надвигающийся кризис окружающей среды, вызванный самим процессом индустриализации независимо от его общественно-социальных форм, в качестве императива требует отказа от классового подхода к

отношениям между государствами противоположных общественных систем, отказа от борьбы за укрепление социалистического общества и социалистическое переустройство мира ради спасения самой планеты людей. Подрывной, антисоциалистический характер этого варианта «конвергенции» опасен не только в силу его псевдообъективного характера, но и в связи с тем, что он спекулирует на реальных и тревожных фактах.

В этой связи важное значение приобретает вопрос о том, каковы же в современных условиях главные социальные источники загрязнения окружающей среды и других экологических проблем, представляющих действительную опасность для всего человечества.

Марксистско-ленинская точка зрения на эти вопросы нашла широкое отражение на международном симпозиуме «Марксизм-ленинизм и проблемы сохранения окружающей среды», организованном 29—31 марта 1972 г. редакцией журнала «Проблемы мира и социализма». Общей платформой представителей коммунистических и рабочих партий из 36 стран, принявших участие в симпозиуме, был тезис о том, что отношение к природе — это объект острой идейной борьбы, ибо кардинальное решение экономических проблем способна дать только плановая, социалистическая система хозяйства.

Капитализм, основанный на принципе погони за прибылью, проявляет свой разрушительный характер и в хищническом загрязнении окружающей среды. Поэтому, как подчеркнул член Президиума Правления ГКП И. Ангенфорт, «борьба за сохранение среды во всех фазах — классовая борьба. Появляется еще одна возможность подвести массы к созданию широкого антимонополистического союза под руководством рабочего класса»¹. Социалистическая революция выступает как защитница производительных сил от капитализма, ибо в противоположность разрушительной тенденции капиталистического общества ей присущи элементы «реставрации» и «консервации».

С научно-техническим прогрессом отношение человека к среде становится качественно новым, но определяющая роль остается за производственными отношениями и отношениями властей².

¹ «Проблемы мира и социализма», 1972 г., № 6, стр. 17.

² Там же, стр. 13.

Проблема загрязнения окружающей среды отражает коренные противоречия буржуазного строя: здесь сталкиваются стремления крупного капитала получить максимальные прибыли и заинтересованность миллионов людей в сохранении здоровья и шансов выжить. Поэтому экологическая политика может стать одной из основ новой фазы борьбы за мирное сосуществование.

Использование монополиями плодов научно-технической революции и возможностей высокоорганизованной индустрии в узкокорыстных целях безудержной наживы порождает в современных условиях целый ряд факторов, представляющих реальную угрозу самому существованию человечества.

Речь идет прежде всего о систематическом наращивании империализмом запасов оружия невиданной разрушительной силы. «Если положение не изменится, — говорил профессор Калифорнийского университета Стеббинс, — то в пещерных погребах гор Манзано, на расстоянии часа езды от старого города индейцев Альбукерке (штат Нью-Мексико), могут оправдаться все самые мрачные прогнозы». Там хранится столько водородных бомб, что ими можно поднять на воздух всю планету.

Еще в 1945 году Эйнштейн пришел к выводу, что, если человечество хочет уцелеть, верх должен одержать «новый образ мыслей».

Катастрофические последствия наращивания ядерного сружия осознаются всеми прогрессивными учеными мира. Крупнейший американский ученый-биолог Б. Коммонер, ведущий специалист в области экологии, в книге «Круг замыкается (природа, человек и техника)» привлекает внимание к последствиям загрязнения окружающей среды для всего человечества. В исследовании Коммонера совершенно справедливо на первое место по опасным последствиям ставится гонка вооружений. Автор активно подчеркивает принципиальную «непригодность» ядерного оружия, последовательно выступая в поддержку договора о запрещении ядерных испытаний. Подписание этого договора было расценено Коммонером как первая победа в борьбе за спасение окружающей среды от разрушительного влияния научно-технического прогресса¹.

Ни Эйнштейн в 1945 году, ни Коммонер в 1971 году,

¹ B. Commoner, *The Closing Circle (Nature, Man and Technology)*, N. Y., 1971, p. 56.

как и многие другие западные ученые, не дают социального анализа причин угрозы ядерной войны. Отказываясь стать на марксистскую точку зрения о перспективах общественного прогресса, они остаются в плену иллюзий буржуазного демократизма.

Исторический опыт, однако, наглядно показал человечеству, что лишь социалистическая система способна преградить дорогу агрессивным устремлениям империализма. Именно социализм, прежде всего Советский Союз, служит сегодня главной опорой мира и дает людям обоснованную надежду на то, что ужас термоядерной катастрофы может быть предотвращен объединенными усилиями борцов за мир, социальный прогресс, социализм. В наше время этот факт настолько очевиден, что даже апологеты империализма не в силах отрицать стремление социалистических стран к упрочению мира и международной безопасности. В то же время они продолжают предпринимать различные попытки, рассчитывая снять с империализма ответственность за гонку вооружений.

Широкое мирное дипломатическое наступление Советского Союза после XXIV съезда КПСС, как назвала западная печать серию важных советских инициатив по реализации Программы мира, значительно оздоровило международную обстановку. Огромную роль в этом сыграли советско-американские, советско-французские и советско-западногерманские встречи и переговоры на высшем уровне, подписанные в их результате соглашения.

Выступая 23 июня 1973 г. на встрече с представителями деловых кругов США, Л. И. Брежнев подчеркнул, что длительный период «холодной войны» породил невиданные по своим разрушительным возможностям вооружения — ядерное оружие, «которые могут уничтожить миллионы людей, уничтожить многое из того, что на протяжении стольких лет создавалось упорным трудом народов»¹.

Реально мыслящие государственные и политические деятели США не могли не признать того факта, что социалистические страны, выступая согласованно, добились крупных внешнеполитических успехов в борьбе за упрочение мира и безопасности народов. Именно трезвая оценка объективных факторов развития международной обстановки привела к тому, что в речи, произнесенной при

¹ «Правда», 24 июня 1973 г.

вступлении на должность в январе 1969 года, президент США Р. Никсон отметил настоятельную необходимость американско-советского взаимопонимания. Его визит в СССР в мае 1972 года и переговоры на высшем уровне привели к важнейшей для судеб человечества договоренности о политическом сотрудничестве в области предотвращения ядерного столкновения. Начало этого сотрудничества было положено подписанием Договора об ограничении систем противоракетной обороны и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. В докладе американского Агентства по разоружению и контролю над вооружением, направленном 9 апреля 1973 г. президентом Р. Никсоном конгрессу, отмечалось, что московские соглашения об ограничении стратегических вооружений «беспрецедентны в ядерном веке: впервые две крупнейшие ядерные державы согласились проявлять взаимную сдержанность в отношении своих главных стратегических систем вооружений». Эти соглашения, отмечалось в докладе, явились «зримым свидетельством того, что обе страны признают необходимость работать вместе для того, чтобы сдерживать опасную и дорогостоящую гонку стратегических вооружений»¹.

Последовавший период полностью подтвердил реальность курса на дальнейшее ограничение вооружений, начатого на московских переговорах. Так, председатель сенатской комиссии по делам вооруженных сил Стеннис заявил: «В длительной перспективе мы сэкономим средства в результате этих соглашений. Однако соглашения обещают стать чем-то гораздо большим, чем просто мерой по облегчению бремени для американского налогоплательщика. Они обещают начало контроля над вооружениями... в ядерный век... Сейчас самое время для крупных держав мира предпринять шаги по сокращению своих ядерных вооружений таким образом, чтобы другие нации, обладающие угрожающим потенциалом, могли быть вовлечены в сеть контроля над вооружениями». Стеннис подчеркнул свою уверенность в том, что советско-американские соглашения «окажутся зародышем — началом того, что в конечном итоге превратится... в определенного рода общемировые ограничения, касающиеся ядерного оружия».

¹ Цит. по «Правда», 30 мая 1973 г.

Принятая XXVII сессией Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе Советского Союза резолюция о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия является дальнейшим развитием того движения в направлении уменьшения военной и ракетно-ядерной угрозы в мире, начало которому было положено советско-американскими соглашениями¹.

Огромным историческим событием, как справедливо писала мировая печать, явилось подписанное во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США в июне 1973 года Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. В этом соглашении отмечается, что СССР и США, руководствуясь целями упрочения мира и международной безопасности, сознавая, что ядерная война имела бы опустошительные последствия для человечества, соглашаются, что они будут действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасные обострения их отношений, избежать военных конфронтаций и исключить возникновение ядерной войны между каждой из сторон и другими странами.

Мировая общественность по праву расценивает это соглашение как решающий шаг на пути создания такой обстановки, которая навсегда исключает возможность ядерного столкновения между наиболее сильными державами в мире и предотвращает возможность ядерного конфликта с участием других стран.

Интернациональный, классовый подход Советского Союза и других социалистических стран к решению этой важнейшей проблемы состоит в том, что при заключении международных соглашений с США и другими капиталистическими странами по вопросам ограничения и сокращения вооружений и вооруженных сил речь идет о создании оптимальных условий для состязания двух систем на рельсах мирного соревнования и сотрудничества во имя предотвращения глобальной термоядерной катастрофы.

Капиталистический способ использования достижений современной науки и техники породил в наше время наряду с опасностью ядерной войны целый ряд других тревожных проблем, влекущих за собой в перспективе угро-

¹ См. «Правда», 5 июня 1973 г.

зу существованию человека. Все большие масштабы приобретают заражение окружающей среды, хищническое использование природных ресурсов, рост народонаселения, скученность десятков миллионов людей в городах, непригодных для нормального житья, и т. д.

Не является ли экономический прогресс причиной катастрофы, назревающей над человечеством? Этот вопрос, который еще несколько лет назад казался бы абсурдным, сегодня стал чуть ли не основной темой размышлений буржуазных ученых самых различных специальностей — от экономистов и философов до физиков и биологов. Приводимые ими соображения достаточно серьезны и требуют самого пристального внимания. Однако лишь марксистско-ленинская методология анализа общественных явлений способна выявить их реальное содержание и неизбежно присущую буржуазному мировоззрению историческую ограниченность. В. И. Ленин подчеркивал, что марксизм требует «именно сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям»¹.

Без такого «сведения» выявление подлинных истоков новейших буржуазных концепций о перспективах общественного прогресса неизбежно заходит в тупик.

Смысл различного рода буржуазных теорий о характере современного общественного развития сводится к тому, что научно-техническая революция превращается в неконтролируемый процесс, воздействие которого на человечество ведет к неожиданным и катастрофическим результатам. Как отмечает Э. Боулдинг, экологическая футурология, мыслящая в планетном масштабе, предполагает, что технология будущего, основанная не на механических, а на более эффективных, биологических процессах, приобретает замкнуто циклический характер (концепция: «Земля — космический корабль»)².

Но пока этого нет, наиболее опасным результатом использования современной техники провозглашается растущее ухудшение окружающей человека среды. Западногерманский журнал «Шпигель» в статье под названием «Что отличает человека от свиньи?» писал: «Чувство страха вызвало к жизни науку, которой ранее не было, — экологию, науку об окружающей среде. Представители этой новой отрасли знания во всеуслышание объявили,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 414.

² «The Teilhard Review». L., Febr., 1972, vol. 7, No 1, pp. 12—33.

что экономический и технический прогресс в конечном счете опасен для жизни»¹. Такая постановка проблемы абстрактна. В этой связи нельзя не согласиться с классовой точной формулировкой журнала «Кайе дю коммунизм»: «Кризис окружающей среды, или кризис капиталистической экономики».

О той угрозе, которую несет человечеству капиталистическая эксплуатация природных ресурсов и человеческого труда, предупреждали К. Маркс и Ф. Энгельс, хотя они и не могли предвидеть современных масштабов развития этих процессов. К. Маркс подчеркивал: «Культура,— если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню»². Несмотря на громадное расширение сферы государственно-монополистического капитализма, масштабов государственно-вмешательства в экономическую область и развитие его регулирующей роли, капиталистический способ производства в основе своей остается анархичным, стихийным, где тенденция к плановости наталкивается на узкокорыстные интересы, преследуемые монополиями в борьбе за рынки сырья, приложения капиталов, сбыта продукции. Именно поэтому «культура», по выражению К. Маркса, в конечном счете в условиях современного капитализма развивается так же стихийно, как и сотню с лишним лет назад, грозя оставить и оставляя после себя «пустыню».

В своей знаменитой работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс указывал на то, что и в прошлом, когда дело шло о погоне за непосредственной выгодой, воздействие человека на природу приводило к отрицательным последствиям. «Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни высокогорного скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливать на равнину тем более бешеные потоки». В качестве другого примера Ф. Энгельс ссылается на испанских плантаторов на Кубе, выжигавших леса на склонах гор и получавших в золе от

¹ «Der Spiegel», 1973, Nr. 2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 45.

пожара удобрение, которого хватало на одно поколение очень доходных кофейных деревьев. «...Какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы!»

По мере возрастания силы воздействия человека на природу вредные побочные продукты человеческой деятельности все шире распространяются и во времени и в пространстве. Любая экономическая деятельность, преследующая цель непосредственной рентабельности, а деятельность капитализма основана исключительно на такой цели, вступает в глубокое противоречие с научным использованием окружающей среды. Говоря о капитализме, Ф. Энгельс делает вывод: «При теперешнем способе производства как в отношении естественных, так и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный результат. И при этом еще удивляются тому, что более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этого результата, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными ему»¹.

На протяжении XIX — первой половины XX веков буржуазные идеологи исходили в своих апологетических концепциях из представления о том, будто промышленное развитие и рост технических знаний сами по себе ведут к общему повышению благосостояния и сглаживанию социальных полюсов. Сегодня идеологи монополий, пытающиеся снять с империализма ответственность за преступления перед человечеством, взваливают вину за порожденные им экологические проблемы на сам процесс развития промышленности и техники. Именно в этом плане дается подборка «угрожающих» фактов на страницах буржуазной периодической и научной печати. Однако анализ их причин и последствий в условиях экономического роста, стимулируемого научно-технической революцией, может быть дан лишь на базе марксистско-ленинской методологии изучения исторически определенных способов производства.

Научно-технический прогресс в рамках капиталистических производственных отношений, частнокапиталистической собственности может привести и уже ведет чело-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 499.

вечество к трагическим последствиям. Капиталистическая система общественных отношений ведет к хищническому расточению природных богатств, их систематическому перерасходу в результате перепроизводства, использованию технологии по достижению непосредственной рациональности без учета долговременных побочных последствий, стихийной урбанизации и т. д. Именно эти факторы капиталистического развития производства или экономического роста в первую очередь ведут к загрязнению биосферы.

Капитализмом же, насажденным им в интересах максимизации прибыли международным разделением труда порождены и такие элементы «экологического кризиса», как недоедание и голод огромной части населения в странах «третьего мира» и другие бедствия.

В работах ряда буржуазных ученых, пытающихся объективно разобраться в истоках назревающего экологического кризиса, проскальзывает понимание того, что проблемы экологии связаны не только с техническим развитием современных индустриальных стран или демографическими факторами, но и вытекают из социальных отношений, существующих в современном мире. Причем к такому выводу приходят не только ученые типа биолога Б. Коммонера или «ультралевые» критики капитализма вроде Ч. Рейча, но и некоторые откровенные апологеты империализма, бьющие тревогу по поводу того, что отказ от понимания социальной обусловленности экологического кризиса и выработки контрмер на базе капиталистической системы может ускорить ее крах в целом.

Так, в своем исследовании «Круг замыкается» Б. Коммонер считает основным фактором растущего загрязнения окружающей среды не «демографический взрыв», а научно-техническую революцию, ведущую к «взрыву цивилизации». Однако он недвусмысленно отвергает призывы затормозить экономический рост вообще, подчеркивая, что не всякий экономический рост ведет к ухудшению окружающей среды. «Кризис окружающей среды является неизбежным результатом антиэкологического типа экономического роста»¹, — подчеркивает он. В этом подходе отражается понимание социальной природы проблемы экологического кризиса. Говоря об экономическом значении экологии, Коммонер показывает, что проблема сохра-

¹ B. Commoner, *The Closing Circle (Nature, Man and Technology)*, p. 177.

нения окружающей человека среды приобрела универсальный, всемирный характер, она важна для всех, в том числе и социалистических стран. Научная добросовестность вынуждает его признать, что мероприятия Советского правительства по введению более строгого экологического контроля над промышленным планированием раскрывают большие преимущества социализма перед частнокапиталистической системой, ибо социалистическая экономика не отрывает рост производительных сил от окружающей среды¹.

Проблема социального аспекта экологии поднимается даже в работах безусловных сторонников капитализма. Например, профессор школы администрирования при Дортмутском колледже Дж. Б. Куинн в статье «Следующая крупная отрасль: улучшение среды» стремится доказать, что в рамках частнокапиталистической системы отрасль, обеспечивающая «улучшение качества жизни», может способствовать росту национального богатства, занятости и прибыли корпораций. Уверая бизнесменов в выгодности развития этой отрасли, он, тем не менее, подчеркивает, что эта проблема станет важнейшим стратегическим вопросом ближайших десятилетий, вопросом жизни и смерти капитализма. Компании столкнутся с необходимостью «отвечать эффективно на требования общества», иначе «прерогативы частного предпринимательства будут сметены или существенно изменены»²,— делает вывод Куинн.

Немалое место занимают экологические проблемы и в упоминавшейся книге Ч. Рейча «Молодая Америка». Как писал Рейч, техника в союзе с государством эксплуатируют и разрушают природные богатства; даже пытаясь восполнить причиненный ущерб, они могут предложить лишь суррогат, создать искусственную среду, которая действует на людей угнетающе. Жизнь в современной квартире, где человек оторгнут от природы и общества, столь же противопоказана его природе, как и быстрый темп изменений, шум, загрязнение атмосферы и воды. Хотя «экологические потребности» человека еще мало изучены, есть все основания предполагать, что именно

¹ См. В. Commoner, *The Closing Circle (Nature, Man and Technology)*, pp. 280—281.

² «*Harvard Business Review*», Boston, Sept.—Okt., 1971, vol. 49, No 5, p. 128.

в их неудовлетворенности, в нарушении психо-физического равновесия — один из главных источников душевных и нервных заболеваний, неуверенности и недовольства. По мнению Рейча, «позитивное» воздействие техники на среду таит в себе не меньше опасностей, чем «негативное». Государство же, а речь идет именно о буржуазном государстве, может использовать свою власть не только для блага народа, но и против него, если этого требуют политические цели¹. Однако подобные полупризнания не дают четкого представления о социальной сущности проблемы.

В марксистской литературе данный вопрос находит последовательное и научное отражение².

В 1971 году Подкомитет по науке и технике Коммунистической партии Великобритании провел несколько дискуссий по проблемам загрязнения и истощения окружающей среды, на основе которых были выработаны предложения, представленные на рассмотрение Королевской комиссии по вопросам загрязнения окружающей среды. Журнал «Марксизм тудэй» опубликовал ряд материалов, посвященных данным проблемам. Интерес представляет статья Р. Хэйтера и Дж. Кокса «Кризис человека и окружающая среда». Связан ли кризис окружающей среды с той или иной общественной системой производства и каковы пути его преодоления — так ставят вопрос авторы этой статьи. Процесс нарушения равновесия в использовании природных ресурсов, отмечают они, шел постепенно, но достиг своей кульминации с приходом капитализма. Анархия капиталистического производства с его мотивом погони за прибылью стала бедствием не только для рабочего класса, но и для окружающей человека природы. Поэтому кризис окружающей среды, почти повсеместно достигший своей крайней точки, совпал с последним этапом кризиса капитализма, он неотделим от капитализма и является его неотъемлемой частью³. Авторы делают вывод, что только социализм, победивший во всем мире, создает возможность планировать рациональное использование мировых ресурсов.

Многие буржуазные экономисты видят факты угрожающих последствий капиталистического использования

¹ C. h. Reich, *The Greening of America*, p. 175.

² См. «Проблемы мира и социализма», 1972 г., № 6, стр. 10—22.

³ «Marxism Today», 1971, vol. 15, No 9, p. 263.

прогресса науки и техники. Но, отрицая социалистическую альтернативу, они выдают эти факты за порождение процесса индустриализации вообще.

Проблемами «экологического кризиса» занимается огромная армия ученых самых различных специальностей во всех странах мира. В последнее время эта проблема стала одной из центральных для буржуазных экономистов. В 1972 году повсеместное внимание привлекла гипотеза группы проф. Медоуза из Массачусетского технологического института (США). Эта группа, работавшая под эгидой «Римского клуба» — неправительственной международной организации, опубликовала книгу «Пределы роста», в полемике вокруг которой явственно обнаружились точки зрения представителей различных группировок монополистической буржуазии — от откровенно правых до маскирующихся в тогу либерализма. Представления о них дают соответствующие публикации в английской «Гардиан», французской «Нувель обсерватер» и американском журнале «Ньюсуик»¹.

Сама идея «пределов роста» исходит из того факта, что растущая сила воздействия человека на природу ведет к невиданному прежде накоплению отрицательных последствий, создающих в определенной точке качественный, необратимый перелом, после которого цивилизация окажется в безвыходном тупике. Данные о катастрофически быстром приближении человечества к этой границе выглядят весьма убедительно. Еще в 1969 году проф. Дж. Платт писал в журнале «Сайенс»: «За последние 100 лет мы увеличили в 10 млн. раз скорость связи, в 100 раз скорость передвижения, в 1 млн. раз скорость записи, в 1000 раз наши энергетические ресурсы, в 1 млн. раз мощь нашего оружия, а наша степень размножения в 100 раз превосходит то, что было несколько тысячелетий назад».

Буржуазные экономисты рассматривают последствия прогресса науки, техники и производства лишь в технико-экономической плоскости, игнорируя его социальные формы. Тем самым они возлагают вину за кризис среды на технический прогресс и промышленное развитие вообще, маскируя тот факт, что этот кризис порожден прежде всего самой капиталистической системой.

¹ «Guardian», March 6, 1972; «Newsweek», March 27, 1972.

Данный ими технико-экономический анализ результатов научно-технической революции приводит к чрезвычайно тревожным выводам. Основные аспекты «экологического кризиса» рассматриваются обычно в следующих направлениях.

Большую тревогу экологов вызывает исчерпание невозполнимых природных ресурсов где-то в начале следующего столетия. Расчеты ряда ученых говорят о том, что при ежегодном росте продукции черной металлургии на 3% известные запасы железа будут исчерпаны через 73 года, залежей ртути хватит лишь на 10 лет, свинца — на 15, цинка — на 18, золота — на 17, серебра и платины — на 20 лет, запасы олова кончатся через 25 лет, а меди — через 40 лет.

В упоминавшейся статье Хэйтера и Кокса приведены не только данные о растущем загрязнении окружающей среды, но и расчеты о кризисе природных ресурсов. Например, авторы считают, беря за точку отсчета 1968 год, что известные мировые запасы каменного угля в перспективе, исходя из существующих норм потребления, могут эксплуатироваться в течение 800 лет, неочищенной нефти — 35, натурального газа — 27, урана-235 — 26, железа — 600, меди — 50, свинца — 28, алюминия — 200 лет. Однако с учетом современной тенденции роста населения эти сроки сокращаются соответственно до 90, 20, 15, 80, 24, 15 и 60 лет, а с учетом возможности того, что весь мир достигнет среднего уровня жизни, существующего сегодня в США, эти же сроки были бы сведены до 10; 2,2; 2; 8; 3; 2 и 6 лет¹.

Промышленные методы сельского хозяйства ведут к резкому сокращению пригодных для обработки земель, уничтожению лесных массивов, увеличению площади пустынь. Достаточно напомнить, что за период с 1882 по 1952 год 15% всех обрабатываемых земель стали непригодны для эксплуатации, 38,5% обрабатываемых земель наполовину утратили свой перегной, а площадь пустынь увеличилась на 1,5 млрд. га, то есть на 1/4 нынешней площади обрабатываемых земель.

Одним из главных аспектов «экологического кризиса» считается все увеличивающееся загрязнение окружающей среды промышленностью в самых различных на-

¹ R. Hayter and J. Cox, *The Crisis of Man and Environment*, «Marxism Today», 1971, vol. 15, No 9, p. 266.

правлениях: это и нарушение энергетического баланса планеты, и засорение планеты промышленными отходами, и отравление вод рек и океанов, и заражение атмосферы и т. д. Ведь стронций-90 и цезий-137 содержатся сегодня во всех почвах, всех океанах и даже в подпочвенных водах, а их радиоактивность не уменьшается и наполовину за 27—30 лет. Другой пример. Только в 1971 году из почв, обработанных ДДТ, в океан проник 1 млн. тонн этого невероятно вредного для живых организмов химиката. «Мы убиваем море», — сетует «Нью-Йорк таймс мэгэзин». Поток подобных материалов нарастает как снежная лавина.

Биолог П. Эрлих предсказывает, что к 1980 году океаны вымрут, так как рыбные запасы моря будут истреблены. Заражение морей приобретает огромные масштабы. Главными канализационными трубами, по которым в океан попадает все больше загрязнений, являются реки. Отбросы, грязь и пена, металлы и кислоты в заводских сточных водах, ядовитые химикаты и удобрения, токсические нефтепродукты, вредные жидкости — все это выносятся в море. Так, подсчитано, что каждый год реки выносят 2,5 млн. т свинца, в 13 раз больше, чем давала бы сама природа. Промышленные предприятия по берегам добавляют в воду свои ядовитые загрязнения. Реки превращаются в канализационные трубы. В статье «Реки Франции отравлены», опубликованной журналом «Нувель обсерватор», говорится: «...20 тыс. т вредных отходов ежедневно выливается в реки, которые превратились для промышленников в сточные каналы под открытым небом, недорогие и практичные. Воды, которые когда-то были животворными, теперь содержат ртуть, цианистые соли, фтор или марганец, каустическую соду или углеводороды, слизистые отходы молочного производства или кровавые струи с боев. Воды нашей Арвы пахнут хлором, а Марны — фенолом. Воды в Дёи представляют собой какое-то грязное месиво, где непрерывно лопаются пузырьки зловонного газа, а жители Лилля говорят уже не в шутку, что они могут использовать эту воду вместо антифриза»¹. Та же картина во всех индустриально развитых капиталистических странах: США и Канаде, Англии и ФРГ и т. д. Поверхность океанов все более заражается нефтью. Мировое производство нефти приближается к 2 млрд. т,

¹ «Le Nouvel Observateur», 26 fév., 1973.

и 60% ее перевозится на судах. Нефть попадает в воду из нефтеперегонных заводов, бурильных установок, в результате аварий танкеров и преднамеренного сбрасывания нефтяных остатков с танкеров при промывке баков. Имеющиеся против этой нефтяной заразы средства пока ядовитее, чем сама нефть.

Отравление поверхности океана убивает фитопланктон — совокупность свободно плавающих растительных и животных организмов, — производящий 70% кислорода в земной атмосфере. Но над атмосферой нарастает угроза не только с этой стороны.

Некоторые специалисты предсказывают в будущем катастрофы, граничащие по своим последствиям с картинами научной фантастики. Одни угрожают человечеству тропической жарой, другие — новым ледниковым периодом. Пророки жары ссылаются на то, что растущее в огромных масштабах потребление энергии уже сейчас ведет к нагреву Земли отработанным теплом; потребители и производители энергии в 1969 году выбросили дополнительно в атмосферу еще 15 млрд. т двуокиси углерода — газа, который тормозит отдачу тепла в космос. По подсчетам специалистов, если потребление и производство энергии будут возрастать прежними темпами, то ровно через 203 года и 6 месяцев температура на Земле повысится вдвое, и ледники на полюсах растают, что приведет к всемирному потопу. Между тем пророки холода видят другую перспективу: загрязнение окружающей среды отходами промышленного производства и смог ведут, по их мнению, к тому, что солнечные лучи не смогут с достаточной эффективностью попадать на Землю, в результате чего наступит оледенение планеты.

Более близкая угроза — смог, висящий над крупными капиталистическими городами. Из 200 млн. т ядовитых газов, ежегодно попадающих в воздух, около 95 млн. т приходится на автомобили. Промышленные предприятия и электростанции выпускают в воздух еще около 50 млн. т пепла и 26 млн. т окисей серы. Во Флориде, например, фтористые соединения из дыма фосфатных заводов попадают в организм домашних животных. Они настолько сильно разъедают кости крупного рогатого скота, что животные не в состоянии держаться на ногах.

Американские космонавты корабля «Аполлон-10» увидели с высоты 25 тыс. миль Лос-Анджелес в виде грязного пятна. Пилоты пассажирских самолетов, по сообщени-

ям печати, рассказывают, что коричневые испарения, которые видны с расстояния в 70 миль, поднимаются в воздух почти над каждым крупным американским городом. «То, что сейчас вдыхают американцы, — писал журнал «Тайм», — гораздо ближе к обычной грязи, чем к воздуху в общепринятом смысле этого слова».

США, как подчеркнул представитель компартии США в журнале «Проблемы мира и социализма» Ф. Барт, — крупнейший международный эксплуататор мировых ресурсов и разрушитель природы. «Вклад» США в общее загрязнение планеты составляет примерно 40%¹. Каждый год предприятия США выбрасывают 165 млн. т твердых отходов и выпускают в воздух 172 млн. т дыма и копоти. Даже американская печать подчеркивает, что, с точки зрения отравления биосферы, США несут на себе очень тяжелую ответственность. Хотя на долю Соединенных Штатов приходится всего 5,7% населения земного шара, американцы поглощают 40% природных ресурсов, добываемых в мире. Загрязнение воды, почвы и воздуха, по предсказаниям специалистов, в недалеком будущем, возможно, станет необратимым. Но монополии не желают считаться с этими фактами, продолжая хищнически эксплуатировать окружающую среду в погоне за прибылью.

К законам бизнеса, отравляющим среду и грабящим природные ресурсы, обращаются с призывами «осознать ответственность перед человечеством». Между тем главные отравители среды — корпорации твердят, что меры против загрязнения обходятся слишком дорого или технически «невыполнимы». Откровенные апологеты американского империализма всячески пытаются снять с монополий ответственность за загрязнение окружающей среды.

Все более остро стоит проблема урбанизации — роста огромных городов с невероятной скученностью населения. В 1967 году в городах мира проживало 50% населения Земли, а к 2000 году, как считает западная печать, горожанами станут уже 90% всего населения. «Сансан, Джеммай, Чипиттс, Босваш... Эти города существуют. Это самые большие города в мире», — писал недавно журнал «Пари матч». Сансан — город в Калифорнии. Он простирается от Сан-Франциско до Сан-Хосе, ядром его является Лос-Анджелес. В 2000 году он будет насчитывать

¹ «Проблемы мира и социализма», 1972 г., № 6, стр. 21.

44 млн. жителей. Но гигантские городские массивы все менее пригодны для жизни человека, они заваливаются промышленными и бытовыми отходами, небо над ними отравлено смогом. Уже сейчас над Нью-Йорком постоянно висит ядовитое облако, выливающее ежегодно на город более 3 млн. т копоти, газа и химикатов. Человек, подчиняемый бездушной машине капиталистического производства, запертый в отравленных городах, испытывает вдобавок ко всему постоянное вмешательство в свою психику. Фармацевтические концерны наращивают сбыт различных снотворных и болеутоляющих средств, непрерывно увеличивая свои прибыли, но возможные психосоциальные последствия постоянного употребления таких лекарств никого в условиях капитализма не интересуют.

В 1971 году в послании президента США о проблемах городов признавалось, что в США существуют острая нехватка жилищ, наличие огромного числа пустующих и приходящих в упадок зданий, что многие акры земли в городах заняты под пустырями, тогда как 24 млн. американцев живут в неудовлетворительных условиях. «Многие из наших центральных городов, — писал президент, — некогда являвших собой символ жизнеспособности и благоприятных возможностей, сейчас стали местом разочарования и упадка». Но программа финансирования городов не решает острейшей проблемы, связанной с объективными законами капиталистической системы.

Однако, как утверждают экологи, загрязнение окружающей среды — далеко не единственная причина, угрожающая человечеству гибелью.

Буржуазные демографы бьют тревогу по поводу быстрых темпов роста народонаселения, численность которого в 1970 году составила 3,6 млрд. человек. При существующем темпе роста в 2,1% численность населения на Земле будет удваиваться каждые 33 года, в результате чего, пророчествуют демографы, растущее бурными темпами человечество скоро «обглодет планету дочиста»¹. В качестве обоснования этого вывода экологи ссылаются на то, что современные промышленные методы сельского хозяйства ведут к резкому сокращению пригодных для обработки земель.

Предложенный группой проф. Медоуза путь выхода из экологического тупика наглядно отразил классовую

¹ См. «The Limits to Growth», N. Y., 1972, p. 34.

пристрастность и буржуазную ограниченность технико-экономических методов анализа. В опубликованной группой работе говорится: «Если нынешние тенденции роста мирового населения, индустриализации, загрязнения среды, производства продуктов питания и растраты невозполнимых ресурсов останутся неизменными, пределы роста на этой планете будут достигнуты в течение первых лет следующего столетия...

Возможны такие тенденции роста и создания условий экологической и экономической стабильности, которые предотвратят отрицательные последствия в будущем»¹. Для реализации спасительной альтернативы группа Медоуза предлагает компьютерную модель глобального равновесия общественной системы в мировом масштабе, основанную на сокращении роста населения путем жесткого контроля над рождаемостью и уравнивания в 1975 году темпов рождаемости и темпов смертности, и стабилизации промышленного капитала посредством уравнивания темпов инвестиций и амортизации, сокращения потребления невозобновляемых ресурсов, переключения усилий производства в сферу услуг, обеспечения максимального срока использования производимой продукции и т. д. «Таким образом, — заключают авторы книги, — главное определение состояния глобального равновесия сводится к тому, что население и капитал являются в основном стабильными, а силы, ведущие к их росту или сокращению, находятся в состоянии тщательно контролируемого баланса»².

В моделях показательного роста, разработанных группой Медоуза, выведены количественные результаты различных видов человеческой деятельности — от использования удобрений до роста городов. Количество обнаруживает показательный рост тогда, когда оно увеличивается на постоянный процент в постоянную единицу времени. Кривые показательного роста подводят к выводу о неизбежности таких поразительных результатов, как кажущаяся внезапность, с какой рост приближается к установленному пределу. Но кривые показательного роста проф. Медоуза полностью отвлекаются от политической реальности, от социальных условий и последствий движения исследуемых им величин. Действительно, модель группы проф. Медоуза просто констатирует, что предло-

¹ «The Limits to Growth», pp. 23—24.

² Ibid., p. 171.

женные в ней условия прочного равновесия несовместимы с нынешней промышленной цивилизацией, то есть с капиталистической формой ее организации.

Ведь в качестве этих «условий» называются такие меры, как остановка промышленного роста в индустриальных странах начиная с 1975 года, а во всех остальных странах — с 1990 года, хотя общий объем мировой промышленности к тому времени увеличится втрое; изменение всей промышленной технологии для производства продукции с максимальными сроками ее использования, например производство станков, автомобилей и т. п. с расчетом на срок службы в 30 лет и более, практически не изнашиваемых изделий текстильной промышленности, неперегораемых электрических лампочек и т. д.; повсеместная борьба против загрязнения окружающей среды и сокращение потребления минеральных ресурсов до $\frac{1}{4}$ нынешнего потребления; предпочтение капиталовложениям в сельское хозяйство и использование всей площади обрабатываемых земель, независимо от условий рентабельности. Требование реализации подобных условий означает фактически требование прекращения промышленного роста, в первую очередь в развитых индустриальных странах. Но, как подчеркнул М. Боске в статье «Влияние промышленного развития капиталистического мира на окружающую среду», «когда экологи наряду с группой Массачусетского технологического института требуют прекращения промышленного роста, причем считают это прекращение для богатых стран «самой неотложной необходимостью», они выдвигают предложения, подлинное подрывное значение которых они сами подчас плохо понимают: их экологическая логика представляет собой просто-напросто полное отрицание капиталистической логики»¹. Прекращение промышленного роста при капитализме означает прекращение накопления капитала, то есть капитализации части прибавочной стоимости ради производства все большей и большей прибавочной стоимости, иначе говоря — отмену всеобщего, абсолютного закона капиталистического накопления при оставлении основ капиталистического способа производства в неприкосновенности. Прекращение накопления капитала имеет место только в период кризиса или омертвления части капитала в виде сокровища. И хотя кризис имманентно

¹ «Le Nouvel Observateur», juin — juillet, 1972.

присущ капитализму, он — не цель капиталистического производства, а неизбежный взрыв его антагонистических внутренних противоречий. Идея о возможности капитализма без накопления капитала — это иллюзии о возможности существования капитализма, прекратившего свое функционирование. Таким образом, модель глобального равновесия, абстрагируясь от диаметральной противоположности реально существующих социальных систем и их основных экономических законов, рассматривает проявления «экологического кризиса» как порождение самого процесса индустриализации, независимо от его общественных форм, и предлагает выход на базе исключительно абстрактных технико-экономических, а не социальных факторов общественного прогресса.

Остановка экономического роста — главное условие компьютерной модели глобального равновесия, предложенной группой проф. Медоуза. Эта группа пытается отвести от себя обвинение в том, что она выступает противником прогресса, предлагая для него новые критерии: стабилизация промышленного производства и роста населения возмещается развитием сферы услуг, образования, созданием долговечных вещей, пропагандой философии скромного, прочного и здорового образа жизни. Подобная модель глобального равновесия выглядит социально беспристрастной: она построена только на данных технико-экономического анализа, внешне полностью абстрагированных от природы социально-экономического строя общества. Но, поскольку в эту модель с самого начала заложена идея, что целью экономического роста всегда и везде является максимизация прибыли, она имеет дело не с экономическим ростом вообще, а с его специфически капиталистической формой.

Когда буржуазные экологи, выступающие под маской классовой беспристрастности, констатируют разрушительное воздействие экономического роста ради максимизации прибыли на окружающую среду, они фактически признают неспособность капиталистической системы поставить достижения науки и техники на службу человеку и ликвидировать порожденный ею экологический кризис.

Идеологи государственно-монополистической олигархии активно поддерживают утверждение буржуазных экологов о том, что явления экологического кризиса порождены не капиталистическими методами использования производительных сил, а самим процессом индустриали-

зации, независимо от его общественных форм. Вместе с тем они с возмущением отвергают вывод этих экологов о неспособности экономической системы, развивающейся ради максимизации прибыли, установить действенный контроль над вредными побочными результатами индустриального роста и требование остановить промышленное развитие. Председатель правления «Чейз Манхэттен бэнк» Д. Рокфеллер выступил в газете «Нью-Йорк таймс» со статьей «Капитализм: хорошо это или плохо? Необходимы поиски среднего пути». «Сегодня капитализм, — писал он, — как это часто бывало и в прошлом, является объектом резкой критики. В самом деле, перечень самых различных грехов, взваливаемых на его плечи, поистине примечателен. Наиболее обычные обвинения — это несправедливое распределение богатства, загрязнение окружающей среды и обман потребителя»¹.

Связывая эти обвинения с непониманием природы капитализма, сила которого заключается якобы в «его приспособляемости», и защищая мотив прибыли как главный фактор развития новых производственных ресурсов и технического прогресса, Д. Рокфеллер утверждает, что капитализм может сохраниться и увеличить свою жизнеспособность на пути лучшей увязки своих экономических и социальных целей. Его вывод сводится к тому, что только более позитивная роль деловых кругов, корпораций в общем потоке согласованных усилий способна решить такие сложные проблемы современности, как уменьшение загрязнения окружающей среды и др. Выводы Рокфеллера — откровенная, классово ясная апологетика монополистического капитализма. Аналогичные цели преследуют заявления ряда буржуазных идеологов, маскирующих апологетику капитализма под защиту промышленного прогресса вообще. Американский экономист А. Льюис утверждает, что для промышленного общества (имея в виду капиталистическое промышленное общество) прогресс означает не зло и загнивание, а грандиозный шанс. По его мнению, аргумент в пользу экономического роста заключается в том, что такой рост дает человеку бóльшую власть над его окружением, а следовательно, и бóльшую свободу. Отвергая постановку многими экологами вопроса о необходимости выяснить, в чьих интересах происходит экономический рост и обеспечивает

¹ «New York Times», March 23, 1973.

ли он счастье человека, Льюис откровенно заявляет, что «счастье — не единственное благо в мире: люди отличаются от свиней тем, что они в большей степени контролируют свое окружение, а не тем, что они счастливее свиней». Тем самым Льюис видит в капитализме с его целью максимизации прибыли только фактор развития производительных сил, полностью игнорируя антагонистическую природу его производственных отношений, и утверждает, что само развитие производительных сил обеспечит капитализму установление необходимого контроля над окружающей средой. Прямолинейные апологеты империализма типа З. Бжезинского откровенно отвергают модели группы Медоуза именно на том основании, что приостановка производства на базе теории «нулевого роста» подорвала бы прежде всего капитализм. Суть концепции «нулевого роста», как заявил Бжезинский, «состоит в том, что она требует прекращения экономического (но не обязательно демографического) роста развитого общества, видя в этом единственное средство преодоления неравенства в глобальном масштабе и устранения растущей угрозы существованию человечества в результате оскудения природных ресурсов и усиливающегося экологического кризиса... Рост экономики стал почти таким же пугалом нашего времени, как рост науки и техники»¹. Бжезинский выступает против концепции «нулевого роста» как откровенный апологет американского империализма и антикоммунист.

При отсутствии дальнейшего экономического роста, пишет он, «американский капитализм... придет к краху, а свобода и равные возможности могут быть утрачены». Как «объясняет» Бжезинский, «нулевой рост» нельзя обеспечить без принудительного перераспределения богатства, иначе говоря, без лишения капиталистической системы ее главного стимула — стремления капитала к максимизации прибыли всегда, везде и любыми доступными способами. Это — аргумент от функции накопления капитала, сдобренный обычной для буржуазных политэкономов ссылкой на капитализм как строй «равных возможностей», дающий якобы любому индивидууму «возможность продвинуться или, по крайней мере, поддерживающий в нем надежду на продвижение». Дру-

¹ «Newsweek», March 27, 1972.

гое возражение против концепции «нулевого роста» — уже чисто антикоммунистического характера.

Поскольку нельзя принудить к «нулевому росту» все страны, то в случае принятия его на вооружение лишь отдельными государствами возникает ситуация, при которой отдельные развитые страны по собственному произволу стали бы использовать свою превосходящую индустриальную и техническую мощь в политических и экономических целях. «В результате страны, — пророчествует Бжезинский, — добровольно принявшие принцип «нулевого роста», превратились бы в сателлитов тех, кто этого не сделал».

Бжезинский ясно дает понять, что в данном случае речь идет об «угрозе мирового коммунизма», против которой он призывает бороться не покладая рук. Выдвигаемая им альтернатива «нулевому росту» — стандартная концепция государственно-монополистической олигархии о «планируемом росте» в направлении так называемого «технотронного общества», где новейшая техника и электронно-вычислительные машины должны помочь монополистической элите укрепить свое господство и расправиться с любыми выступлениями трудящихся масс против основ капиталистического строя.

Таким образом, идеологи государственно-монополистической олигархии отвергают глобальную модель группы проф. Медоуза прежде всего потому, что выводы экологов и предлагаемые ими рецепты несовместимы с самой сущностью капитализма, правом буржуазных собственников — частных лиц, корпораций или государственных монополий — накапливать капитал в целях получения прибылей.

Эта позиция вполне последовательна с точки зрения коренных интересов класса капиталистов, прежде всего его монополистической верхушки.

В то же время такая прямолинейная защита капитализма не принимается даже рядом буржуазных экологов, видящих угрожающие последствия роста экономики, нацеленной исключительно на извлечение прибылей.

Критикуя иллюзорные представления группы «Римского клуба» и исследования ученых Массачусетского технологического института, некоторые экологи подчеркивают, что стагнационная модель равновесия рассчитана на увековечение привилегий тех, кто находится наверху. Как писал журнал «Шпигель», «самыми ретивы-

ми пропагандистами остановки прогресса являются капитаны экономики, объединенные в «Римском клубе». Помимо страха перед тем, как бы технические, экономические и социальные перемены не смели их с тронов, привилегированных одолевает еще одно чувство: весь комфорт, связанный с благосостоянием, будет только наполовину прекрасен, если пользоваться им сможет каждый»¹.

Более серьезное возражение против модели группы проф. Медоуза привела газета «Гардиан»: «Модели новых направлений в политике, предлагаемые данной работой в качестве средства стабилизации общества в глобальном масштабе, в высшей степени неприемлемы и во многих отношениях чужды для тех индустриальных, философских и политических концепций, которых придерживаются правительства»². Модель глобального равновесия в мире, расколотом на противоположные общественные системы — капитализм и социализм, классовой борьбы во всемирном масштабе, борьбы стран «третьего мира» за независимость, экономический и социальный прогресс, острых классовых антагонизмов внутри капиталистического общества неизбежно оказывается либо оторванной от жизни абстракцией, либо благой утопией. Действительно, модель группы проф. Медоуза просто констатирует, что предложенные в ней условия прочного равновесия несовместимы с нынешней промышленной цивилизацией, то есть с капиталистической формой ее организации, что и делает ее объектом критики со стороны сторонников монополий.

Другая группа буржуазных экологов приходит к выводу, что не сам по себе экономический рост, а рост в интересах прибылей ведет к угрожающему ухудшению окружающей среды. Французский социолог А. Турэн отмечал, что страдания являются неизбежным следствием прогресса только в том случае, если по-прежнему мириться с либеральной схемой, при которой проблемы экономического роста в значительной мере не зависят от проблем социального строя. «Либеральная схема» критикуется именно за то, что направления вложений капитала определяются узкой группой промышленников, главным мотивом деятельности которых является извлечение при-

¹ «Der Spiegel», Nr. 2, 1973.

² «Guardian», March 6, 1972, p. 12.

были. Казалось бы, от этой правильной констатации всего один шаг до признания углубления основного противоречия капитализма между общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов и исторической неизбежности смены капитализма социализмом.

Но шоры буржуазной ограниченности и отрицание социалистической альтернативы приводят представителей этой группы в лагерь реформизма с его иллюзиями о возможности исправления и улучшения капитализма без коренной ломки общественных отношений. Так, оставляя основы капитализма в неприкосновенности, экономист В. Глаштеттер из научно-исследовательского института экономики объединения немецких профсоюзов в ФРГ выдвигает чисто реформистское требование заменить рассчитываемые на основе частноэкономических критериев рентабельности решения об инвестициях такими решениями, которые основывались бы на общеэкономических потребностях и находились бы под демократическим контролем.

Буржуазно-либеральные и реформистские проекты не в состоянии устранить отрицательное воздействие развития капитализма на окружающую среду. Но они показательны прежде всего тем, что вольно или невольно отражают факт несовместимости капитализма с интересами дальнейшего общественного прогресса.

Коммунисты называют ряд конкретных программ борьбы за сохранение окружающей среды, ориентирующих широкие демократические силы на борьбу против хищнических монополий, отдавая себе отчет в том, что, пока сохраняется капитализм, прогрессивные мероприятия по защите среды будут постоянно находиться под угрозой срыва; коммунисты в то же время ориентируются на то, что возмущение общественности и нажим масс в капиталистических странах могут заставить правительства пойти на некоторые мероприятия даже за счет ущемления интересов определенных групп монополистического капитала. Лишь социализм может дать окончательное решение этой проблемы, но социализму безразлично, в каком состоянии оставит ему планету капитализм. Поэтому борьба за сохранение окружающей среды выступает ныне как защита всех демократических, прогрессивных сил, тесно переплетаясь с задачей защиты мира на Земле.

Несостоятельность буржуазных трактовок проблем окружающей среды в условиях социализма

Одной из важнейших характеристик развитого социалистического общества выступает объективная возможность и необходимость органического соединения достижений современной науки и техники с преимуществами социализма, создание на этой основе высшей по сравнению с капитализмом общественной производительности труда.

Эта задача, в полном объеме поставленная XXIV съездом КПСС, настойчиво и последовательно воплощается в жизнь в процессе построения материально-технической базы коммунизма.

Пути и методы соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социалистического общественного строя как тенденция развитого социализма становятся объектом не только пристального внимания буржуазных теоретиков, но и объектом различного рода недобросовестной критики со стороны противников социализма. Их оценки перспектив развития советского общества опираются прежде всего на попытки противопоставить закономерности самой научно-технической революции тем общественным условиям, в которых она развивается, доказать, с одной стороны, независимость научно-технической революции от социального строя общества, а с другой — «несовместимость» социально-экономической структуры развитого социализма с собственными императивами научно-технической революции.

Тезис о независимости научно-технической революции от общественного строя получил наиболее развернутое отражение в теориях «постиндустриального общества». Марксистская критика этих теорий акцентировала прежде всего внимание на их апологетическом характере и в гораздо меньшей степени анализировала такой их существенный аспект, как попытка дискредитации развитого социализма с точки зрения возможностей наиболее полного использования достижений науки и техники в интересах общественного прогресса. В этой связи серьезное значение приобретает проблема критического анализа данного аспекта теорий «постиндустриального общества».

Сторонники этой теории — Р. Арон, А. Турэн, Д. Белл

и др., подходя к развитому социалистическому обществу в СССР исключительно с точки зрения уровня индустриального развития под влиянием научно-технической революции, приходят к выводу о наличии в «любом развитом обществе» ряда общих противоречий между человеком и техникой, человеком и природой и т. п. Рассматривая проблемы развитого социализма в технико-экономической плоскости, они видят его перспективу в «конвергенции» и провозглашают результатом ее возникновение новых общих проблем, решению которых будет препятствовать лишь сохранение социалистического социально-политического строя.

Подчеркивая самодовлеющую роль технического прогресса, сторонники «постиндустриального общества» утверждают, будто в процессе индустриального развития современное советское общество сталкивается с трудностями, однотипными для всех развитых обществ, прежде всего с дегуманизацией человеческого бытия и кризисом окружающей человека среды.

Одной из причин дегуманизации общественной жизни в условиях развитого социализма буржуазные теоретики объявляют отставание производства потребительских товаров и сферы услуг от потребностей людей, «неспособность» системы эффективно использовать в этих целях технический прогресс. Западгерманский социолог Буххольц в статье «Научно-техническая революция и соревнование двух систем» утверждает, будто в условиях советской экономики стремительно растущий потенциал научно-технических знаний не может реализоваться в материальном производстве так же быстро, как в условиях рыночной экономики¹. Таким образом, сама структура социализма провозглашается препятствием на пути использования достижений технического прогресса в интересах человека. Другие буржуазные теоретики маскируют подобные антикоммунистические выводы рассуждениями о всеобщности антигуманных последствий развития науки и техники, подводя вместе с тем к выводу, что не социализм с его системой планового хозяйства и государственного управления, а другая общественная организация сумеет предотвратить угрозу порабощения человека техникой.

¹ A. Buchholz, Wissenschaftlich-technische Revolution und Wettbewerb der Systeme, «Osteurope», Stuttgart, 1972, Nr. 5, S. 387.

Наряду с распадом человеческой личности сторонники идеи о самодовлеющей роли технического прогресса в любом обществе говорят о всеобщей угрозе экологического кризиса. В статье «Модель 1980 года» Г. Кан из всего разнородного комплекса элементов социально-политической организации общества прежде всего выделяет угрозу разрушения биосферы. Кризисная ситуация, независимо от тех или иных общественных условий, наступит, по прогнозу Гудзоновского института, возглавляемого Каном, к 1985 году, в связи с чем главной задачей человечества становятся поиски путей преодоления этого кризиса¹. Буржуазные теоретики, говоря об угрозе кризиса биосферы по мере технического прогресса, все более откровенно связывают углубление этого кризиса с развертыванием научно-технической революции в СССР, утверждая, будто развитое социалистическое общество не только сталкивается с теми же проблемами, что и западный мир, но в силу своей структуры лишено средств борьбы с этими проблемами. Ссылаясь на используемые в марксистской экономической науке категории производительного и непроизводительного труда, производственной и непроизводственной сферы, К. Буш в статье «Экологические проблемы Советского Союза» утверждает, будто СССР никогда не пойдет на выделение 8—12% национального дохода, необходимых для восстановления разрушенной среды, так как относит эти расходы к «непроизводственной сфере»².

Тезис о том, что социально-экономическая система развития социализма не только не ликвидирует «общие отрицательные последствия технического прогресса», а усугубляет их, все более широко используется противниками социализма. Проф. М. Голдман выступил в 1972 году с книгой «Вредные последствия прогресса: загрязнение окружающей среды в Советском Союзе», основным тезисом которой является утверждение, будто господствующая в СССР система государственной собственности по мере индустриализации еще менее способна справиться с отрицательными последствиями прогресса, чем система частной и корпоративной собственности капиталисти-

¹ H. K a h n, Model für 1980. «Das 1988. Jahrzehnt», Hamburg, 1969, SS. 11—12.

² K. B u s h, Environmental Problems in the USSR, «Problems of Communism», Wash., 1972, No 4, p. 21.

ческих стран¹. В качестве теоретического обоснования подобного тезиса обычно используется ссылка на трудовую теорию стоимости. Как утверждает Д. Крамер в статье «Цены и сохранение природных ресурсов в СССР», для роста советской экономики большое значение имело то, что плановики либо устанавливали минимальные цены на естественные ресурсы, либо вообще не устанавливали цен на них, чтобы стимулировать развитие тяжелой промышленности. В идеологическом плане это объясняется законом стоимости, который утверждает, «что природные ресурсы следует рассматривать как бесплатные, поскольку труд не участвует в их создании»².

Следовательно, исходный тезис буржуазных теоретиков о независимости научно-технической революции от общественных отношений применительно к развитому социализму в СССР трансформируется в утверждение, будто сохранение социалистических общественных отношений все более выступает не только как тормоз на пути процесса «конвергенции», но и как причина усугубления тех катастрофических последствий, к которым ведет развитие науки и техники само по себе.

В критическом анализе подобных антикоммунистических утверждений особое значение приобретает проблема защиты окружающей среды при социализме, ибо строительство социалистического общества в ряде случаев сопровождается появлением вредных побочных продуктов человеческой деятельности, по своим технико-экономическим характеристикам однотипным с результатами развития капиталистической промышленности. Дело, однако, в том, что внешняя схожесть технико-экономических характеристик затушевывает вопрос о главных социальных источниках экологических проблем и о реальных путях их решения в будущем.

Победа социализма — первой фазы коммунистической формации — отнюдь не означает, что тем самым сразу и автоматически будут ликвидированы все вредные последствия возрастающей силы человеческой деятельности в отношении окружающей среды. Основоположники марксизма-ленинизма отдавали себе в этом ясный отчет.

¹ M. Goldman, *The Spoils of Progress: Environmental Pollution in the Soviet Union*, Cambr., Mass. and L., 1972.

² J. M. Kramer, *Prices and Conservation of Natural Resources in the Soviet Union*, «Soviet studies», 1973, vol. XXIV, No 3, p. 365.

Ф. Энгельс, например, отнюдь не сбрасывал со счетов возможность отрицательных общественных результатов демографического взрыва. «Абстрактная возможность такого численного роста человечества, — писал он, — которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений»¹.

Только цивилизация, основанная на общественной собственности на орудия и средства производства, в состоянии объективно обеспечить планомерное регулирование всех видов человеческой деятельности в интересах самого человека. Революционный марксизм подлинно гуманистичен в своей сущности, и на эту сторону теории научного коммунизма Маркс, Энгельс, Ленин всегда обращали самое пристальное внимание. «Коммунизм, — писал К. Маркс, — как *положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека* — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой сущности* человеком и для человека, а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т. е. человеческому. Такой коммунизм... есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью... Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»².

Первая фаза коммунистического общества — социализм — еще несет на себе ряд «родимых пятен капитализма». Это проявляется, в частности, и в том, что в Советском Союзе и других социалистических странах вредные побочные результаты производственной деятельности еще не поставлены под полный контроль, имеют место нарушения технологии или использование недостаточно всесторонне, с точки зрения учета всех последствий, разра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 35, стр. 124.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 588.

ботанной технологии, в результате чего происходят выброс в атмосферу неочищенных газов, сброс в реки и водные бассейны неочищенных вод, эрозия почвы и т. п. Советская общественность ряд лет справедливо была тревогу по поводу возможного загрязнения озера Байкал, Волги и других водоемов.

Ученые в СССР и других социалистических странах широко обсуждают проблемы защиты окружающей среды при социализме, пути и методы решения этих проблем, высказывают различные конструктивные и критические соображения. Так, в беседе за круглым столом, проведенной редакцией журнала «Вопросы философии» в начале 1973 года и посвященной вопросам экологии, обсуждались различные пути защиты окружающей среды при социализме. Одни отстаивали необходимость выделения средств прежде всего на создание очистных сооружений; другие, ссылаясь на их дороговизну, считали более перспективным иной путь — рациональное размещение производительных сил, где особо велики преимущества социализма, позволяющего формировать новые территориально-производственные комплексы с учетом всей совокупности последствий промышленной деятельности для общества; третьи обращали внимание на то, что загрязнение окружающей среды происходит главным образом от расширения производства на старой промышленной основе.

Проблемам охраны биосферы и рационального использования биологических ресурсов было посвящено общее собрание Академии наук СССР 21 июня 1973 г.

Академии наук совместно с заинтересованными министерствами поручено разработать методику экономической оценки использования важнейших природных ресурсов, принять участие в составлении научно-технического прогноза возможных изменений в биосфере в результате развития народного хозяйства СССР в ближайшие 20—30 лет. В прогнозе на основе результатов научных исследований должны быть определены меры по предотвращению отрицательного воздействия хозяйственной деятельности на природную среду, а также по дальнейшему развитию этих исследований.

Собрание Академии наук СССР особо подчеркнуло необходимость объединения усилий ученых различных специальностей, обеспечения комплексного проведения исследований в этой области, ибо здесь ряд проблем име-

ет глобальный характер. Именно поэтому СССР участвует в крупных международных проектах, связанных с рациональным использованием природы. Эта проблематика разрабатывается в рамках Комплексной программы социалистической экономической интеграции стран—членов СЭВ. Развивается сотрудничество с США, Францией и другими странами.

Огромное внимание к защите окружающей среды в СССР и ряде других социалистических стран свидетельствует о коренных преимуществах социализма.

С первых дней Советской власти охрана окружающей человека среды, рациональное использование природных ресурсов неизменно пользуются огромным вниманием социалистического государства. Первостепенное значение придавал этим вопросам В. И. Ленин. Его идеи о бережном отношении к богатствам природы, их экономном, наиболее выгодном для всего народа использовании широко воплощаются в жизнь.

Правильному отношению к земле, водам, атмосфере, полезным ископаемым, а также к воспроизводству растительного и животного мира большое внимание было уделено XXIV съездом КПСС. Центральный Комитет КПСС, Совет Министров СССР приняли ряд постановлений о мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря, бассейнов Волги и Урала, озера Байкал и др. Верховный Совет СССР утвердил основы законодательства — земельного, водного, о здравоохранении, обсудил вопрос об охране природы и рациональном использовании ее богатств.

В сентябре 1972 года Верховный Совет СССР принял всеобъемлющий закон «О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов», который исходит из того, что научно-техническая революция и мощная база советской индустрии позволяют в условиях социалистической действительности разумно пользоваться природными богатствами и успешно решать исторически важную задачу по нейтрализации вредных побочных явлений хозяйственной деятельности.

В январе 1973 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли развернутое постановление об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов. Масштабы намеченных в этом отношении работ огромны. Так, в 15 городах, расположенных на Волге и

Каме, строятся очистные сооружения стоимостью более 300 млн. руб. В течение четырех лет для постройки на 421 предприятии сооружений по очистке промышленных стоков, оснащенных новейшими средствами автоматического контроля и управления, будет израсходовано около 700 млн. руб. К 1980 году намечено полное прекращение сброса неочищенных вод во всех городах бассейнов рек Волги и Урала. Другой пример. Воздух Москвы намного чище, чем в любом городе Европы, так как за последние 10 лет около 300 предприятий, загрязнявших атмосферу, вынесено за черту города или подвергнуто коренной реконструкции.

Можно назвать много наглядных примеров, показывающих, чего можно достичь благодаря современным методам очистки. На Щекинском химическом комбинате была проведена целая система мероприятий, начиная от изменения технологических процессов и кончая строительством очистных сооружений, и теперь это крупное предприятие не загрязняет воздух выше допустимых норм. Благодаря этому снята угроза гибели мемориального парка в Ясной Поляне. Другой пример — Рязанский нефтеперерабатывающий завод. Его отходы, спускаемые в настоящее время в Оку, чище, чем сама вода в этой реке. Подобных примеров можно привести немало. И едва ли не самый яркий из них — Байкальский целлюлозный завод. Там построены уникальные очистные сооружения. Затрата громадных средств в данном случае абсолютно оправдана: Байкал есть Байкал!

Стоимость очистных сооружений огромна. Так, на Щекинском комбинате она составляет 40% его основных производственных фондов. Однако эти затраты дают не только экономический эффект, но и служат делу сохранения биосферы.

Заместитель Председателя Совета Министров ГДР доктор Вернер Титель в интервью «Литературной газете» отметил: «В целях централизованной государственной координации, подготовки принципиальных решений Совета Министров, прогнозирования и перспективной оценки развития мер по охране природы и было решено образовать при Совете Министров постоянную Комиссию по охране природы и возложить руководство на заместителя Председателя Совета Министров.

В долинах рек Вайсе Эльстер и Заале и связанном с ними промышленном районе вокруг города Галле под

контролем комиссии был проведен двухгодичный эксперимент. Проверялись методы руководства охраной природы, и в особенности эффективность экономических рычагов для сохранения чистоты воздуха и воды. Итоги эксперимента были использованы при разработке обязательных экономических предписаний, а также ряда финансовых мер, стимулирующих работы по охране окружающей среды»¹.

Все эти факты убедительно опровергают вымыслы буржуазных идеологов, будто социализм «не пойдет на выделение средств, необходимых для защиты окружающей среды», «усугубляет эти проблемы» и проч. Конечно, пока еще сделано далеко не все, что нужно, в этой области.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» отмечалось:

«Многие министерства, ведомства, предприятия и научно-исследовательские организации не занимаются должным образом вопросами охраны окружающей природной среды от загрязнения и обеспечения рационального использования природных ресурсов, не уделяют достаточного внимания разработке технологических процессов, исключаящих или существенно снижающих степень загрязнения почвы, атмосферы и сточных вод, не проводят необходимых исследований по совершенствованию методов и технологии очистки сточных вод, газоочистки и по другим актуальным проблемам охраны природы и воспроизводства естественных богатств»². Но эти отрицательные явления выступают не как неизбежное порождение социалистической индустриализации и развертывания научно-технической революции в условиях социализма, а как нарушение их коренных принципов, против которого социализм успешно борется всеми силами своего организованного планового общества.

На этом фоне особенно ясно выступает расточительный характер капиталистического строя, в условиях которого природа, как и человек, превращена в объект капиталистической эксплуатации ради получения прибыли.

Социализм дает не только теоретический ответ на проблемы экологического кризиса, но и ищет пути их

¹ «Литературная газета», 28 апреля 1971 г., стр. 12.

² «Правда», 10 января 1973 г.

практического решения на базе планового общественного производства в интересах всего общества, каждого его члена, в интересах нынешних и грядущих поколений людей.

Главным источником опасных экологических явлений была и остается капиталистическая система, хищнические монополии. Об этом с большой прозорливостью говорил В. И. Ленин.

А. М. Горький в книге «Владимир Ильич Ленин» вспоминает, как, беседуя на Капри с одним из русских философов об утопическом романе, В. И. Ленин заметил: «Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, дерево, весь уголь. Это была бы очень полезная книга...».

В конечном счете классовые цели капитализма определяются мотивом извлечения прибыли за счет эксплуатации трудящихся масс и хищнического расточения природных ресурсов. Классовые цели социализма неразрывно связаны с обеспечением материальных и духовных потребностей людей, в значительной степени зависящим от бережного и рационального использования ресурсов природы, защиты окружающей среды.

Новейшая апологетика капитализма стала еще более многоликой. Она рядится в различные, внешне противоположные, но по сути своей единые реакционные, буржуазно-либеральные, оппортунистические и ревизионистские теоретические покровы, призванные увековечить мир капиталистической эксплуатации и дискредитировать социализм. Положив в основу апологетики капитализма принцип «технологического детерминизма», противники научного коммунизма, как и прежде, направляют свои главные усилия на борьбу против учения о всемирно-исторической миссии пролетариата, о неизбежности смены капитализма социализмом в очищающем огне социалистической революции, пытаются скрыть антагонистические противоречия буржуазного общества, посеять иллюзии о коренном изменении его эксплуататорской природы. Вопиющее несоответствие апологетических построений реальной действительности капиталистического мира вынуждает его защитников шарахаться из крайности в крайность, брать на вооружение как призывы к диктатуре кибернетического фашизма, так и истерические идеи о беспомощности человека перед лицом взбесившегося

зверя — техники, рисовать фантастические картины «общества изобилия» сытого мещанства и сетовать по поводу утраты этим обществом гуманистических ценностей. Эти шарахания отражают страх идеологов буржуазии перед марксистско-ленинским анализом реальных социальных проблем современности, свидетельствуют об углублении кризиса буржуазной идеологии, не способной выдвинуть никаких жизнеутверждающих идей.

* * *

Попытки идеологов монополий продлить существование капиталистической системы с помощью антинаучных футурологических прогнозов облика будущего, увести трудящиеся массы от борьбы против господства капитала, снять с империализма ответственность за хищническое расточение природных ресурсов Земли и безудержную эксплуатацию человека опрокидываются самой жизнью. Размах классовой борьбы, выступления трудящихся масс против ига монополий неуклонно нарастают. Экономические требования трудящихся все более тесно переплетаются с политическими, направлены на ограничение власти монополий, против реакционного внутреннего и внешнего курса империалистических правительств. Поступательное развитие социализма, величественная программа XXIV съезда КПСС, успешно и последовательно воплощающаяся в жизнь, на опыте убеждают людей труда повсюду в мире, что лишь на пути социалистических преобразований возможно избавление человечества от гнета монополий, угрозы войны, голода и расхищения ресурсов нашей планеты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Мировой социализм — оплот мира и прогресса	12
Мирное сосуществование и идеологическая борьба . . .	12
Разрядка напряженности и ее противники	24
Глава II. Научно-техническая революция и иллюзии буржуазного технократизма	43
Социальные аспекты научно-технической революции современности	43
Истоки и сущность идеологии технократизма	52
Глава III. Общественный прогресс и буржуазная футурология	95
Техника — разрушитель общественных и человеческих ценностей?	95
Технический прогресс и буржуазный индивидуализм . . .	123
Глава IV. Проблемы окружающей среды — идеологический аспект	158
Капиталистическое использование научно-технической революции и окружающая среда	158
Несостоятельность буржуазных трактовок проблем окружающей среды в условиях социализма	188

Геннадий Борисович Хромушин

**СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА**

**(критика антимарксистских концепций
о влиянии НТР на судьбы человечества)**

Редактор Г. М. Крылова

Оформление художника Б. М. Разина

Художественный редактор Р. А. Казаков

Технический редактор М. А. Полуян

Корректор Л. А. Суркова

A09007. Сдано в набор 27/XII 1973 г. Подписано
в печать 15/IV 1974 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
тип. № 2. Печ. л. 6,25. Усл. п. л. 10,50. Уч.-изд.
л. 10,97. Тираж 16 000 экз. Изд. № 23—И.
Цена 68 коп. Зак. № 9. Издательство «Междуна-
родные отношения». 103031, Москва К-31, Куз-
нецкий мост, 24. Ярославский полиграфкомбинат
«Союзполиграфпрома» при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли.
Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 68 коп.

